Н. К. МАЛИНАУСКЕНЕ

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Н. К. МАЛИНАУСКЕНЕ

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

общие вопросы и доклассический период

КУРС ЛЕКЦИЙ

ГЛК

«Греко-латинский кабинет»®
Ю.А.Шичалина

Москва 2001

Научный редактор: Л. П. Поняева
(кафедра классической филологии МГУ)

Рецензент: проф. Т. А. Карасева
(кафедра классической филологии МГЛУ)

ISBN 5-87245-076-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном издании читателю предлагается первая часть курса лекций «Введение в историю латинского языка (общие вопросы и доклассический период)», которые были прочитаны в осеннем семестре 2000/2001 уч. г. в Греко-латинском кабинете Ю. А. Шичалина для студентов и преподавателей Духовной семинарии и Академии. Таким образом, лекции предназначались не для филологов-классиков, а для людей, освоивших основы грамматики латинского языка, читавших на нем тексты отдельных авторов и желающих получить представление о его развитии. Для таких слушателей имеющиеся на русском языке пособия, с одной стороны, недостаточны, поскольку в них нет сведений, получаемых филологами в процессе обучения по другим дисциплинам, а, с другой стороны, напротив, избыточны, так как не все лингвистические факты представляют для них интерес и могут даже отпугнуть своей сложностью.

Целью нашего курса было освещение индоевропейского происхождения латинского языка, основных этапов, процессов, тенденций в его истории, а также подготовка слушателей к осмысленному с точки зрения восприятия языковых форм чтению текстов разных периодов этой истории.

В основу курса лекций были положены ставшие уже классическими труды И. М. Тронского «Очерки из истории латинского языка». М.–Л.: 1953 и «Историческая грамматика латинского языка». М.: 1960[1] . Они были дополнены некоторыми материалами, появившимися в последние десятилетия, а также сведениями, необходимыми для понимания нашего курса, которые филологи-классики обычно получают при изучении таких дисциплин, как

1 Когда предлагаемый курс лекций уже прошел редакционную подготовку, появилось второе дополненное издание «Исторической грамматики латинского языка» И. М. Тронского, объединенное в одной книге с его монографией «Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)» под общей редакцией Н. Н. Казанского и с послесловием Н. Н. Казанского и А. И. Солопова «Изучение исторической грамматики латинского языка на современном этапе» (М., 2001).

«Введение в языкознание», «Античная литература», «Латинский язык и авторы», спецкурсов «Латинская эпиграфика», «Народная латынь», «Введение в индоевропеистику».

Материал излагается по периодам развития языка, начиная с наследия индоевропейской и общеиталийской эпохи. Внутри периода изложение ведется по уровням: фонетика, морфология (в основном имени и глагола), словообразование, лексика, синтаксис. Отдельные положения, факты могут рассматриваться повторно, в связи с новым кругом проблем, в других аспектах. Некоторые вопросы, которые первоначально не предполагалось освещать подробно, вызывали особый интерес слушателей, и ответы на них также вошли в текст данного издания.

В конце каждой лекции для закрепления материала приводятся контрольные вопросы, акцентирующие внимание на основных положениях лекции. Текст лекции рассчитан реально на тот объем, который может быть изложен за два академических часа. Кроме того, часть времени на занятиях посвящается практическому закреплению прослушанного материала, что отражено в практических заданиях (частично они могут выполняться внеаудиторно). В большинстве случаев для этих заданий использован материал «Хрестоматии по ранней римской литературе» К. П. Полонской и Л. П. Поняевой (М., 2000), на которую даются необходимые ссылки. В лекциях также приводятся сведения об авторах текстов, предлагаемых в практических заданиях.

Список литературы в конце лекции ориентирует на самые общие, принципиальные для данной темы вопросы, причем в указанных пособиях приводятся конкретные страницы, имеющие отношение к данной лекции. В этот список могут быть введены и отдельные статьи, появившиеся в последние годы, если они освещают по-новому тот или иной вопрос. В тексте же лекций приводится дополнительная литература, которая позволит желающим изучить избранный вопрос глубже. В первую очередь рекомендуется литература на русском языке, в которой, как правило, представлена

более обширная библиография, в том числе и на иностранных языках. В нашем издании труды на иностранных языках приводятся в том случае, если им нет аналогов на русском языке: издания текстов, справочная литература, фундаментальные труды или работы по конкретным проблемам.

Предлагаемое издание носит предварительный характер, поэтому автор ждет советов и замечаний специалистов для его доработки. Автор глубоко признателен научному редактору Л. П. Поняевой за всестороннюю помощь и с благодарностью вспоминает ее лекции по истории латинского языка, прослушанные на классическом отделении филологического факультета МГУ. За ценные замечания и дополнения автор искренне благодарен рецензенту проф. Т. А. Карасевой.

Думается, что ориентированное на задачи вводного курса пособие найдет своего читателя среди специалистов разного профиля, знакомых с базовым курсом латинского языка и желающих расширить свои знания в области его истории: филологов, историков, философов, культурологов, религиеведов и всех интересующихся данной проблематикой.

ЛЕКЦИЯ 1

МЕСТО ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Индоевропейская семья языков. Основные группы и письменные источники индоевропейских языков.
2. Становление индоевропеистики как науки.

1. Индоевропейская семья языков. Основные группы и письменные источники индоевропейских языков. С точки зрения генеалогической классификации латинский язык относится к италийской группе (ветви) ***индоевропейских языков.*** Помимо италийских языков, о которых мы будем говорить в дальнейшем специально, в индоевропейской семье языков выделяются также группы индо-иранская, славянская, балтийская, греческая, фригийская, германская, кельтская, армянская, албанская, хетто-лувийская (анатолийская) и тохарская. Возможно, некоторые ветви индоевропейской языковой семьи полностью вымерли, не оставив никаких письменных документов. Вполне может быть, что с открытием новых материалов обнаружатся еще неизвестные в настоящее время представители индоевропейской семьи.

Охарактеризуем вкратце каждую из этих групп на основе материалов книги Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Т. I, Тбилиси, 1984, с. XLVI – LII (переизд. Благовещенск, 1998), а также «Лингвистического энциклопедического словаря». М., 1990.

Анатолийские (хетто-лувийские) языки — клинописный хеттский, клинописный и иероглифический лувийский, палайский известны по памятникам II тысячелетия до н. э. Хеттский язык представлен значительным количеством письменных памятников (свыше 15 000 глиняных плиток XVIII—XIII вв. до н. э.). Система письма этих памятников была уже известна: это аккадская (ассиро-вавилонская) клинопись. Но язык при открытии памятников не был известен. Его расшифровал чешский ученый Бедржих

Грозный в 1914—1915 гг. Хеттские документы являются наиболее ранними памятниками, оставшимися от какого-либо индоевропейского языка.

Индийские и иранские языки иногда рассматривают отдельно, но есть много оснований объединять их в индоиранскую (арийскую) ветвь. Наиболее архаическая форма древнеиндийского языка сохранена в Ведах, сборниках религиозных гимнов и изречений. Самым ранним из них и тем самым древнейшим памятником на древнеиндийском языке является Ригведа, записанная индийским слоговым письмом лишь в I тысячелетии до н. э., но составленная значительно ранее, как предполагают, во II тысячелетии до н. э. На архаическом ведийском языке составлена также Атхарваведа. Более поздняя форма литературного древнеиндийского языка известна под названием санскрита. Самыми древними памятниками классического санскрита являются многочисленные эпические произведения, наиболее известные из которых — поэмы Махабхарата и Рамаяна. Санскрит продолжает употребляться в качестве литературного языка параллельно с разговорными среднеиндийскими языками (т. н. пракритами), из которых позднее развиваются современные языки: хинди, бенгали, панджаби, синдхи и др.

От древнеиранского периода сохранились два письменных языка: древнеперсидский, на котором составлены надписи персидских царей из династии Ахеменидов, Дария I (VI—V вв. до н. э.) и его преемников, и авестийский — язык Авесты, основного памятника древнеиранской религии. Древнейшую часть Авесты составляют гимны (гаты), они восходят к первой половине первого тысячелетия до н. э. Современные иранские языки — это новоперсидский (тексты с IX в. н. э.), таджикский, курдский, афганский, осетинский и др.

Греческий язык, древнейшими письменными памятниками которого являются крито-микенские надписи XV—XIII вв. до н. э. и гомеровские поэмы, в древности распадался на ряд диалектов: ионийско-аттическую группу, аркадо-кипрскую, эолийскую, западную (северо-западные говоры и дорийские).

Крито-микенские надписи выполнены архаичным слоговым линейным письмом на глиняных табличках. По содержанию это краткие надписи хозяйственного характера. Большая часть их (около 3000) была найдена в разное время при раскопках города Кносса на Крите, свыше 1200 табличек были найдены позже при раскопках города Пилоса в южном Пелопоннесе. Различают два вида крито-микенского письма: линейное письмо В (расшифровано в середине нашего века английскими исследователями Майклом Вентрисом и Джоном Чэдвиком) и линейное письмо А (до сих пор не расшифровано).

Первый памятник литературного греческого языка – поэмы Гомера – относится примерно к VIII в. до н. э., зафиксирован письменно в VI в. до н. э. После дешифровки надписей микенской эпохи он нисколько не утратил своего значения, потому что микенские надписи дают мало материала в силу их краткости, однообразия и возможности разночтений.

Непрерывная письменная традиция в Греции начинается с VIII в. до н. э., когда появляются эпиграфические памятники, выполненные уже знакомым нам буквенно-звуковым алфавитным письмом. Впоследствии на разных греческих диалектах развивается богатая литература. В эллинистическую эпоху эти диалекты уступили место общегреческому языку (койне), на базе которого сформировался новогреческий язык.

Греческий язык оказывается письменно документированным лучше других индоевропейских языков – в течение наиболее длительного периода времени, на протяжении почти 25 веков.

Фригийский язык известен по надписям первой половины I тысячелетия до н. э. из северо-западной Малой Азии. Различаются немногочисленные древнефригийские надписи начиная с VII в. до н. э., выполненные архаическим письмом, близким к раннему греческому алфавиту, и существенно более поздние новофригийские надписи римского периода, выполненные обычным греческим письмом того времени.

Италийские языки распадались на латино-фалисскую и оскско-умбрскую группу. Латинский язык – первоначально язык области Лациума и города Рима – ассимилировал близкородственный фалисский язык, диалект города Фалерий в Южной Этрурии. Древнейшими письменными памятниками латинского языка являются надписи VII – V вв. до н. э. Литературные произведения появляются с середины III в. до н. э. С I в. до н. э. начинается период классической латыни, представленной богатой литературой. Непрерывное углубление различий между диалектами и литературным языком привело к четкому разграничению sermo urbanus и sermo rusticus (vulgaris). На основе народной латыни сложились современные романские языки: итальянский, сардинский, французский, провансальский, испанский, португальский, каталанский, ретороманский, румынский и др.

Оскско-умбрская группа включает диалекты осков (известны по надписям в Самнии и Кампании), вольсков, умбров и других «сабельских» племен. Важнейший памятник умбрского языка — бронзовые таблицы из древнего Игувия (т. н. Игувинские таблицы). В начале нашей эры оскско-умбрские языки были вытеснены латинским.

Германские языки обычно делят на три основные группы – скандинавскую (северную), восточногерманскую (готскую) и западногерманскую. Наиболее ранний представитель скандинавской группы – язык старших северных рунических надписей. Он еще близок к общегерманскому. Руны – это алфавит древних германцев III – IV вв. н. э. (из 24 букв), служивший для надписей, которые вырезались на дереве, камне и других твердых материалах (древнейшие три скандинавских надписи выполнены на наконечниках копий).

Самым древним литературным германским памятником является перевод Библии на готский язык, сделанный епископом Вульфилой в IV в. и дошедший до нас в списке V или VI века, т. н. Серебряном кодексе (сохранилось 187 листов из 330). Из других готских памятников следует упомянуть отрывок толкования Евангелия от Иоанна (8 листов). Написаны готские памятники особым алфавитом,

близким к греческому. Готский язык составляет восточную группу германских языков.

В северную (скандинавскую) группу входят языки датский, шведский, норвежский и исландский. Наибольшее значение имеют исландские памятники. Собрание народных эпических песен – Эдда – и прозаические сказания – саги – по древности и художественности не имеют ничего равного себе во всей скандинавской литературе.

Западную группу германских языков составляют немецкий, голландский и английский.

Кельтские языки распадаются на две основные группы – континентальный кельтский и островной кельтский. Носители континентальных кельтских диалектов обитали в Иберии начиная с первой половины I тысячелетия до н. э., в Галлии – в римское время, к которому относится ряд коротких надписей на галльском языке; сохранились отдельные группы кельтов в Центральной Европе – в Южной и Западной Германии, альпийских областях, Паннонии, Италии и на Балканском полуострове. Эта ветвь индоевропейских языков некогда была весьма значительной, ныне же представлена сравнительно немногочисленными реликтами.

К островным кельтским языкам на Британских островах относятся гойдельская и бриттская диалектные группы. В гойдельскую группу входят древнеирландский, известный по памятникам огамского письма с IV в. н. э. и более поздним текстам, выполненным письмом на латинской основе; шотландский и мэнский языки. В бриттскую группу входят валлийский язык (глоссы и письменные памятники с XI в. н. э.), корнский и бретонский в Бретани (глоссы на древнебретонском языке с VIII – XI вв. н. э.). Живые кельтские языки все относятся к островной группе.

Армянский язык известен по многочисленным текстам, начиная с V в. н. э., когда великим просветителем армянского народа Месропом Маштоцем была создана армянская письменность. Тогда же появились переводы христианских церковных книг и греческих исторических сочинений на древнеармянский язык (грабар), а также оригинальные армянские тексты, как, например, «История Армении»

Моисея Хоренского, включающая фрагменты наиболее ранних текстов, восходящих еще к дописьменному периоду развития армянского языка.

Тохарские языки известны по письменным памятникам второй половины I тысячелетия н. э. (VI – VII вв.) в крайне восточной полосе распространения индоевропейских языков в Евразии – Восточном (китайском) Туркестане. Различаются два языка, условно называемые «тохарским А» (восточнотохарский) и «тохарским В» (западнотохарский). Большинство текстов представляет собой перевод буддийских (санскритских) памятников; сохранилось некоторое число оригинальных текстов — деловые письма, монастырские ведомости, хозяйственные отчеты.

Славянские языки разделились между собой позже многих других. Распадение общеславянского языка могло начаться приблизительно в VI – VII вв. Распадение древнерусского языка на русский, украинский и белорусский произошло в XIV – XVI вв. и отражено в письменных памятниках. Эти языки составляют восточнославянскую группу. К западнославянской относятся польский, кашубский, чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий; к южнославянской – болгарский, сербохорватский, македонский и словенский.

Самым старшим письменно зафиксированным языком является старославянский – древний письменный язык славянства, сложившийся в IX веке на основе македонского диалекта. Древнейшие письменные памятники его, церковные книги, были написаны во второй половине IX века, но дошли в более поздних списках. К числу древнейших относится и древнерусский язык. Самые ранние его памятники — договоры русских князей с греками и «Русская правда» (свод законов) были созданы в X и XI вв., но дошли в списках XIII и XIV вв.

Балтийские языки — это литовский, латышский и прусский, который исчез в XVII в., но зафиксирован памятниками XV и XVI вв. Письменные памятники литовского и латышского языков начинаются с XVI в., но эти языки, особенно литовский, с поразительной стойкостью сохранили некоторые черты индоевропейского состояния и

имеют важное значение для сравнительного языкознания. Известно высказывание французского языковеда А. Мейе об архаичности литовского языка: «Тот, кто желает знать, как говорили наши предки, должен приехать послушать, как говорит литовский крестьянин». Не меньшей архаичностью отличается прусский язык, но он представлен только словарем XV в. из 800 слов и четырьмя небольшими религиозными текстами XVI в., так что известен недостаточно.

Балтийские языки обнаруживают ближайшее родство со славянскими. Но связи между ними настолько сложны и противоречивы, что ученые расходятся в их объяснении. Одни утверждают, что славянский и балтийский развились из одного балто-славянского языка; другие полагают, что славянский и балтийский происходят из общего праиндоевропейского источника, но в течение длительного времени, уже после разделения, они находились в близком соседстве и взаимодействии, вследствие чего и имеют много общего.

Албанский язык является единственным остатком индоевропейских языков, существовавших в средней полосе и северной части Балканского полуострова до заселения этой территории славянами. Возможно, он является продолжением иллирийского (был распространен по обе стороны Адриатического моря и к северу от него), по некоторым особенностям его связывают с фракийским (был распространен в восточной части Балкан) и с дако-мизийским. Литературными языками в средневековой Албании были латинский и греческий, и письменные памятники албанского языка начинаются со второй половины XV в. Это албанский текст «Формула крещения» в латинской рукописи 1462 г., свыше 30 слов и 8 небольших фраз, записанные немецким рыцарем в 1496 г., отрывок из Евангелия от Матфея конца XV или XVI в. и др.

Кроме уже упоминавшихся иллирийского и фракийского языков, можно отметить также еще некоторые малоизвестные индоевропейские языки, от которых сохранились лишь самые незначительные остатки: венетский, лигурийский (на территории Италии), мессапский как ответвление иллирийского, а также лидийский, карийский, ликийский, относящиеся к анатолийской ветви.

Лингвисты предполагают, что праиндоевропейская общность существовала около семи тысяч лет назад. Относительно прародины индоевропейцев существуют разные точки зрения. Наиболее распространенная из них предполагает, что область первоначального (или просто достаточно раннего) распространения индоевропейских языков (диалектов) лежала в полосе от Центральной Европы и Северных Балкан до Причерноморья (южно-русские степи). Вместе с тем выдвигается гипотеза, согласно которой начальный центр индоевропейских языков и соответственно культуры лежал на Ближнем Востоке в близком соседстве с носителями картвельских, семито-хамитских и, вероятно, урало-алтайских языков.

2. Становление индоевропеистики как науки. Древние индоевропейские языки обладают единством грамматического строя в целом при расхождениях в частностях. Это становится очевидным при их сравнении с языками других семей, например, с языками семитскими или тюркскими, представляющими собой иной лингвистический тип. В индоевропейских языках сходны структура предложения, способы сочетания предложений, система частей речи, структура корня, принципы словообразования и словоизменения и т. д.

Эти выводы получены на основании ***сравнительно-исторического изучения*** индоевропейских языков, установившего их исконное родство. Сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков исследует начальный период их развития, т. е. период выделения древнейших индоевропейских языков из языка-основы. Почти все они впоследствии, в свою очередь, разделились и стали языками-основами по отношению к группам языков, образовавшимся из них. Так, из одного славянского образовалась целая группа языков. Еще раньше это произошло с германским языком, италийским, кельтским, индийским, иранским и другими. Дальнейшее развитие этих языков изучают сравнительные грамматики соответствующих языковых групп. Например, развитие общеславянского языка и начальные периоды истории отдельных славянских языков раскрываются сравнительной грамматикой славянских

языков. Но для изучения начальных этапов развития языков, вышедших непосредственно из праиндоевропейского языка, нужно прежде всего восстановить, насколько возможно, фонетическую систему и грамматический строй языка-основы.

Основоположниками методики сравнительно-исторического исследования принято обычно считать Франца Боппа, показавшего в 1816 г. общую систему формальных соотношений между индоевропейскими языками на материале спряжения в санскрите, греческом и др., Расмуса-Кристиана Раска, подчеркнувшего в работе 1818 г. роль закономерных соответствий на материале лексики скандинавских и других германских языков в сравнении с латинским и греческим, а также А. Х. Востокова, применившего методы компаративизма на большом материале славянских языков в своем «Рассуждении о славянском языке...» (1820 г.).

Первым образцом исторической грамматики одного языка считается четырехтомный труд Якоба Гримма «Deutsche Grammatik» (Геттинген, 1819 – 1837), в котором история немецкого языка излагается в сравнении с другими германскими. Открытие родства греческого языка и санскрита, регулярных соответствий двух этих языков как друг с другом, так и с другими индоевропейскими языками, выявление закономерностей в различиях между индоевропейскими языками, совершили революцию во всем мировоззрении филологов начала XIX в.

На основании этих открытий В. Гумбольдт (1767 — 1835) смог сделать вывод, что язык является не ἔργον, а ἐνέργεια, то есть изменяющееся и развивающееся, что в развитии, в исторических изменениях проявляется сущность языка.

Дальнейшее развитие сравнительно-исторического языковедения связано с именами А.-Ф. Потта, Т. Бенфея, показавшего первоначальную архаичность греческого вокализма, Г. Курциуса, широко вводившего сравнительно-исторический метод специально в изучение всей истории греческого языка, А. Шлейхера, подготовившего основы учения о последовательном членении общеиндоевропей-

ского праязыка на ветви и малые ответвления (языки и диалекты) и о непреложности фонетических законов, А. Фикка и, наконец, с именами великого русского ученого Ф. Ф. Фортунатова и лейпцигских младограмматиков (Г. Остгофа, К. Бругмана), в работах которых индоевропеистика приняла свои классические формы к 1880-м годам XIX в. Первым обобщающим курсом классической индоевропеистики стали лекции Ф. Ф. Фортунатова в Московском университете (читались с 1876 по 1907 г., издавались литографическим способом в качестве учебных пособий). К. Бругман выпустил в 1885 г. свою «Griechische Grammatik», а в 1897 – 1916 гг. вместе с В. Дельбрюком фундаментальный труд «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen». Большой вклад в развитие индоевропеистики внесли А. Тумб, автор сравнительно-исторических исследований по древнегреческому языку и санскриту, и Ф. де Соссюр, который ввел в индоевропейское языковедение приемы структурного анализа (прежде всего на материале древнегреческого языка и санскрита).

Основоположником теории происхождения индоевропейских языков от одного общего предка или праязыка следует считать А. Шлейхера. Он был первым, кто попытался восстановить индоевропейский праязык и проследить его развитие в каждом из его разветвлений в книге «Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков. Краткий очерк фонетики и морфологии индогерманского праязыка, языков древнеиндийского, древнегреческого, древнеиталийского, древнекельтского, древнеславянского, литовского и древненемецкого». Шлейхером также была создана несколько прямолинейная схема развития групп родственных языков, получившая название родословного древа языков. Многие лингвисты видели важнейшую задачу сравнительно-исторических исследований в восстановлении праязыков отдельных семей. Однако наметился протест против упрощенного понимания самого праязыка и в особенности процесса его распада. Так появилась, например, «волновая» теория И. Шмидта, получившая развитие в

направлении «ареальной лингвистики». Стало укрепляться представление о праязыке как совокупности близкородственных диалектов.

А. Мейе пришел даже к выводу о невозможности восстановления индоевропейского языка: «Сравнительная грамматика индоевропейских языков находится в том положении, в каком была бы сравнительная грамматика романских языков, если бы не был известен латинский язык: единственная реальность, с которой она имеет дело, это соответствие между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя, поэтому одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык: сравнение романских языков не может дать точного и полного представления о народной латыни IV в. н. э., и нет основания предполагать, что сравнение индоевропейских языков даст большие результаты. Индоевропейский язык восстановить нельзя» (Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 74).

Некоторые языковеды дошли до полного отрицания праязыковой гипотезы (Н. Я. Марр, итальянские неолингвисты М. Бартоли, Дж. Бонфанте, Дж. Девото, В. Пизани и др.). Н. С. Трубецкой предложил понятие языкового союза. По его мнению, для объяснения закономерности звуковых соответствий не надо прибегать к предположению об общем происхождении языков данной группы, так как такая закономерность существует и при массовых заимствованиях одним неродственным языком у другого.

Структуралистская революция, происходившая в языкознании во второй трети XX в. и провозгласившая, в частности, строгое отделение исторического изучения языка от синхронного, способствовала уходу теоретической лингвистики от сравнительно-исторической проблематики. Между тем отделение диахронии от синхронии не может быть всегда плодотворным. Одной из важнейших характерных черт человеческого языка является то, что он функ-

ционирует как изменяющаяся, саморазвивающаяся система. Закономерности изменения языковой системы и составляют предмет лингвистической компаративистики, изучающей, таким образом, абсолютно неотъемлемое свойство языка.

Гипотетически восстанавливаемый праязык играет роль удобной точки отсчета при изучении истории языков. Реконструкция отдельных слов и форм стремится представить их как части некогда существовавшего единого целого. Такая реконструкция не в состоянии дать полного представления о целом, но дает возможность создать некоторую модель.

Благодаря введению в исследовательскую практику элементов структурного анализа совершенствовались приемы сравнительно-исторического метода. Таковы труды В. А. Богородицкого, А. Мейе, Х. Педерсена, В. К. Поржезинского, Ю. Р. Куриловича, Э. Бенвениста, Р. О. Якобсона, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. В фундаментальном исследовании двух последних авторов «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984, переизд. Благовещенск, 1998) вопросы реконструкции праязыка и протокультуры поставлены совместно как связные части единого целого. Новейшие исследования по индоевропеистике затрагивают не только фонетику и морфологию, но учитывают проблемы синтаксиса, реконструкции поэтических текстов и метрики.

Как только возникло сравнительное языкознание и были очерчены основные семьи языков, подвергшиеся анализу, в поле зрения исследователей стали попадать факты сходств между отдельными морфемами разных языковых семей, составлялись перечни этих сходств. Возникли гипотезы о наличии родства между отдельными языковыми семьями: семито-хамитской и индоевропейской, уральской и индоевропейской, уральской и алтайской, уральской и дравидийской. Эти гипотезы привели к выводу не о парном родстве, а о родстве целой группы языковых семей. Известным датским лингвистом Х. Педерсеном в 1903 г. был предложен термин для обозначения предполагаемой макросемьи – ностратические языки. В 1971 г. вышел первый том книги замечательного нашего лингвиста

В. М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков. (Семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)», в которой впервые в истории науки строго доказывалось родство шести больших языковых семей Старого света. Над проблемами ностратики успешно работают А. Б. Долгопольский, В. А. Дыбо, С. А. Старостин, Е. А. Хелимский, их коллеги и ученики. Проводятся конференции, посвященные проблематике ностратического языкознания, последняя из которых состоялась в июне 2000 г. в Москве.

При проведении исследований по сравнительно-историческому изучению неиндоевропейских семей используются методики, разработанные в индоевропеистике и ставшие уже образцовыми.

Контрольные вопросы

1. Перечислите известные Вам группы индоевропейских языков.
2. Какие из этих групп представлены только письменными памятниками?
3. Назовите известные Вам древнейшие памятники индоевропейских языков.
4. Перечислите, какие Вы знаете современные индоевропейские языки (по отдельным группам).

Литература

1. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 5 – 12.
2. А. Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

ЛЕКЦИЯ 2

МЕСТО ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(продолжение)

1. Сравнительно-исторический метод в изучении индоевропейских языков.
2. Отношения латинского и древнегреческого языков.
3. Гипотеза итало-кельтского родства.
4. Связи латинского языка с некоторыми другими индоевропейскими языками.

1. Сравнительно-исторический метод в изучении индоевропейских языков. Сравнительно-исторический метод основан на том, что в развитии языка новые элементы всегда образуются из каких-то других, уже существующих в языке. Таким образом, состав и структура языка в каждый период его развития имеют свои корни в предшествующих периодах. Сравнительно-историческим методом изучаются прежде всего конкретные элементы языков — слова, морфемы в их звучаниях и значениях, а также фонемы в их противопоставлениях, и лишь через них сравнительная грамматика приходит к раскрытию исходной структуры и ее эволюции. Сравниваются только те элементы, которые имеют общее происхождение.

С точки зрения типологической классификации, определяемой на основании структурных типов языков, древние индоевропейские языки — языки синтетические. В синтетических языках слово является одновременно и лексической, и грамматической единицей, то есть оно не только несет в себе определенное смысловое значение, но и с помощью окончаний (флексий) выражает грамматические связи с другими словами. Такие языки называют также флективными. Из современных языков к синтетическим можно отнести русский, немецкий языки. В аналитических языках слово выступает прежде всего как лексическая единица, а грамматические отношения выражаются преимущественно служебными словами или порядком слов. Таковы, например,

языки английский или французский. В классическом латинском языке имеются отдельные аналитические образования, не меняющие при этом его общего синтетического строя. Таким образом, ***латинский язык — язык синтетический с элементами аналитизма.***

В первую очередь внимание исследователей привлекала ***лексическая общность*** индоевропейских языков, сходство звучания и значения многих слов, распространенных в разных ветвях индоевропейской семьи. Это обозначения животных, растений, географической среды, видов хозяйственной деятельности, родственных отношений, мифологических представлений, частей тела, пищи, одежды, жилища человека, чисел, местоимений, первичных действий и состояний человека и т.д., так называемый основной словарный фонд языка. Непригодны для сравнения слова, основанные на звукоподражании, междометия, некоторые культурные и специальные термины, поскольку они легко заимствуются.

В качестве примеров можно привести, в частности, следующие слова:

лат. cruor, др.греч. κρέας, лит. kraujas, скр. kravíṣ, слав. кръвь;

лат. sēmen, лит. sėmenys (мн. ч. — семена), слав. сѣмѧ;

лат. domus, др. греч. δόμος, скр. damáḥ, слав. домъ;

лат. mūs, греч. μῦς, др.в.нем. mūs, скр. mūṣ.

лат. trēs, др. греч. τρεῖς, лит. trys, скр. trayas, слав. три, хетт. tri.

Впоследствии были установлены закономерные ***звуковые соответствия*** между словами (или корнями), унаследованными из индоевропейской языковой общности (см. таблицу на с. 28 – 29). Так, выяснилось, что, например, индоевропейскому *n во всех языках соответствует n, индоевропейскому *d во всех языках, кроме германских, соответствует d, а индоевропейский *bh сохранился только в санскрите, в балтийском и славянском же дал звонкий непридыхательный b, в греческом стал глухим φ, а в латинском языке в начале слова перешел в глухой f, в середине же слова – обычно в b и т. д. Например:

лат. fero «несу», др.греч. φέρω «несу», скр. bhárāmi «несу», слав. берѫ;

лат. nebula «туман», «облако», др.греч. νέφος «облако», скр. nábhaḥ «небо», слав. небо.

Типологическое единство грамматической структуры индоевропейских языков дополняется ***материальным*** единством используемых грамматических средств, а именно: словообразовательных суффиксов, окончаний спряжения и склонения. Поскольку словоизменение наименее подвержено воздействиям со стороны других языков и ни один язык никогда не заимствует систему падежных или личных окончаний (заимствование слов или словообразовательных элементов возможно и при контакте языков), то единство систем словоизменения свидетельствует об ***общности происхождения.***

Сравним в самом общем виде некоторые окончания склонения на -а в латинском и древнегреческом языке (лат. terra «земля» и греч. χώρα «земля»):

	Sg.		Pl.	
Nom.	terra	χώρα	terrae < terrai	χῶραι
Gen.	terrae (ср. familias)	χώρας	terrarum	χωρῶν < *χωράσων
Dat.	terrae < terrai	χώρᾳ	terris < terrais	χώραις
Acc.	terram	χώραν	terras	χώρας

Не менее показательны глагольные окончания (лат. veho «везу» и греч. φέρω «несу»):

	Sg.		Pl.	
1 л.	veho	φέρω	vehimus	φέρομεν
2 л.	vehis	φέρεις	vehitis	φέρετε
3 л.	vehit	φέρει	vehunt	φέρουσι < *φέροντι

Сейчас мы обращаем внимание на очевидные или легко выводимые сходства, впоследствии, после знакомства с исторической фонетикой латинского и греческого языков, мы сможем объяснить и более сложные явления (см. лекции 13, 14).

2. Отношения латинского и древнегреческого языков. В кругу индоевропейских языков для специалистов по классическим языкам прежде всего важно соотношение латинского языка с древнегреческим. Связи между ними разнообразные и тесные. Необходимо разделять заимствования исторического времени и древние соответствия, относящиеся к доисторическим временам. Еще в I в. до н. э. среди греческих грамматиков (напр., Дионисий Галикарнасский) появилась теория, что латинский язык — испорченный греческий диалект, а именно — эолийский. Дело в том, что из всех греческих диалектов только эолийский, подобно латинскому языку, не сохранил дуалиса и ударение там не бывает на конце слова. Римляне поддерживали эту теорию (ср. у Квинтилиана в «Обучении оратора»: maximā ex parte Rōmānus [sermo] inde conversus est); она имела сторонников до нового времени (Шлейхер, Курциус, Моммзен). В генеалогической классификации Шлейхера греческий и италийский языки вместе с кельтскими рассматривались как единая «южноевропейская» ветвь индоевропейских языков.

В современной лингвистике установлено, что ближайшего родства между латинским и древнегреческим языком нет, их сходство во многом объясняется общим индоевропейским происхождением. Существуют отдельные явления, сближающие среди индоевропейских языков именно латинский и греческий. Это прежде всего окончание Gen. Pl. I склонения на *-āsom > -ārum, пришедшее из местоименного склонения: лат. rosārum «роз», как illārum «тех», «их» (ж. род), ср. греч. гом. (с выпадением сигмы между гласными) θεάων «богинь», как τάων (форма местоимения или артикля женского рода). Эта особенность свойственна италийским языкам (умбр. pracatarum, оск. egmazum). Общей является плюрализация форм императива: греческий императив φερόντων «пусть они несут» к φερέτω «пусть он несет» находит соответствие в лат. feruntō «пусть они принесут»: fertō «пусть он принесет». Более интересны суффиксальные сходства: греч. οἶνοψ «виноцветный», μήλωψ «похожий на яблоко» и лат. atrōx «ужасный», ferōx «отважный» или соответствия в патронимике.

Если выделять в индоевропейском диалектные группировки, то латинский язык стоит ближе к кельтским и германским, а греческий – к фригийскому, армянскому и арийским. При наличии большого числа лексических соответствий в основном словарном фонде, тем не менее даже в названиях частей тела есть различия: лат. corpus «тело» — греч. σῶμα, лат. nāsus «нос» — греч. ῥίς. Многие латинско-греческие изоглоссы должны пониматься как субстратные слова или заимствования.

Проникновение греческих заимствований в латинский язык началось с основания Рима (возможно, даже и раньше, еще в крито-микенскую эпоху) и продолжалось до падения империи и даже дольше. Особенно велика здесь роль семантических калек. Это влияние связано вообще с воздействием греческой культуры на римскую. В конце античности близкое развитие греческого и латинского языков шло на основе конвергенции культур этих стран. В эту эпоху в греческий язык, в свою очередь, проникают латинские заимствования. Интересным представляется вопрос, проделало ли ударение в обоих языках параллельное развитие или в латинском языке оно развивалось под греческим влиянием.

3. Гипотеза итало-кельтского родства. Отношения латинского и кельтского языков получили в языкознании название гипотезы итало-кельтского родства. О таком единстве говорил еще известный индоевропеист А. Мейе, однако позднее оно подверглось критике со стороны Девото, Пизани, Уоткинса и особенно Вальде, который, проанализировав предполагаемое концепцией итало-кельтского родства праиталийское единство, пришел к выводу, что и праиталийская, и пракельтская общности вторичны, так как языковые явления представляют собой смену процессов дифференциации и интеграции.

В пользу итало-кельтского родства приводили обычно следующие аргументы. В словах, в которых имеются согласные p – qu, в италийских и кельтских происходит регрессивная ассимиляция: лат. quīnque < *penque «пять» (ср. греч. πέντε) соотносится с др. ирл. coic. В склонении

основ на -о имеется атематическая форма родительного падежа ед.ч. (lupī) «волка», аналогия к которой встречается только в ирланском языке (luki). Есть общие явления и в системе глагола: медиально-пассивные формы, содержащие -r-, описательная форма перфекта, слияние аориста и перфекта в одну форму прошедшего времени, распределение по типам спряжения, конъюнктив на -а-, образование футурума на -b- в латинском и древнеирландском. Латинская глагольная система, как и кельтская, характеризуется не столько аугментом и личными окончаниями, сколько суффиксами и основами.

С открытием в XX веке тохарского и хеттского языков выяснилось, что наиболее характерные черты «итало-кельтской» морфологии имеют гораздо более широкое распространение. Медиопассив на -r обнаружен был в обоих новооткрытых языках, конъюнктив на -а- оказался в тохарском. Это привело к мысли, что мы имеем дело здесь не с «новообразованиями», а с чертами древнего общеиндоевропейского состояния, сохранившимися на окраинах территории, занятой индоевропейскими языками, но утерянных в центральной ее части. Род. пад. на -i также не составляет «итало-кельтской» специфики: он имеется в венетском и мессапском, слияние аориста с перфектом, а также образование перфекта с помощью удлинения корневого гласного сближают италийские и кельтские языки с германскими.

Возвращаясь к указанной выше мысли Вальде о вторичности праиталийской и пракельтской общности, рассмотрим вопрос о латинском футуруме на -bo. Он представлен в Италии только в фалискском, но не в оскско-умбрском. Возможно, сначала образовали общность предшественники латинского, ирландского и фалискского, затем латинского и оскско-умбрского. Тогда здесь речь идет не о привычном для раннего этапа развития языка расхождении, подобном дереву, а о том, что язык различными сторонами входит в разнослойные родственные отношения с другими языками.

В области основного словарного состава тоже есть значительные расхождения: в кельтских отсутствуют параллели к латинским caput «голова», oculus «глаз», nāsus

«нос», pēs «стопа» и т. д., некоторые древние слова в латыни заменены новообразованиями (и.е. *sūnus, лат. fīlius «сын»), часто в области лексики к этим языкам близки германские и даже балтийские и славянские (лат. vērus «истинный» , ирл. fir, др.в.нем. war, ст.сл. вѣра), что позволяет иногда говорить о едином «северо-восточном» словаре.

Во всяком случае, хотя связи между латинским и кельтскими языками много теснее, чем между латинским и греческим, но эти отношения нельзя понимать в смысле «родословного дерева». Е. А. Глебова, проанализировавшая в своей кандидатской диссертации и в ряде статей типы спряжения в италийской и кельтской глагольных системах, обосновывает «предположение о существовании на определенном этапе развития позднеиндоевропейского праязыка континуума италийских и кельтских диалектов, не представлявшего единого итало-кельтского праязыка, но объединенного рядом древних изоглосс, то есть итало-кельтской языковой общности» («Лексико-морфологические изоглоссы итало-кельтского диалектального континуума как отражение специфики связи между различными уровнями языка» // Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования. М.: 1983, с. 42).

4. Связи латинского языка с некоторыми другими индоевропейскими языками. Уже отмечались некоторые грамматические и лексические схождения латинского с германскими языками. К ним можно добавить отдельные фонетические моменты (параллельное развитие *bh>b (лат. libet «угодно», нем. Liebe «любовь»), схождения в словообразовании, в образовании перфекта (растяжение, редупликация), причем часто более важными являются параллели латинского языка не с общегерманским, а с отдельными германскими диалектами. Тем не менее гипотеза об исключительно тесных генетических связях латинского языка с германскими (В. Порциг), основанная на исключительности италийско-германских изоглосс, оказалась несостоятельной. Не нашла поддержки и гипотеза О. Н. Трубачева об исключительной близости латинского языка к славянским, предложенная на примере ремесленной терминологии. В настоящее время все больше внимания

обращается на сравнение латинского материала с балтийскими языками (Сафаревич, Бонфанте, Откупщиков) и в области лексики, и в области грамматики (лат. unda «волна», др. прусск. unds, лит. vanduo «вода»; лат. rota «колесо», лит. ratas «колесо»; лат. jugum «ярмо», лит. jungas «ярмо»; система пассивных причастий прошедшего времени).

Сопоставление с индо-иранскими языками представляет интерес в области лексики. Сходство словарного состава этих (а также кельтских) языков объясняют архаизмами культового языка, который отсутствовал в других областях индоевропейской общности. Так, лат. слово rēx «царь» (галльск. rix, др. ирл. ri, др. инд. raj-) не находит соответствий в оскско-умбрских, германских, славянских и балтийских языках, отражавших иную социальную структуру. Между латинским и армянским отмечаются отдельные лексические параллели.

Связи с хеттским и тохарским в латыни спорадические, но наблюдаются и в лексике, и в грамматике, словообразовании. Например, окончание 3 лица мн.ч. перфекта на -ēre (ср. хеттск. -er, тох. В -are, тох. А -ar) или распространитель m (лат. premo «давлю», ср. pressi «сдавил», тох. stam «стоять, находиться»), который, возможно, указывает на состояние.

Представляется справедливым понимание, что латинский язык имеет немало связей и с северным индоевропейским ареалом (балтийская, германская, славянская ветви), причем связи латинского языка с балтийскими языками оказываются более тесными, чем со славянскими.

Контрольные вопросы

1. Расскажите о взаимоотношении латинского и греческого языков.

2. В чем заключается проблема итало-кельтского родства? Приведите аргументы «за» и «против».

Практические задания

1. Подберите латинские слова к следующим рядам индоевропейских лексических параллелей (воспользуйтесь таблицей звуковых соответствий):

слав. зима, греч. χεῖμα, скр. himáḥ «холод», лит. žiema – лат.

ст.сл. овьца, скр. áviḥ, греч. ὄ(F)ις, лит. avis – лат.

ст.сл. новъ, скр. návaḥ, греч. νέ(F)ος – лат.

ст.сл. льнъ, греч. λίνον, лит. linas – лат.

ст.сл. осмь, лит. aštuoni, греч. ὀκτώ, гот. ahtáu, скр. aṣṭā́ – лат.

ст.сл. зна-ти, лит. žino-ti, греч. γι-γνώ-σκω, скр. jnā-yate «знает» – лат.

2. Вспомните латинские и древнегреческие обозначения серебра и золота. Подумайте, какие из них родственны между собой, какие нет и с чем это может быть связано. Проверьте этимологии этих слов по словарям (воспользуйтесь, например, словарями: Walde A., Hoffman J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I — II, Heidelberg, 1938³; Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg. 1957—1972. — 3 Bd.).

3. Сравните систему склонения с основой на -о в латинском и древнегреческом языках.

Литература

1. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 12 – 16.

2. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.-Л., 1953, с. 25 – 50.

3. Ю. В. Откупщиков. Место латинского языка среди других индоевропейских языков. / Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание. М., 2000, с.12 – 16.

4. G. R. Solta. Zur Stellung der lateinischen Sprache. Wien, 1974, SS. 7 – 24 (См. также реферат на русском языке: Г. Р. Зольта. О месте латинского языка в кругу других языков. / Реферативный журнал. Общественные науки за рубежом. Серия 6. Языкознание. 1975).

ТАБЛИЦА ЗВУКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ *

Соответствия согласных фонем

Архетип	Хетт.	Скр.	Греч.	Лат.	Ст.-слав.	Лит.	Гот.
*t	t	t	τ	t	т	t	þ, d
*t	t	d	δ	d	д	d	t
*dh	t	dh	ϑ	f, d	д	d	d (þ)
*p	p	p	π	p	п	p	f, b
*b	p	b	β	b	б	b	p
*bh	p	bh	φ	f, b	б	b	b (f)
*k	k	ç, k	κ	k	с, к	š, k	h, g
*g	k	j, g	γ	g	з, г	ž, g	k
*gh	k	h, gh	χ	h	з, г	ž, g	g
*kᵘ	kw	k (c)	π, τ	qu	к (ч, ц)	k	hw
*gᵘ	kw	g (j)	β	v, gv	г (ж, з)	g	q
*gᵘh	kw	gh, h	φ, ϑ	v, gv, f	г (ж, з)	g	w
*s	s	s, ṣ	σ (ς),ʽ	s	с, х	s, š	s
*r	r	r	ρ	r	р	r	r
*l	l	r, l	λ	l	л	l	l
*n	n	n	ν	n	н	n	n
*m	m	m	μ, ν	m	м	m	m
*r̥	ar	r̥	ρα, αρ	or	рь, ръ	ir̃, ur̃	aír, aúr
*l̥	al	r̥	λα, αλ	ul	ль, лъ	il̃, ul̃	ul
*n̥	an	a	α	en	ѧ, ъ	iñ, uñ	un
*m̥	?	a	α	en	ѧ, ъ	im̃, um̃	um

ТАБЛИЦА ЗВУКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ *

Соответствия гласных фонем

Архетип	Хетт.	Скр.	Греч.	Лат.	Ст.-слав.	Лит.	Гот.
*e	e	a	ε	e	є	e	i, e
*ē	e	ā	η	ē	ѣ	ė	ē
*o	a	a	o	o	о	a	a
*ō	a	ā	ω	ō	а	uo	ō
*a	a	a	α	a	о	a	a
*ā	a	ā	ᾱ (η)	ā	а	ō	ō
*i	i	i	ι	i	ь	i	i
*ī	ī	ī	ῑ	ī	и	y	ī
*u	u	u	υ	u	ъ	u	u
*ū	u	ū	ῡ	ū	ы	ū	ū
*i̯	i̯	y	ι,῾, ζ	j, i	й	j	j
*u̯	u̯	v	ϝ	v	в	v	w

* Таблица заимствована из пособия А. Н. Савченко «Сравнительная грамматика индоевропейских языков». М., 1974., с. 79 – 80; 86 – 87.

ЛЕКЦИЯ 3

ЯЗЫКИ ИТАЛИИ

1. Общая характеристика языков Италии.
2. Италийские языки (латино-фалискская и оскско-умбрская ветви).

1. **Общая характеристика языков Италии.** Определить место латинского языка среди языков Италии — нелегкая задача, так как все эти языки были со временем поглощены латынью. Ряд языков Италии имеет общее происхождение и образует италийскую ветвь индоевропейской семьи языков. Кроме того, на территории древней Италии приблизительно до 400 г. до н. э., то есть до экспансии Рима, рядом с италийскими языками, имелись и другие, как индоевропейские, так и неиндоевропейские. По поводу этих языков до настоящего времени идут споры, так как дошедшее от них наследие крайне незначительно.

Прежде всего это небольшое количество надписей, некоторые лексикографические указания античных и средневековых авторов («глоссы»), материал топонимики и антропонимики. По этим отрывочным данным составить какую-либо систему достаточно трудно. Лучше всего известны оскский и умбрский языки, больше всего трудностей возникает в отношении этрусского языка.

Тем не менее языки Италии уже в середине XIX в. стали предметом внимания ученых (труды Моммзена, Ауфрехта и Кирхгофа), во второй половине XIX в. появилась первая оскско-умбрская грамматика Р. фон Планты, в конце этого же столетия И. В. Цветаев издал серию работ по оскскому языку. В XX в. много внимания изучению реликтов древнейших языков Италии, проблемам распространения этих языков на Апеннинском полуострове, их связям с другими индоевропейскими языками уделяли В. Пизани, Дж. Девото, Дж. Бонфанте, а также Э. Феттер, А. Вальде и др. Вопросы, связанные с происхождением и расселением племен Италии, разрабатывал русский ученый В. И. Модестов, который активно использовал археологические

материалы. Обзор основных результатов этих исследований, а также более подробная библиография представлены в Лингвистическом энциклопедическом словаре (М., 1990, далее – ЛЭС) в статье В. П. Калыгина «Италийские языки» и в отдельных статьях, посвященных конкретным языкам («Венетский язык», «Иллирийский язык», «Этрусский язык» – В. П. Нерознак и «Оскский язык», «Умбрский язык» – А. А. Королев).

В группе италийских языков принято выделять две ветви: латино-фалискскую и оскско-умбрскую. Генетически с ними связаны также лигурский, пикенский, а венетский, мессапский, этрусский не имеют ближайшего родства с италийскими языками. Итальянскими неолингвистами была выдвинута гипотеза, что латино-фалискская и оскско-умбрская ветви были самостоятельными ветвями индоевропейской семьи языков и стали сближаться и скрещиваться между собой только впоследствии, когда носители этих языков оказались по соседству на территории Италии. Некоторые лингвисты выделяют сикуло-авзонийскую ветвь индоевропейских языков, другие связывают авзонийский (опико-сикульский) с латинским или умбрским.

2. Италийские языки. ***Латино-фалискская ветвь.*** Кроме латинского языка, к этой ветви относится язык фалисков, жителей области в юго-восточной Этрурии (ager Faliscōrum) с центром – городом Фалерии. Изначально фалискский язык был очень близок латинскому, но подвергся сильному влиянию этрусского языка, а также оскско-умбрских говоров. Древнейшие надписи на фалискском языке относятся к VII – VI вв. до н. э., они содержат в основном имена, и эта ономастика сильно этрускизирована. Вследствие экспансии Рима фалискский язык латинизировался, его позднейшие тексты имеют лишь диалектные отличия от латыни.

Оскско-умбрская ветвь. На территории центральной и южной Италии, к востоку и югу от Лациума, жили носители близких языков, которых римляне называли сабеллами (Sabellī). Это наименование этимологически родственно этнонимам Sabīnī и Samnītes, поскольку Samn- < *Sabn-. К сабеллам относят самнитов, сабинов, гирпинов, френта-

нов, пелигнов, маррукинов, вестинов, вольсков, аврунков, марсов, эквов, луканов, мамертинов и др. (см. карту на с. 43).

У италийских племен существовал обряд «священной весны», когда племена переселялись на необжитые земли, что способствовало миграции племен, распространению языков. Так, самниты, по местному преданию, отделившись от сабинов по обряду «священной весны», начали движение на юг. Движение на северо-восток привело в Пикен, а западное движение — в Кампанию, где под властью этрусков жили оски. Далее на юг путь самнитов шел в Луканию, Бруттий, Сицилию.

Язык сабелльских племен греки и римляне называли lingua Osca, по имени кампанских осков, или опиков (’Oπικοί, Osci< *Ops-ci), которые не принадлежали к сабелльской группе (их язык скорее близок к латинскому или сикульскому), но вместе с сабеллами образовали кампанскую федерацию. Однако термин ***«оскский язык»*** как общее обозначение всех сабельских говоров традиционно используется с античности до настоящего времени. Эти сабельские говоры имеют диалектные особенности и различают центральную группу (кампанцы, самниты, гирпины, френтаны), северную (маррукины, пелигны, вестины) и южную (говоры Апулии, Лукании, Бруттия и Сицилии). Говор вольсков представляется переходным к умбрскому, а говоры сабинов, марсов и эквов, очевидно, являют собой промежуточную ступень между оскской группой и латинскими диалектами.

Оскский язык уступил место латинскому позже других, во время Союзнической войны он был офицальным языком италийской федерации. В I в. н. э. в Кампании население еще говорило на нем, сохранились свыше 400 надписей с V в. до н. э. по I в. н. э. Большинство этих надписей связано с Кампанией, прежде всего они происходят из Капуи и Помпей. Алфавит представляет собою приспособленный к оскским языковым особенностям этрусский алфавит, иногда используется греческий алфавит (надписи из Сицилии), совсем редко — латинский. Сохранились деловые и культовые документы, посвятительные, надгробные надписи, монеты.

Умбры (Umbrī, ’Oμβρικoί, ῎Oμβρoι) занимали небольшую область к северу от центра Италии по соседству с этрусками на западе, пикенцами на юго-востоке и сабинами на юге. По античным свидетельствам, умбры ранее занимали значительно большую территорию, были древнейшим народом Италии, и их потеснили этруски, пикенцы и галлы.

От умбрского языка сохранилось небольшое количество памятников (около 20 IV–I вв. до н. э.), но один из них (т. н. Игувинские (или эвгубинские) таблицы, найденные в г. Губбио в XV в.) содержит весьма обширный текст свыше 4000 слов. Это бронзовые таблицы с ритуальными предписаниями жреческой коллегии Атиедских братьев, памятник италийского сакрально-юридического стиля. Первоначально их было девять, но две таблицы были утеряны в XVI в., дешифровка же их текста относится к XIX в. Надписи относятся к разным временам, выполнены или местным алфавитом этрусского происхождения, или латинским письмом.

По языку и стилю (и с точки зрения фонетики и морфологии, и с точки зрения синтаксиса и стилистики) Игувинские таблицы близки к архаической латыни, языку законов и латинским сакральным текстам. Молитвенные обращения к богам напоминают ритмическую прозу и аллитерирующие формулы римских carmina. В этом, безусловно, могло сыграть свою роль и длительное языковое общение с римлянами. Тем не менее указанная близость возможна только между языками единого происхождения, близкими по грамматической структуре.

К умбрскому языку близок говор вольсков, от которого сохранилась одна надпись в четыре строки.

Все италийские языки одинаково изменили общеиндоевропейское наследие как в целом, так и в деталях. Некоторые общие черты, как уже указывалось, могли относиться не к эпохе общеиталийского единства, но возникали в русле параллельного развития или взаимовлияния.

В области вокализма, при сохранении индоевропейской системы, происходили общие изменения. Например и.-е. слоговые сонанты развивались в сочетания с гласными -е- (перед носовыми) и -о- (перед плавными): *m̥ > ĕm, *n̥ > ĕn,

*r̥ > ŏr, *l̥ > ŏl. В области консонантизма есть только одно отклонение от системы согласных языков группы centum, а именно: звонкие придыхательные отражаются в италийских языках как глухие щелевые (например, и.-е. *bh и *dh > f), причем в оскско-умбрских во всех позициях, а в латинском только в начальной позиции, а в середине слова они, как правило, отражаются как b или d.

Во всех италийских языках произошла перегруппировка склонений. Основы на сонанты переходят в согласное склонение, к нему примыкает и склонение на -i-. В оскско-умбрском те же пять склонений, что и в латинском. Двойственное число утрачено во всех италийских языках. Система глагола едина для всей италийской ветви: спряжение организуется вокруг основы инфекта и основы перфекта, в которой слиты общеиндоевропейские аорист и перфект. Основы инфекта в оскско-умбрском распределяются по четырем спряжениям, как и в латыни. Конъюнктив и оптатив обобщаются в единое наклонение. Имеется два залога: активный и медиопассивный. Синтаксических расхождений почти нет, характерные для латыни обороты accūsātīvus cum īnfīnītīvo и ablātīvus absolūtus засвидетельствованы в оскских и умбрских текстах.

Охарактеризуем наиболее общие черты оскского и умбрского языков в отличие от латыни, а затем отметим некоторые специфические черты каждого из них.

Из фонетических особенностей оскско-умбрской ветви в целом важно отметить прежде всего 1) переход индоевропейских лабиовелярных в губные: $*k^u$ > p, $*g^u$> b (в латыни соответственно в qu и v: лат. quis «кто», оск. pis; лат. con-vēnit «он пришел», оск. kum-bened); 2) уже упоминавшийся переход звонких придыхательных в щелевые f, h во всех позициях: умб. tefe, лат. tibī «тебе»; 3) синкопу гласных в серединных и конечных слогах: оск. actud, лат. agito; 4) большую закрытость гласных: -ā > ō, ō > ū.

В системе склонения есть отличия в отдельных окончаниях: в первом склонении N. Pl. имеет окончание -ās, во втором — -ōs, в третьем -ēs > -s и некоторые другие. Будущее время образуется с суффиксом -s-, есть отличия в образовании перфекта и инфинитива.

Ряд слов, засвидетельствованных в оскско-умбрской группе, не имеет соответствий в латинском языке (но часто имеет их в других индоевропейских языках): основа touta- «народ», ср. лит. tauta; основа treb- «обитать», ср. лит. troba «изба», нем. Dorf «деревня»; основа uend- «поворачивать», ср. нем. wenden.

Что касается специфики внутри оскско-умбрской ветви, то оскский с точки зрения фонетического развития значительно консервативнее латинского. До конца своего существования он сохранил во всех положениях дифтонги ai, ei, oi, ou, которые латинский монофтонгизировал уже около 200 г. до н. э. или хотя бы видоизменил (ai > ae), сохранил интервокальное -s-, перешедшее в латинском в -r- в IV в до н. э. В умбрском же, напротив, шло более интенсивное развитие фонетических процессов, в частности, монофтонгизация всех дифтонгов, распространение ротацизма не только на интервокальное, но и конечное r. Таким образом, с точки зрения темпов развития фонетической системы латинский язык занимает промежуточное место между консервативным оскским и быстрее изменяющимся умбрским.

Контрольные вопросы

1. Какие языки с точки зрения генеалогической классификации были распространены на территории Италии в античности?

2. Укажите основные черты: 1) общие для строя италийских языков; 2) отличающие оскский и умбрский от латинского и 3) отличающие оскский от умбрского.

Литература

1. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 22 – 46.

2. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.-Л., 1953, с. 51— 52, 62 —80, 89 —90.

3. G. R. Solta. Zur Stellung der lateinischen Sprache. Wien, 1974, S. 16 – 19, 45 – 47, (См. также реферат на русском

языке: Г. Р. Зольта. О месте латинского языка в кругу других языков. / Реферативный журнал. Общественные науки за рубежом. Серия 6. Языкознание. 1975).

ЛЕКЦИЯ 4

ЯЗЫКИ ИТАЛИИ
(продолжение)

1. Прочие индоевропейские языки Италии.
2. Неиндоевропейские языки на территории Италии.

1. Прочие индоевропейские языки Италии. ***Венетский язык*** — язык древних венетов, дороманских племен, населявших северо-восточную Италию и прилегающие к ней области Югославии и Австрии. Ранее его вводили в италийскую группу, отмечая особенно близость к латинскому языку. В настоящее время венетский язык склонны выделять в самостоятельную группу индоевропейских языков, связанную с италийскими, кельтскими, германскими и иллирийским языками. Во всяком случае этот язык несомненно принадлежит к числу индоевропейских. Имеются краткие надписи на венетском (свыше 250). Это посвятительные тексты и эпитафии VI — I вв. до н. э. Большинство из них выполнены местным письмом в разных вариантах, являющимся адаптацией этрусского алфавита с добавлением отдельных греческих знаков, надписи более позднего периода выполнены латинскими буквами.

Племена, населявшие Апулию и Калабрию (давны, певкеты, мессапы, калабры), близкие между собой по языку, назывались у греческих авторов ***япигами*** или ***мессапами***. Вероятно, именно мессапы были первым племенем, с которым познакомились греки, этим и объясняется расширенное употребление последнего наименования. В античности мессапов выводили из Иллирии, древние предания могли сохранить реальные связи, которые подтверждаются лингвистическим анализом топонимики и этнонимики, а также археологическими данными. В настоящее время мессапский язык считают разновидностью иллирийского языка, относящегося к палеобалканской группе индоевропейских языков и наиболее близкого к албанскому.

Мессапский язык отражен в кратких надписях (около 350), найденных преимущественно в Калабрии (юго-восток Италии), где местный язык дольше всего сопротивлялся влиянию греческого, а затем и латинского. Датируются эти надписи VI – I вв. до н. э. Это надписи посвятительного характера, надгробные, которые содержат почти лишь одни личные имена, а также надписи на сосудах, монетах, несколько официальных документов. Имеются отдельные глоссы, засвидетельствованные или непосредственно как мессапские слова, или как особенности лексики греческих колоний данной местности.

К 400 г. до н. э. на территории Сицилии жили уже греки и карфагенцы, но местное население еще не было полностью эллинизировано и местные языки не вышли из употребления. Традиция выделяет две народности: ***сикулов*** и сиканов, которым приписывается различное происхождение. Сиканов считали древнейшим населением, по происхождению иберами, а сикулов — италийцами, которые были одним из древнейших племен Италии наряду с лигурами. Переселение сикулов в Сицилию античные историки относили примерно к XI в. до н.э.

Единичные надписи на языке сикулов относятся ко времени не позже V в. до н. э. Более важным источником оказываются глоссы. Лексикографы (Гесихий, Варрон, Стефан Византийский) издавна отмечают специфические слова сицилийских греков у сицилийских писателей Эпихарма и Софрона: λέπορις (лат. lepus, oris), νοῦμμος (лат. nummus), λίτρα (лат. libra), κάμπος (лат. campus).

Можно говорить о ясно выраженном италийском характере словарного фонда языка сикулов. Данные морфологии также сближают сикульский язык с италийскими и отделяют от иллирийского и греческого.

Срединное положение между италийскими и иллирийским занимает ***южно-пиценский (южно-пикенский)***, язык индоевропейской народности восточного побережья Италии между венетами на севере и мессапами на юге. Говорить о влиянии его на латинский язык почти не приходится.

Иная картина наблюдается при рассмотрении ***кельтского***, но не с точки зрения изначальной близости обоих языков,

уже рассмотренной выше, а в вопросе об их контактах в историческое время на территории Италии, куда они попали в результате галльского нашествия. В латинском языке много кельтских элементов, которые частью воспринимались как чужие слова, частью полностью ассимилировались. В основном это названия повозок и лошадей.

Близки к кельтскому, но не идентичны ему ***лепонтийские (лепонтские)*** надписи Северной Италии. Имя лепонтийцев античная традиция использовала как название ретского, кельтского или лигурийского племени, жившего у истоков Рейна. Надписи лепонтийцев называют кельто-лигурийскими, подчеркивая то их кельтский, то лигурийский характер. В некоторых отношениях лепонтийский примыкает к кельтиберскому.

Лигурийский — язык древних племен, населявших во II тыс. до н. э. обширную территорию от Пиренеев до Альп, западную часть Северной Италии и о. Корсика. В I тыс. до н. э. лигурийцы были оттеснены другими племенами в район Приморских Альп и северо-западную часть Апеннин (Лигурия). Этот язык известен не через надписи, но благодаря глоссам, топонимическому и антропонимическому материалу, в котором усматриваются пракельтские черты. Обычно лигурийский (или лигурский) понимается как индоевропейский суперстрат доиндоевропейского протолигурийского.

2. Неиндоевропейские языки на территории Италии. Индоевропеизация Италии началась на юге и шла с юга на север и одновременно с востока на запад (М. Паллотино). Доиндоевропейское население дольше всего сохранялось на западе: сиканы, элимы в западной Сицилии, этруски в Тоскане, сарды в Сардинии и большая область лигуров, точнее, доиндоевропейских протолигуров. Некоторые доиндоевропейские реликты сохранились в Пикене и в области ретов. Доиндоевропейский субстрат встречается повсеместно, однако представлен он по преимуществу только топонимами, антропонимами, неясными надписями и отдельными элементами в позднейшем словарном составе латинского языка.

Так, некоторые сходные элементы топонимики древней Испании и западной Сицилии указывают на происхождение

хотя бы части народности *сиканов* из Испании, в связи с чем говорят о т. н. средиземноморском субстрате. Трудно определить однозначно происхождение *элимов*. Высказывались предположения об их связях с Арменией, Лигурией. *Сардинский* язык иногда характеризуется как доиндоевропейский субстрат, известный нам не из латыни, а из романских языков. Речь здесь идет о географических, ботанических, зоологических названиях, а также об этническом суффиксе -itanus (Calaritanus к Calaris), который относят к дороманскому периоду.

Лигурийский (протолигурийский) не имеет прямой традиции, однако существует богатый топонимический и антропонимический материал, а также реликтные черты в соответствующих современных диалектах (например, суффикс -inco, входящий в слова, перешедшие в латынь, и продуктивный в романских цветообозначениях: кат. negrenc «черноватый», исп. azulenco «синеватый», прованс. flamenc «пламенный»). Лигурийский часто рассматривают в связи с *ретским*, в котором сильно представлены этрусские элементы. В связи с *северо-пикенским* рассматривают надпись на стеле из Новилара, по поводу неиндоевропейского характера которой идут споры.

Особенно сложным и запутанным является вопрос об *этрусском* языке, носители которого примерно с VIII в. до н. э. образовали своеобразную культуру на западном побережье Италии, к северу от Лациума. Эта культура широко распространилась впоследствии в северном и восточном направлениях. Она принадлежала народу с относительно высоким уровнем общественного развития и резко отличалась от культуры северной Италии в силу «ориентализирующего» характера. По наиболее распространенной теории происхождения латинского письма (подробнее см. лекцию 5), вся Италия, за исключением южной, получила письменность от этрусков. На италиков, в том числе и на римлян, оказали влияние этрусские формы общественной организации, этрусская религия.

Античная традиция, идущая от Геродота (I, 94), считает этрусков пришельцами с востока. Кроме того, римлянам напоминал этрусскую речь язык ретов (Плиний, Hist. nat. III, 133).

Число сохранившихся надписей достигает почти 10000 и в результате интенсивных раскопок постоянно увеличивается. Большинство из них очень короткие, имеют надгробный характер и содержат собственные имена. Единственный текст неэпиграфического характера и сакрального содержания найден в Египте на пеленах мумии, ныне хранящейся в Загребе (1500 слов). Ряд формул часто повторяется. Такое же содержание у текста на черепице в Капуе (около 300 слов). Имеются также глоссы и другие сведения, сохраненные античными и раннесредневековыми авторами; этрусские элементы представлены в латинской лексике, в топонимике.

Для прочтения этрусских надписей этимологический метод с привлечением слов родственного известного языка оказался малопригодным. Его сменил комбинаторный метод, метод внутренней реконструкции, в последнее время привлекается билингвистический метод, точнее псевдобилингвистический, т.е. привлекающий сравнение близких формул, штампов из латинского и других италийских языков, возникающих как неизбежное следствие совместной жизни народов в условиях общей культуры.

Вопрос о месте этрусского языка усложняется тем, что у него нет близких родственных языков, кроме ретского и т. н. тирсенского (тирренского) в эгейской области (Лемносская стела). В этрусских текстах достоверно установлены лишь отдельные слова типа clan «сын», puia «супруга», некоторые числительные. Зато в латинском языке выделяют целые области лексики этрусского происхождения: культовая, административная, военная и техническая терминология. Это, например, слова на -na, -rna, -mna, -sa (persōna «маска», antemna «рея», mantisa «прибавка»), с конечным -o (histrio «актер») и др.

Контрольные вопросы

1. Перечислите неиталийские индоевропейские языки на территории древней Италии.
2. Перечислите неиндоевропейские языки на территории древней Италии.

Практическое задание

Найдите на карте древней Италии области расселения основных племен.

Литература

1. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.-Л., 1953, с. 51– 62, 80 – 89.

2. G. R. Solta. Zur Stellung der lateinischen Sprache. Wien, 1974, S. 25 – 39, 47 – 67 (См. также реферат на русском языке: Г. Р. Зольта. О месте латинского языка в кругу других языков. / Реферативный журнал. Общественные науки за рубежом. Серия 6. Языкознание. 1975).

3. М. Паллотино. Проблема этрусского языка. Пер. с ит., введение и комм. А. И. Харсекина. / Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с. 339 – 383.

Племена древней Италии

ЛЕКЦИЯ 5

ЛАТИНСКОЕ ПИСЬМО

1. Происхождение латинского письма.
2. Адаптация греческого алфавита римлянами и дальнейшее развитие латинского письма.
3. Использование латинского письма в новое время.

1. Происхождение латинского письма. Латинский алфавит, как и алфавиты других языков Италии, восходит к западному варианту древнегреческого алфавита. Важнейшее отличие западных греческих алфавитов заключается в отсутствии у них буквы Ξ, использования буквы Χ для сочетания ks, а буквы Ψ для kh. Хотя формы латинского письма со временем стали значительно отличаться от греческого, в целом латинский алфавит является потомком греческого, который, в свою очередь, восходит к финикийскому алфавиту. К финикийскому алфавиту вообще возводят четыре пятых всех алфавитных систем мира.

По типу письма финикийское письмо является буквенно-звуковым, а именно, таким, в котором каждый графический знак (буква) обозначает не целое слово, как в идеографии, и не слог, как в слоговом письме, а отдельный типовой звук — фонему. При изменении такого звука в данном языке обычно меняется и значение слова (например, мел, мол, мил, мыл, мул, мал и т.д. в русском языке). В истории развития письменности буквенно-звуковое письмо появляется сравнительно поздно, поскольку буквенно-звуковые системы предполагают уже развитую способность к разложению речи на звуки.

Различаются две разновидности буквенно-звукового письма: консонантно-звуковое и вокализованно-звуковое. В консонантном письме обозначались только согласные звуки. Это древнейшая разновидность буквенно-звукового письма, появившаяся во второй половине II тысячелетия до н. э. Консонантно-звуковые системы закреплялись в тех языках, где значение слова связано с согласными звуками (финикийский, древнееврейский, арамейский, арабский и т. д.).

Гласные же звуки как бы прослаиваются между согласными и служат для образования грамматических форм и производных слов. Для их обозначения могут использоваться специальные диакритические (надстрочные и подстрочные) знаки.

Греки, в языке которых гласные звуки играли не меньшую роль, чем согласные, в различении смысла слова, сделали первый шаг в формировании вокализованного письма в начале первого тысячелетия до н. э. Греческое происхождение латинской письменности не подвергается сомнению, но вопрос о путях и времени проникновения письменности в Лациум является спорным.

Согласно античной традиции, искусство письма было принесено в Лациум во второй половине второго тысячелетия до н. э., задолго до основания Рима. Согласно сообщениям Дионисия Галикарнасского (1, 31 слл.), Тита Ливия (1, 5; 1, 7), Тацита (Анналы, 11, 14) и др., еще до Троянской войны (XIII в. до н. э.), греки с Пелопоннеса, из селения Паллантион в Аркадии, под предводительством Эвандра поселились в центре будущего Рима на холме, сохранившем древнее название (Παλλάντιον > Παλάτιον > Palātium > mōns Palātīnus. Следов этого письма в Италии не обнаружено, а в Греции тогда пользовались линейным слоговым письмом.

Тем не менее античные авторы уверены в доримском происхождении латинской письменности, они сообщают, что Ромул и Рем были обучены письму еще в детстве. По Плутарху (Ромул, 6), «Ромула и Рема перевезли в Габии и там обучили грамоте», а на лохани (alveus), в которой были найдены младенцы, сохранились полуистертые письмена (Ромул, 7).

Относительно путей заимствования латинского письма из Греции в настоящее время существует несколько версий. В XVIII в. возникла теория этрусского происхождения латинского письма. В XIX в. Моммзен выдвинул новое предположение, что латинская письменность идет от кампанских греков с центром в г. Кумы близ Неаполя. Эта халкидская колония, которая была основана в VIII в. до н. э., стала крупнейшим греческим городом Италии.

Однако современные археологические данные свидетельствуют о том, что между Грецией и Италией существовали постоянные контакты уже во втором тысячелетии до н. э. и греческое алфавитное письмо могло попасть в Лациум не только через Кумы.

В пользу этрусского посредничества в передаче письма римлянам часто приводят некоторые языковые данные (см., например: И. М. Тронский, 1953, с. 141 слл.). Так, трудно объяснить при непосредственном заимствовании алфавита римлянами у греков, почему раннее римское письмо не имеет специального знака для обозначения «g», употребляя греческую букву гамму безразлично для обозначения глухого и звонкого заднеязычного (наряду с другими обозначениями глухого — k, q). В то же время этрусский язык не имел звонких заднеязычных и обозначал фонетические варианты глухого, используя гамму, каппу и коппу: как правило, гамма перед «е», «i», каппа перед «а» и согласными, коппа — перед «о», «u». Поэтому естественно предположить этрусское посредство в передаче греческого письма римлянам. Тем более, что этрусский алфавит является источником всех прочих алфавитов северной и средней Италии: пикенского, венетского, оскского, умбрского, фалискского.

Взгляды на происхождение самого этрусского алфавита тоже расходятся. Ученые, которые считают этрусков пришельцами с севера или местным населением Италии, приписывают этрусскому алфавиту халкидское, то есть западно-греческое происхождение, считая его заимствованным у италийских греков. Те же, кто придерживается восточного происхождения этрусков, предполагают заимствование из центральной Греции или даже считают, что этруски прибыли в Италию, уже владея искусством письма, привезенным с их родины в Эгейском бассейне. Древнейший этрусский алфавит, найденный на табличке из слоновой кости в Марсилиана д'Альбенья (т. н. алфавит Марсилианы, датируемый примерно 700 г. до н. э.), содержит 22 знака северосемитического алфавита с добавлением четырех дополнительных букв, введенных греками. Такая древняя форма греческого алфавита не могла быть заимствована из Кум.

Существует также точка зрения, высказанная В. Георгиевым и в настоящее время разделяемая далеко не всеми. В. Георгиев считает, что и греческий, и этрусский, и даже финикийский алфавиты происходят независимо друг от друга непосредственно от минойского слогового письма. Впоследствии, по Георгиеву, финикийское письмо оказало влияние на греческий и этрусский алфавиты, а затем и греческий алфавит в свою очередь воздействовал на этрусский (В. Георгиев. Происхождение алфавита. / ВЯ, 1952, N 6, с. 81).

И у этрусской теории происхождения латинского письма, которая в науке по истории письма считается основной, есть свои критики. Так, профессор МГУ Е. В. Федорова на материалах латинской эпиграфики показывает ее недостатки (см. работы в списке литературы) и приводит доводы в пользу появления письменности у жителей Лациума до т. н. «этрусского влияния» VII — VI вв. до н. э..

2. Адаптация греческого алфавита римлянами и дальнейшее развитие латинского письма. Большинство западно-греческих букв сохранило в латинском письме свое значение и начертание. Однако, приспосабливая полученный из Этрурии греческий алфавит к нуждам латинского письма, римляне некоторые из букв устранили как ненужные, а некоторые видоизменили.

Ненужными оказались буквы, служившие грекам для выражения придыхательных, отсутствующих в латинском языке: Θ (th), Ф (ph), Ψ (kh). Эти буквы из алфавита были устранены, но остались в системе римских цифр соответственно для 100, 1000 и 50.

Латинская буква С представляет собой архаическое начертание греческой гаммы. В таком значении она сохранилась в традиционном сокращении римских личных имен Гай и Гней – С, Cn). В IV – III вв. до н. э. начертание буквы К постепенно трансформировалось в начертание С и тем самым совпало с начертанием древней гаммы. В латинской письменности буква С стала передавать звук «k», а с позднеантичного времени – звук «ts» перед «е», «i». Буква же К («каппа») в надписи на Форуме еще имеет разомкнутое начертание, позднее, как уже указывалось, она совпала по

форме с С, передававшей звук «g». В надписях IV – III вв. до н. э. начертание С может обозначать и «k», и «g», но К никогда не имеет значения «g». Чтобы избежать смешения этих звуков при письме, к С прибавили штрих, так получилась новая буква G. Официально ввел в алфавит эту букву около 234 г. до н. э. Спурий Карвилий Руга, поставивший ее на место упраздненной дзеты. Таким образом, начертание С стало служить знаком для «k», а начертание К почти вышло из употребления, сохранившись только в написании слова Kalendae и в сокращении личного имени Kaeso (K).

Седьмая буква греческого алфавита Z в Риме могла использоваться лишь до того, как озвончившееся интервокальное s перешло в r по закону ротацизма. И хотя в сохранившихся древнейших надписях этой буквы нет, свидетельства о ней передавались в античной традиции. Так, Марциал Капелла (III, 261) сообщает о возражениях против этой буквы цензора 312 г. до н. э. Аппия Клавдия, которому приписывалась также и орфографическая реформа, а именно, введение уже установившегося в языке ротацизма в консервативную орфографию официальных документов (Valeriī вместо Valeziī).

Для отсутствующего в греческом языке спиранта f сначала было принято сочетание букв FH = vh, как это было в этрусской письменности и в венетских надписях. Впоследствии H было удалено, и греческая дигамма вошла в латинский алфавит для обозначения губного спиранта.

От греческой коппы произошла латинская буква Q, которая стала писаться перед v, обозначая огубленный заднеязычный глухой звук, а из ипсилона (Y) произошла латинская буква V. Буква X, в западно-греческом письме обозначавшая сочетание «кс», сохранила это значение, как и буква H, передававшая в западно-греческом письме придыхание.

Латинский алфавит принял свой классический вид, который существовал в период поздней Республики, после введения буквы G: ABCDEFGHIKLMNOPQRSTVX, т.е. состоял из 21 буквы (ср. Цицерон, О природе богов, II, 37, 93). Кроме того, Квинтилиан (I, 49) называет букву x «nostrārum ultima». Этот алфавит изображался в надписях на монетах.

Из-за необходимости более точно передавать произношение греческих слов с I в. до н. э. римляне стали употреблять буквы Y и Z, а также для греческих придыхательных появились написания ph, th, rh, ch. Латинская азбука получила широкое распространение в древнем Риме, а затем и на связанных с Римом территориях, вытеснила из употребления местные италийские алфавиты (этрусский, умбрский, оскский, фалисский и т.д.).

Итак, по сравнению с греческим алфавитом латинский классический алфавит имеет несколько иной состав. Одни греческие буквы (тэта, пси, кси, омега, фи) не отражены в латинской азбуке, другие (ипсилон, эта) изменили свое звуковое значение), третьи (лямбда, пи, ро, сигма) изменили форму. Отличается латинский алфавит от греческого и принципом названия букв: гласные здесь названы по обозначаемому ими звуку, согласные – так же, но с прибавлением гласного звука после согласного или перед ним (бэ, эм).

В древнем письме согласные не удваивались, введение удвоения по образцу осков и греков приписывается Эннию. Систематически применяться удвоение стало лишь к концу II в. до н. э. Иногда для обозначения удвоения согласного употреблялся «серповидный» значок (sīcīlicus) ’ над буквой: os’a.

В надписях конца II и начала I в. до н. э. иногда изображается долгота гласного с помощью его удвоения, по примеру оскского и фалискского письма. Долгота i никогда не выражается с помощью удвоения, поскольку -ii- обозначает удвоенный неслоговой звук i (напр. ai̯i̯o «говорю»). Иногда для передачи долгого i использовался дифтонг ei или так называемая «длинная йота» (iōta longum): I, например: vIcus «деревня». Впоследствии длинная йота стала обозначать и неслоговой характер гласного. С конца I в. до н. э. более или менее систематическим обозначением долготы стал апекс (apex) в нескольких графических вариантах: в виде кавычки ’ , греческого острого ударения ´ или поперечной черты ¯ над гласной буквой. Квинтилиан рекомендовал постановку апекса во всех случаях, где неразличение количества гласного может вызвать ошибочное понимание.

Таким образом, в латинском письме отражались практически все необходимые звуки, за исключением неслогового u̯ и носового заднеязычного ŋ. Изображение его на греческий манер двойным gg, предложенное Акцием, вносило путаницу, поскольку удвоенное g в латинском языке уже используется в словах типа agger «насыпь, вал». Не получило поддержки предложение Веррия Флакка ввести знак для обозначения редуцированного m. Император Клавдий пытался ввести три новых буквы: перевернутую дигамму для обозначения неслогового u̯, переходившего в то время уже в щелевой звук (Ⅎ), антисигму для передачи сочетания губного с s (лат. ps, bs, греч. ψ – Ↄ) и половину знака H для передачи звука, возможно, среднего между i и u (Ⱶ), встречающуюся в надписях его времени вместо y. При жизни Клавдия этими буквами пользовалась государственная канцелярия.

В поздней античности и в средние века латинский алфавит оставался без изменений. В XVI в. французский гуманист Пьер Ла-Рамэ ввел специальные буквы для обозначения i̯ и u̯ неслоговых (j и v). В современных изданиях обычно сохраняется античная латинская графика с дополнительным использованием только v.

В древнейших латинских надписях письмо имеет направление и справа налево, и слева направо, а архаическая надпись на Форуме сделана вертикальным бустрофедоном, то есть таким способом письма, при котором первая строка пишется справа налево, вторая – слева направо и т. д. Направление письма слева направо прочно установилось только с IV в. до н. э. Знаков препинания не было, как не было деления букв на прописные и строчные. Слова отделялись обычно словоразделительными знаками, стоявшими на уровне середины буквы.

Латинский алфавит изменялся в зависимости от используемого материала, орудий и техники письма. В эпоху расцвета Римской империи преобладало *капитальное* письмо в двух разновидностях: *монументальной* и *рустичной* (до конца V в. н. э.). Монументальное письмо отличалось строгостью начертаний и почти квадратной формой букв. Им пользовались при высечении надписей на триумфальных арках, колоннах, мраморных досках и т.д. *Курсив*

представлял собой быстрое и небрежное начертание капитальных форм и использовался в качестве обиходного письма (с I – II в. н. э.).

С VI в. н. э капитальное письмо заменяется *унциалом*, возникшим на основе рустичного письма, но с большей округлостью букв. С IV в. н. э. в унциальном письме появляются наряду с прописными и строчные буквы (минускул) – т. н. полуунциал. Строчное начертание букв окончательно складывается в период каролингской монархии (конец VIII – начало IX в.) – «каролингский минускул», который с XII в. постепенно переходит в *фрактуру* с более угловатыми, удлиненными и даже ломаными буквами. Распространившись по всей Европе, особенно в Германии, фрактура стала называться *готическим письмом.*

В конце XV в. во Флоренции старались возродить древние письменные формы в виде *антиквы*, или *гуманистического письма*, которое восходит к лучшим образцам квадратного монументального письма и каролингского минускула. К этому времени окончательно оформляется деление букв на маюскул (заглавные) и минускул (строчные).

3. Использование латинского письма в новое время. На основе антиквы сложилось латинское письмо современных языков: французского, испанского, румынского, итальянского, немецкого, английского, шведского, норвежского, датского, польского, чешского, словацкого, словенского, хорватского, финского, эстонского, латышского, литовского и т.д. Это было связано с переходом в христианство европейских народов и становлением латыни в качестве богослужебного языка, а также распространением грамотности и развитием образования при монастырях.

Древнейшие надписи латиницей на немецком, староанглийском и ирландском языках относятся к VIII в., на французском – к IX в., на испанском, португальском, провансальском и норвежском языках – к XII в., на итальянском, венгерском, чешском – к XIII в., на польском – к XV в., на литовском и латышском – к XVI в. и т. д.

Латинский алфавит, соответствовавший фонетическому строю латинского языка, не всегда отвечал фонетике западноевропейских и славянских языков: 24 латинские буквы не могли отобразить многие звуки, характерные для новых языков (шипящие, носовые и т. д.). Иногда стали употреблять одну и ту же букву для обозначения разных звуков (буква s в немецком, английском, французском, например, служит для передачи звуков «с» и «з»). Кроме того, к латинским буквам начали добавлять различные

надстрочные, подстрочные и пр. знаки: гачек, обозначения носовых, умлаутов и т. д. Для передачи ряда звуков применяются также сочетания из нескольких звуков. Так, для обозначения шипящего «ш» в немецком используется комбинация sch, в английском – sh, во французском – ch, в польском – sz, а для обозначения «щ» в немецком – schtsch, во французском – stch, в английском – sch и в польском — szcz.

В настоящее время письмом, построенным на латинской основе, пользуется в целом около трети населения земного шара.

Контрольные вопросы

1. Какие вы знаете теории происхождения латинской письменности?
2. Расскажите об истории латинского алфавита.

Практические задания

1. В предлагаемой ниже древнейшей римской надписи, найденной на Форуме на могиле Ромула (ок. VIII в. до н. э., другая датировка: конец VI в. — начало V в. до н. э.), определите способы передачи заднеязычных согласных звуков.

В надписи представлены только начала и концы строк. Значительная часть текста утрачена, предполагается сакральный характер текста (комментарий см., например, у И. М. Тронского в «Очерках...», с. 148 – 150).

[16]..LIOVQVIOD
[1]QVOI HOI.........
[2]...SAKROS : ES
[3]ED SOR..........
[4]...IA...IAS
[5]RECEI : IC........
[6]....EVAM
[7]QVOS : R[E]...
[8]...M : KALATO
[9]REM : HA[P].... (вар. HAI)
[10]...IOD : IOVXMEN
[11]TA : KAPIA : DOTAV...
[12]MITE : RI... (вар. M : ITE : RIT)
[13]...M : QVOI HA
[14]VELOD : NEQV...
[15]....OD : IOVESTOD

2. В приведенных ниже надписях обратите внимание на особенности письма. Первая надпись помещена на золотой застежке, найденной в Пренесте (на т. н. Пренестинской фибуле), датируется концом VII в. до н.э.: MANIOS : MED : FHE : FHAKED : NUMASIOI (в классической латыни: Mānius mē fēcit Numerio – «Маний меня сделал для Нумерия», где Маний – имя мастера, а Нумерий – заказчика). Направление письма справа налево. Все буквы прописные. Архаический характер имеет пятилинейное M. Имеются знаки раздела слов в виде двух точек, причем удвоение fe- осознается как отдельное слово и отделено от faked. Отметьте особенности языка надписи (отсутствие редукции, ротацизма, архаические окончания, перфект с удвоением). В последнее время стали появляться сомнения в подлинности этой надписи (Гвардуччи, 1980; Пфистер, 1983), разделяемые однако не всеми специалистами.

Вторая надпись – из Помпей, погибших от извержения Везувия 24 – 26 августа 79 г. Пепел, засыпавший город, способствовал сохранению многих памятников, в том числе и надписей. На стенах домов уцелели надписи самого разнообразного содержания, среди которых есть юмористические, как, например, приводимая ниже:

Admiror, paries, te non c[e]cidisse [ruinis],
qui tot scriptorum taedia sustineas!

Я удивляюсь тебе, стена, как могла ты не рухнуть,
А продолжаешь нести надписей столько дрянных!

(пер. Ф. А. Петровского)

В этой надписи стоит обратить внимание на дублетную форму для E, представляющую собой две параллельные черты || . Представляет интерес и различное начертание A.

1. IOISAMVNVM:DƎKAHꟻ:ƎHꟻ:DƎM:SOINAM

2. ADMIRORTII·PARIES·NON CECIDISSE
QVITOT·SCRIPTORVM·TAEDIA SVSTINEAS

Литература

1. Линдсей В. М. Краткая историческая грамматика латинского письма. М., 1948, с. 13 – 18.

2. Павленко Н. А. История письма. Минск, 1987, с. 175 – 183.

3. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 69 – 73.

4. Тронский И. М. Очерки по истории латинского языка. М.-Л., 1953, с. 140 – 145, 201, 255.

5. Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982, с. 48 – 84.

6. Федорова Е. В. Латинская эпиграфика. М., 1969, с. 37 – 70.

7. Федорова Е. В. Происхождение латинской письменности. / Вопросы античной литературы и классической филологии. М., 1966, с. 487 – 498.

ЛЕКЦИЯ 6

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА (ТЕКСТЫ)

1. Литературные тексты.
2. Эпиграфические тексты.

Основной источник по истории латинского языка — это тексты, литературные и эпиграфические (т.е. надписи на твердом материале).

1. **Литературные тексты.** Литературные тексты представлены в основном средневековыми рукописями, античных папирусов с латинскими текстами сохранилось очень мало. Папирус плохо сохраняется в европейском климате, поэтому тексты на папирусе быстро погибали. Редкое исключение — папирусные свитки, найденные в Геркулануме, засыпанном вместе с Помпеями во время извержения Везувия в 79 г. н. э. Обычно сохранялись только те тексты, которые время от времени переписывались заново (например, для нужд школы). Пергамен, более стойкий к внешним условиям писчий материал, вытеснил папирус лишь в поздней античности.

Последние века Римской империи определили состав дошедших до нас литературных памятников. Однако большинство литературных текстов представлено позднейшими списками. Позднеантичных (IV – VI вв. н. э.) списков сохранилось очень мало, чаще всего имеются рукописи более поздних периодов, преимущественно после IX в. Для установления подлинности древних рукописей в XVII в. возникла вспомогательная историко-филологическая дисциплина – палеография, изучающая особенности письма и писчего материала. Тексты на папирусах (а также на пергамене и другом материале подобного рода, кроме надписей на камне, которыми занимается эпиграфика) изучает папирология. Внешний вид рукописей, их историю, историю создания рукописных сборников, коллекций исследует кодикология. Иногда, в случае утраты средневековых списков, единственным источником текста бывают

первые печатные издания, как, например, для отдельных книг Ливия или для части переписки Цицерона.

Таким образом, от античной литературы в результате многовекового отбора остались только те тексты, которые были актуальны в тот или иной период. Кроме потребностей школы или религиозных нужд, могла играть роль необходимость практического порядка: в медицинской, юридической или сельскохозяйственной книге. Все же сохранившееся античное наследие представляет собой незначительную часть имевшихся античных текстов. Полностью до нас дошли, по-видимому, только сочинения Вергилия, Теренция и Горация. Поэтому в большинстве случаев почти невозможно определить роль писателя в развитии языка и литературы. Особенно пострадали произведения авторов архаического периода и периода становления классического языка.

Ранних литературных текстов совсем немного (комедии Плавта и Теренция, трактат Катона Старшего Dē agricultūrā, фрагменты прочих авторов). От второй половины II в. и начала I в. до н. э. не дошло почти ничего. Начиная с классического периода истории латыни, письменные памятники засвидетельствованы хорошо, причем преобладает именно художественная литература, включая историографию, красноречие и философские трактаты. Со II в. н. э., напротив, художественная литература по количеству сохранившихся памятников уступает место ученой и специальной литературе, а затем и христианской.

Имеющиеся фрагменты утраченных сочинений создают некоторое представление о лексике и морфологии латинского языка, но ни в коем случае не восполняют пробелов, так что это сложившееся представление может быть односторонним. Поздние филологи собирали интересные или устаревшие слова, необычные словоупотребления, редкие поэтические размеры, то есть одни лишь отклонения от нормы. Иногда древние тексты цитировались не ради языковых особенностей, а без всякой грамматической цели. Так, Цицерон любил цитировать Энния или Акция. Комментаторы Вергилия приводили строки Энния, которые перерабатывал или которым подражал Вергилий. Тем не менее вне контекста строки иногда становились непонят-

ными и еще более искажались при дальнейшей переписке. Особенно опасна здесь была тенденция модернизации архаических текстов или вообще нормализации текста, которая коснулась даже произведений Цицерона и Цезаря. Поэтому для историка латинского языка очень важно критическое отношение к рукописному преданию.

В эпоху Возрождения начали собирать фрагменты несохранившихся произведений римской литературы, засвидетельствованные у лексикографов и авторов грамматических трудов. Научные издания ранних латинских авторов появляются в XIX в. Драматические фрагменты собраны под редакцией О. Риббека (Ribbeck O. Scaenicae romanorum poesis fragmenta. Leipzig, 1873, 1897 – 1898, v. I – II), малые поэты – под редакцией Э. Беренса (Baehrens A. Fragmenta poetarum Romanorum. Leipzig, 1886). В XX в. публикация фрагментов была продолжена: в 1930 г. вышли, в частности, фрагменты ораторской прозы (Malcovati H. Oratorum Romanorum fragmenta. Torino, 1930, v. I – II), в 1927г. – фрагменты римских эпиков и лириков Мореля (Morel W. Fragmenta poetarum latinorum epicorum et lyricorum, Leipzig, 1927), а в 1982 г. Бюхнера (Fragmenta poetarum Latinorum epicorum et lyricorum, Leipzig, 1982). В 1979 г. было опубликовано четырехтомное издание Уормингтона с параллельным английским переводом (Warmington E. H. Remains of old Latin. London, 1979, v. I –IV).

На русском языке архаические литературные тексты собраны в «Хрестоматии по ранней римской литературе», составленной К. П. Полонской и Л. П. Поняевой и изданной в 1984 г. издательством «Высшая школа», а в 2000 г. – «Греко-латинском кабинетом» Ю. А. Шичалина. В хрестоматии семь разделов (долитературные тексты, эпос, трагедия, комедия и мим, сатира, ранняя римская проза, малые жанры: эпитафии, эпиграммы и др.), которые отражают почти двухсотлетний период развития латинского языка с середины III в. до н.э. до середины I в. до н.э.

Введение к книге «Начало римской литературы» написано М. Л. Гаспаровым. Вводные статьи к текстам, реальный и литературный комментарий подготовлен К. П. Полонской. Для истории латинского языка особую ценность представляют составленные Л. П. Поняевой Справочник «Особенности архаического латинского языка», освещающий вопросы графики, фонетики и морфологии архаического периода, а также лингвистический

комментарий к помещенным в книге текстам. В хрестоматии приведен список научных изданий античных авторов и собраний фрагментов.

Литературные тексты классического периода хорошо представляют историю литературного языка, но в них слабо отражается народная речь. А ведь именно народная латынь (sermo vulgāris) легла в основу романских языков. И те тенденции, которые были намечены еще в языке рабов комедий Плавта, выступили на первый план в эпоху формирования романских языков. Только некоторые жанры литературной латыни (комедия, сатира, эпиграмма) сохраняют черты разговорной речи. В этом отношении особый интерес для истории латинского языка представляет роман Петрония «Сатирикон», где фигурируют вольноотпущенники, речь которых полна слов и выражений низкого стиля. Некоторые произведения научного или технического содержания, особенно созданные в поздний период истории латыни (ветеринарный трактат Mulomedicina Chironis), а также некоторые произведения христианской письменности тоже близки к народной речи. По словам И. М. Тронского, «в тех случаях, когда поздняя латынь смыкается с архаической, минуя классическую, мы имеем обычно дело с явлениями народноразговорной речи, отвергнутыми литературной нормой» (И. М. Тронский, 1953, с. 13).

Почти ко всем значительным латинским авторам имеются специальные словари. В начале XX в.начал выходить Thesaurus Linguae Latinae. Выпуск был прерван второй мировой войной и возобновлен после ее окончания. К 1995 г. словарь был доведен до буквы Т. Он содержит все контексты, в которых это слово встречается в римских памятниках с начала письменности до II в. н. э., а выборочно — и материал полее поздних периодов. Наиболее полный из законченных словарей — Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1982. Подготовлен и Латинский компьютерный словарь, который включает весь классический период до 200 г. н. э., ряд позднейших авторов (Сервий, Порфирий, Юстиниан), а также библейские тексты, в том числе и Вульгату. Для знакомства с историей слов латинского языка бесценен этимологический словарь Эрну-Мейе (Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. P., 1959[4]).

2. **Эпиграфические тексты.** По сравнению с литературными текстами, которые часто модернизировали при переписке, более надежным материалом по истории латинского языка являются надписи. Они сохранились от более раннего времени, чем литературные тексты, и практически не подвергались модернизации. Лишь в исключительных случаях при реставрации в античности или в позднейшие периоды допускались искажения текста, как это произошло с надписью на ростральной колонне по случаю морской победы консула Дуилия над карфагенянами в 260 г. до н. э. При изучении археологических и лингвистических данных было установлено, что и колонна, и надпись были реставрированы в начале эпохи империи, чем и объясняется смесь архаических и позднейших элементов языка, к которым присоединяются лжеархаические формы, которых в действительности никогда не существовало.

Надписи сохранились по всей территории Римской империи и поэтому дают представление о диалектных различиях латинского языка. Они могут иметь как официальный, так и частный характер, тем самым являясь свидетельствами и канцелярского стиля, и народно-разговорной речи. Для характеристики последней особый интерес представляют помпейские надписи.

Латинские надписи начали переписывать и коллекционировать еще в эпоху поздней империи и раннего средневековья. В эпоху Возрождения интерес к античным латинским надписям возрастал, появились первые их издания, новые находки. В XVIII в. родилась новая наука — эпиграфика. Одним из основоположников эпиграфики считается Гаэтано Марини, который выдвинул принцип точного воспроизведения текста надписей, видя в них исторический источник. Он выступил против дописывания или архаизирования текстов, так как часто надписи стремились сделать более привлекательными. Появились научные издания и исследования по вопросам латинской эпиграфики.

Работа по созданию единого свода латинских надписей (Corpus īnscrīptiōnum latīnārum, сокращенно — CIL) началась только в середине XIX в. в Берлинской академии наук под

руководством Теодора Моммзена. В основу классификации был положен территориальный принцип, например: надписи Испании (II), надписи Помпей, Геркуланума, Стабий (IV), надписи города Рима (VI), надписи Британии (VII), надписи Африки, Нумидии, Мавретании (VIII) и т.д. Только I и XV тома собраны по другому принципу: I – древнейшие надписи, элогии, календарь юлианского года, консульские фасты, XV – надписи на предметах утвари из города Рима. Впоследствии был добавлен XVI том — воинские дипломы, предполагаются тома XVII (надписи на милевых стобах) и XVIII (стихотворные надписи).

Это самое полное собрание латинских надписей – более 160.000. Первый том вышел в 1863 г. (переиздан в 1893 г.), издание не завершено и будет продолжаться, пока выявляются новые находки. Тома делятся на части, выпуски, допечатываются приложения. В издании соблюдается принцип максимально точного воспроизведения текста надписей с оригинала, предыдущие издания используются только в случае утраты подлинника. Комментарии в CIL предельно кратки (где найдена и кем переписана). В качестве дополнения изданы большие альбомы с воспроизведением внешнего вида надписей. Имеются издания избранных надписей с более обширными комментариями, переводами и расшифровкой сокращений, а также периодические издания, в которых публикуются новые находки («L'Année épigraphique», Paris, 1888... и «Epigraphica», Milano, 1933...).

Для истории латинского языка особо важными являются I том, в котором собраны надписи республиканского периода, и IV том с надписями из Помпей и Геркуланума.

Архаические латинские надписи издавались неоднократно специальными изданиями, причем их подготовкой занимались ведущие специалисты, например: Ernout A. Recueil de textes latins archaïques. Paris, 1967; Pisani V. Testi latini arcaici e volgari, Torino, 1950. Подборки архаических надписей с комментариями имеются и в изданиях на русском языке: Линдсей В. М. Краткая историческая грамматика латинского языка. М., 1948; Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950; Е. В. Федорова. Латинские надписи. М., 1976; Е. В. Федорова. Ранняя латинская письменность. М., 1991; Т. А. Карасева. Учебное пособие по истории латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VI – I веков до н. э. М., 1994.

Помпейские надписи как образец народно-разговорной латыни представлены в указанной работе Пизани, а также в издании Диля (E. Diel. Pompeianische Wandinschriften und Verwandtes. 1930), в сборнике Ф. А. Петровского «Латинские эпиграфические стихотворения», М., 1962. Они анализируются, как правило, в пособиях по народной латыни, как, например, в книге А. Н. Дынникова и М. Г. Лопатиной «Народная латынь». М., 1975 (переизд. в 1998 г.).

Архаические надписи единичны. Самыми древними считаются надпись на Пренестинской фибуле (ок. 600 г. до н.э.), найденная сравнительно недавно (1977 г.) надпись из Сатрика (конец VI в. до н. э.), надпись на Форуме (ок. 500 г. до н. э.), надпись Дуэноса (IV в. до н. э., возможно, даже конец VII – начало VI в. до н. э.), надпись из Тибура (VI или V в. до н. э.), бронза Фуцинского озера (конец IV в. до н. э.).

Самой древней надписью обычно считают надпись на золотой застежке (фибуле), найденной в Пренесте в 1871 г. В 1980 г. после обследования надписи, включавшего анализ металла, итальянская исследовательница М. Гвардуччи пришла к выводу, что эта надпись является подделкой (M. Guarducci. La considetta Fibula Prenestina. Antiquari, eruditi e falsari della Roma dell'Ottocento. – Mem. Lincei, seria VIII, XXIV, 1980, p. 413 – 574). Как указывает Т. А. Карасева (1994, с. 20), языковые факты свидетельствуют в пользу того, что надпись могла быть скопирована с античного оригинала. В частности, в фалискской надписи VI или V в. до н. э., так называемой «надписи Цереры» (CIE 8079), которая была найдена позже, чем Пренестинская фибула, и в подлинности которой сомнений нет, встречается форма перфекта pe:para(i) (класс. pepērī), аналогичная форме fhe:fhaked Пренестинской надписи. Надпись на Пренестинской фибуле включена во все исследования по истории латинского языка, ее текст не считали подделкой самые авторитетные специалисты, поэтому не сказать о ней нельзя.

Надписей VI – IV вв. до н. э. очень мало, в III – II вв. до н. э. их несколько больше. К III в. до н. э. относится группа надписей на надгробиях Сципионов, среди которых есть имеющие вполне литературный характер, даже стихотвор-

ные эпитафии. К концу II в. до н. э. относятся декрет Эмилия Павла от 19 января 189 г., найденный в Испании, и надпись на найденной в 1640 г. на крайнем юге Италии, в Бруттии, бронзовой плите — «Решение сената о святилищах Вакха» (Senātūscōnsultum dē Bācānālibus) от 7 октября 186 г., в котором от имени сената италийским общинам предлагается издавать эдикты против святилищ Вакха. Это полноценный документ официального языка.

К I в. до н. э. относится намного больше эпиграфического материала. Имеется, например, свыше сотни далеких от книжного языка надписей на «заговорных дощечках» (tabellae dēvōtionis), адресованных подземным богам со всяческими заклинаниями против соперников, соперниц и прочих ненавистных лиц. Древнейшие из них датируются I в. до н. э. Основная же масса надписей появляется с начала новой эры.

Сопоставление этих текстов с позднейшими памятниками латинской письменности указывает на важные фонетические процессы. Почти ни одно слово из надписи Дуэноса не сохранило свой звуковой облик в последующей истории языка (см. практическое задание 1).

Контрольные вопросы

1. Почему при изучении истории латинского языка особое внимание уделяется архаическим текстам и жанрам, отражающим народно-разговорную речь?

2. В чем ценность надписей (особенно архаических и помпейских) для истории латыни?

Практическое задание

Ниже приведена так называемая «Дуэнова» надпись (CIL, I², 4). Это надпись на вазе, состоящей из трех скрепленных между собой сосудов. Найдена в 1880 г. в Риме. Буквы идут справа налево и опоясывают вазу. Надпись не имеет единого истолкования, даже строки по-разному делятся на слова. Особенности языка позволяют отнести ее к IV в. до н. э. Обратите внимание на эти особенности и

найдите примеры в тексте: в графике – обозначение заднеязычных, в фонетике — сохранение дифтонгов, двойственность в отражении интервокального s, конечное -d.

IOVESATDEIVOSQOIMEDMITATNEITEDENDOCOSMISVIRCOSIED
ASTEDNOISIOPETOITESIAIPAKARIVOIS
DVENOSMEDFEKEDENMANOMEINOMDVENOINEMEDMALOSTATOD

Предлагаемое Тронским (1953, с. 151) деление на слова:

IOVESAT DEIVOS QOI MED MITAT NEI TED ENDO COSMIS VIRCO SIED
AS(T) TED NOIS IOPET OITES IAI PAKARI VOIS
DVENOS MED FEKED EN MANOM EINOM DVENOI NE MED MALO STATOD

Возможный перевод (Тронский, 1953, с. 154): «Клянется богами тот, кто меня направляет (продает): если дева к тебе неблагосклонна, а ты хочешь притти к соглашению с ней, пользуясь для этой цели нами, [то имей в виду]: меня произвел добрый на благо и для доброго, да не оставит меня злой (или: да не будет от меня зла)».

Еще один вариант толкования и перевода (Линдсей, 1948, с. 154): «Тот, кто жертвует меня, клянется богами, да не будет милостива к тебе Прозерпина и да не поможет тебе, если ты не хочешь, чтобы Помощь Тутерии была умилостивлена. Бен ведь сделал меня на благо. Бену (благому?) да не произойдет зла от меня».

Литература

1. Т. А. Карасева. Принципы реконструкции и толкования древнейших латинских надписей. // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 1998, с. 200 – 212.

2. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000.

3. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 45 – 46.

4. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.-Л., 1953, с. 3 – 18.

5. Е. В. Федорова. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982, с. 22 – 38.

ЛЕКЦИЯ 7

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА (продолжение)

1. Античные свидетельства.
2. Данные других языков.

1. **Античные свидетельства.** Свидетельства античных авторов являются ценным источником при изучении латинского языка. Особую важность представляют сообщения римских грамматиков. В их работах дано систематическое изложение латинского словоизменения, собран значительный лексикографический материал, представлены фрагменты произведений архаической римской литературы. К сожалению, до наших дней дошли в основном сочинения позднего времени, являющиеся часто компиляциями или сокращенными изложениями трудов более ранних грамматиков.

Интерес к языку в древнем Риме возник рано, но до середины II в. до н. э. он ограничивался отдельными вопросами письма, лексики и фонетики. Так, выдающийся поэт Квинт Энний (239 – 169 гг. до н. э.) работал над усовершенствованием латинского письма. Ему приписывают два трактата: «Dē litterīs syllabīsque» и «Dē metrīs», которые не сохранились. У поэта Гнея Невия (III в. до н. э.) и историка Фабия Пиктора имеются наблюдения этимологического характера. Катон Старший (234 – 149 гг. до н. э.), оратор и ученый, в своих речах толковал различия синонимов (например, properāre «спешить» — festināre «торопиться», amor «любовь» — cupīdo «желание»).

Систематическое изучение латинского языка начинается во II в. до н. э., когда развивается как самостоятельная дисциплина грамматика. К этому времени уже появились разнообразные тексты, которые требовали критического издания и комментария. Кроме того, возникла необходимость в нормализации языка, так как в орфографии был разнобой, выросли различия в языке разных социальных

групп, имелось много диалектизмов и заимствований из греческого языка.

В первой половине II в. до н. э. расширилось знакомство с греческой наукой и культурой, изучение греческого языка, греческой литературы, философии и риторики. В Риме появляются греческие ученые и даже остаются там работать. Например, в 168 г. до н. э. туда прибыл знаменитый греческий философ-стоик и грамматик Кратет из Маллоса, который вызвал у своих слушателей интерес к вопросам языка и литературы. О его роли в знакомстве Рима с грамматикой сообщает Светоний (О грамматиках и риторах, 2).

Споры по вопросам языка из Греции и эллинистических стран стали переноситься и в Рим. Прежде всего это касается дискуссии между аномалистами и аналогистами. Аномалисты считали, что для языка особенно важны аномалии, неправильности в грамматике по отношению к логике, несовпадения формы и содержания, исключения, колебания. Они были против всяческих исправлений. Аномалисты группировались в Пергаме. Аналогисты же утверждали приоритет в языке закономерностей (аналогий) и были за сознательное вмешательство в языковые изменения. Центром аналогизма была Александрия.

Большой интерес проявляли в Риме к вопросу о происхождении языка: воспроизводят ли слова природу вещей или связь между словами и вещами произвольна. Грамматика в последний период Республики заняла одно из центральных мест в римской науке. Профессионально занимались вопросами грамматики в этот период Элий Стилон (учитель Варрона и Цицерона, изучавший древнейшую латинскую письменность, комментатор гимна салиев), Аврелий Опилл (толковавший неясные слова в поэтических произведениях), Стаберий Эрот (занимавшийся принципами систематизации латинского склонения и спряжения), Антоний Гнифон (у него учились Цезарь и Цицерон, нормализатор-аналогист), Атей Претекстат (ученик Гнифона, автор огромного труда по языку, литературе, риторике и истории «Чаща» (Hȳlē) и сочинения «Редкие слова»). Лингвистические вопросы затрагивали и ученые-энциклопедисты Марк Терренций Варрон («Dē linguā Latīnā» и др.) и Нигидий Фигул, написавший «Грамматические записки» по вопросам орфографии, синонимии, словообразования и этимологии.

Тем не менее из всего этого обилия произведений римских грамматиков республиканского периода сохранились только 6 – 10 книги (с некоторыми пропусками) трактата Марка Теренция Варрона «Dē linguā Latīnā», который состоял из 25 книг. Остальные труды представлены фрагментами, собранными в издании H. Funaioli, Grammaticae Romanae fragmenta, v. 1, 1907. Среди несохранившихся работ были и школьные грамматики латинского языка, первая из которых появилась, по-видимому, в конце II в. до н. э. и была создана по примеру греческой грамматики пергамской школы (стоики): 1) фонетика и письмо; 2) учение о частях речи; 3) достоинства и недостатки речи. Эти разделы грамматики стали у римлян традиционными.

Кроме трактата «О латинском языке», Варрону принадлежали еще несколько работ в области языкознания: «Dē sermōne Latīnō», «Dē similitūdine verbōrum», «Dē ūtilitāte sermōnis», «Dē orīgine linguae Latīnae», «Dē antīquitāte litterārum». В обширном труде Варрона «Науки», посвященном самым разным областям науки: диалектике, риторике, геометрии, арифметике, астрономии, музыке, медицине, архитектуре, – первая книга рассматривала вопросы грамматики. Касался вопросов языка Варрон и в сочинениях по литературе, истории, философии, а также в поэтических сочинениях, даже в трактате «О сельском хозяйстве».

В своем главном лингвистическом труде «О латинском языке» Варрон первую часть посвятил этимологии, вторую – морфологии и третью – синтаксису. В уцелевших книгах рассматриваются вопросы этимологии (книги VI – VII) и морфологии (книги VIII – X).

Обращаясь к этимологии, Варрон вслед за стоиками считал, что познание слов ведет к познанию вещей. Однако он не считал возможным установить этимологии всех слов латинского языка, так как в языке происходят изменения (слова утрачиваются, что ведет к потере первичного слова или дальнейших звеньев), изменяют внешний облик, теряют первичные значения. Кроме того, некоторые слова приходят из других языков и, наконец, создатели слов допускают ошибки.

Вообще в Риме очень любили этимологизировать, но из-за наивности взглядов римских этимологов их выводы

произвольны. У Варрона много неправильных этимологий: например, он сближает слова vīs «сила», vīnum «вино», vīta «жизнь», vidēre «видеть» (V 37, 63; VI 80). Однако некоторые его наблюдения (о фонетических регулярностях, о явлении ротацизма) вполне справедливы.

По вопросам словоизменения и словообразования (оба эти процесса Варрон называет склонением) ученый включается в спор аномалистов и аналогистов и, как правило, отстаивает взгляды последних. В качестве исходной формы имен он принимает именительный падеж единственного числа, в качестве исходной формы глагола – форму первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения активного залога. Склонение, по Варрону, необходимое свойство языка. Так, он утверждает: «Склонение вошло в речь не только латинскую, но и всех людей в силу пользы и необходимости: ведь если бы этого не произошло, то мы не могли бы и заучить такое число слов – ибо бесчисленны естества, на которые они отклоняются, – да и из тех, которые мы заучили бы, не было видно, какова связь вещей между собой. Теперь же мы видим, что сходно, что производно. Если lēgi склонилось от lego, то видны сразу две вещи: что говорится некоим образом одно и то же и что действие происходит не в одно и то же время» (VIII 3).

Склоняемые слова Варрон делит на четыре класса (partes ōrātiōnis): 1) слова, которые имеют падежные формы, но не имеют временных; 2) слова, которые имеют временные формы, но не имеют падежных; 3) слова, имеющие и падежные, и временные формы; 4) слова, которые не имеют ни падежных, ни временных форм, но образуют степени сравнения (X 17). В словоизменении Варрон не отрицал наличия аномалий, однако доказывал, что их немного и они могут быть исправлены. Только устранение этих аномалий нужно проводить постепенно и осторожно. В словообразовании же, по Варрону, аномалии вполне возможны. Таким образом, он считал, что «не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию» (IX 3), развитие языка обусловлено сочетанием этих закономерностей.

Варрон очень внимательно относился к особенностям строя латинского языка, никогда не пытался переносить в

латинскую грамматику категории, установленные для греческого языка. Он основательно проанализировал теории аналогизма и аномализма, многое сделал для создания нормативной латинской грамматики. Заслуги Варрона в области римского языкознания, как и вообще в римской науке, неоценимы.

Лингвистическим взглядам Варрона посвящена докторская диссертация В. В. Каракулакова «Марк Теренций Варрон и его место в истории языкознания». Л., 1969. См. также: Collart J. Varron grammairien latin. Paris, 1954; Idem. Varron grammaire antique et stylistique latin. Paris, 1978. Переводы значительной части дошедших до нас книг трактата на русский язык принадлежат Я. М. Боровскому (Античные теории языка и стиля. М. — Л., 1936, с. 80 — 83, 94 — 104, переизд. СПб., 1996, с. 85 — 88, 99 — 110) и В. В. Каракулакову (Вопросы теории языкознания. Калинин, 1975, с. 72 — 87).

В последние десятилетия II в. до н. э. вопросами орфографии занимались трагик Луций Акций (ок. 170 – 85 гг. до н. э.) и поэт Гай Луцилий (ок. 180 — 102 гг. до н. э.). Нормализацией языка, в первую очередь ораторской речи, интересовались Цицерон (106 — 43 гг. до н. э.) и Цезарь (100 — 44 гг. до н. э.). В трактате «Об аналогии», сохранившемся только в отрывках, Цезарь ставил задачу разработки единых и твердых норм латинского языка на основе аналогии. Он выступал против архаизмов, неологизмов и заимствований, за устранение дублетности, предлагал исправленные формы. Из этого же трактата становится очевидным, что Цезарю также принадлежит заслуга создания термина «аблатив», предложенного им для отсутствующего в греческом языке падежа.

Цицерон в трактате «Оратор» выступал против аналогизма: «И можно ли запрещать нам говорить nōsse, iūdicāsse и требовать только nōvisse, iūdicāvisse, словно мы и не знаем, что в этом случае полная форма будет правильнее, а сокращенная употребительнее...» (47, 157). Кроме того, Цицерон, в духе аномалистов, считал, что для приобретения навыков правильной речи не нужно грамматической учености. Выдвигаемый им в диалоге «Об ораторе» принцип

соответствия средств выражения задачам ораторской речи требовал использования самых разнообразных языковых возможностей, включая архаизмы, неологизмы, синонимы и дублеты.

В середине I в. до н. э. появилась излагающая материалистическое учение Эпикура философская поэма Лукреция «Dē rērum nātūrā», в пятой книге которой рассказывается о происхождении языка и письма. Язык, по Лукрецию, развился постепенно из звуков и жестов, когда люди пришли к необходимости общаться друг с другом. Причем Лукреций критикует тех, кто утверждает, что языку людей научил какой-то один человек. Слова получили различное звучание в связи с различием ощущений, получаемых от разных предметов. Письмо же – уже более позднее достижение человека, с изобретением которого знания людей об окружающем мире становятся более точными и полными (см. задание 1).

В последние десятилетия Республики и в начале Империи латинский язык приобретает свои классические формы и становится предметом изучения и описания грамматиков императорского Рима. Трактаты римских грамматиков периода Империи собраны в издании H. Keil, Grammatici Latini, T. I – VII, 1857 – 1880 (сокращенно GL), фрагменты грамматиков этого периода изданы A. Mazzarino. Grammaticae Romanae fragmenta aetatis Caesareae. T. 1, 1952.

Веррий Флакк (вторая половина I в. до н. э. – начало I в. н. э.) создал первый большой словарь латинского языка «Dē sīgnificātū verbōrum», в полном виде до нас не дошедший. Во II в. н. э. появился сокращенный его вариант «Dē verbōrum sīgnificātū», подготовленный Секстом Помпеем Фестом, который устранил вышедшие из употребления слова. В VIII в. 20 книг Феста сократил монах Павел Диакон. Его извлечение сохранилось полностью, а вариант Феста – примерно наполовину. Веррий Флакк в свой словарь включал слова устаревшие, специальные, многозначные, отмечал их фонетические и морфологические особенности, этимологию, пояснял словарные статьи примерами. Более подробно о характере словаря Веррия Флакка можно прочитать в книге «Язык и стиль античных писателей». Л., 1966 в статье

Е. И. Чекаловой «Из истории римской лексикографии» (с. 188 – 193). Имеется издание: Cervani R. L'Epitome di Paolo del «De verborum significatu» di Pompeo Festo. Roma 1978.

В середине I в. н. э. появилась первая большая грамматика латинского языка – «Ars grammatica» Квинта Реммия Палемона (ок. 10 – 75 гг. н. э.), которая до наших дней не дошла, но легла в основу последующей грамматической традиции. К описанию частей речи латинского языка Палемон применил систему понятий александрийской грамматики, в частности Дионисия Фракийского. Вслед за ним Палемон выделяет следующие части речи: имя (nōmen), местоимение (prōnōmen), глагол (verbum), причастие (participium), наречие (adverbium), предлог (praepositio), союз (coniūnctio), отказываясь от бывшего в составе частей речи у Дионисия, но чуждого латинскому языку артикля. Зато впервые в античном языкознании Палемон как особую часть речи определил междометия (interiectio): «Междометия – это слова, которые не имеют никакого отчетливого содержания, но обозначают душевное состояние» (GL I, p. 238).

Палемон сыграл большую роль в становлении латинской лингвистической терминологии и в определении норм классической латыни: описание им системы склонения и спряжения почти полностью совпадает с современными грамматиками латинского языка. Вклад Палемона в античное языкознание исследуется в кандидатской диссертации Р.М. Оленича «Грамматическая система Квинта Реммия Палемона». Львов, 1964); см. также: Barwick K. Remmius Palaemon und die römische ars grammatica. Leipzig, 1922. Имеется также кандидатская диссертация более общего характера: О.Г. Пылинив. «Становление и развитие латинской грамматической терминологии». МГУ, 1990.

Во второй половине I в. н. э. нормализацией латинского языка занимались создатель энциклопедического труда «Естественная история» Плиний Старший (23 – 79 гг.) и ритор Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35 – 96 гг.). От лингвистического трактата Плиния Старшего «Dubiī sermōnis librī» сохранилось более ста фрагментов. Под сомнительными формами Плиний понимал варианты слова, фонетические или морфологические, от которых он призывал отказаться. Критерием правильности Плиний

называл аналогию, а также обычай, авторитет автора, благозвучие. Квинтилиан в руководстве по риторике «Īnstitūtio ōrātōria» основным критерием считает обычай. Ни Плиний, ни Квинтилиан не пытались исправлять языковые формы.

В этот же период в Риме крепнут архаистические тенденции, ориентация на древние образцы, которая особенно расцвела в середине II века. Основателем этого направления был Марк Валерий Проб, который издал сочинения Вергилия, Горация, Лукреция, Теренция, Персия, руководствуясь методом критики текста александрийских грамматиков. Эти издания высоко ценились.

Во II веке широко комментируются произведения художественной литературы. Так, комментарии к Вергилию были составлены Теренцием Скавром и Велием Лонгом. Им же принадлежат специальные работы по орфографии. Скавр комментировал также Плавта и Горация. Все эти и другие комментарии (например, Эмилия Аспера к Вергилию, Теренцию, Саллюстию) до нас не дошли. Сохранилось описание произношения латинских звуков «Dē litterīs, dē syllabīs, dē metrīs» Теренциана Мавра (II – III в.). Авл Геллий (ок. 130 – 170 гг.), автор сочинения «Аттические ночи», дает в нем цитаты более чем из 200 античных писателей, в том числе и из утраченных работ по языкознанию.

В III веке лингвистическая работа становится менее интенсивной, в основном используются труды, составленные ранее. Однако именно к III веку относится первая из сохранившихся грамматик латинского языка «Dē īnstitūtīs artis grammaticae» Мария Сацердота.

В IV в. появляются подробные грамматические трактаты, многие из которых дошли до наших дней и носят в основном компилятивный характер: Проба (которого называют поздним, в отличие от издателя Валерия Проба), Харисия, Диомеда и Доната. Особый успех выпал на долю «Грамматического руководства» Элия Доната, который состоял из двух частей: для начального обучения и для более углубленного. Впоследствии они были названы Ars minor и Ars maior. Предназначенные для школы комментарии к Донату были написаны в конце IV в. Сервием, в V в. Сергием, Помпеем и т. д. В VI в. видный деятель христианской церкви

Кассиодор рекомендовал учебник Доната как основной для монастырских школ. До конца XVIII в. в Европе пользовались переработанными изданиями Доната, они оказали влияние на школьные учебники и грамматическую терминологию современных европейских языков. Имя Доната стало синонимом слова «грамматика» (ср. учебник литературного провансальского языка XIII в. «Провансальский Донат»).

Для изучения народной латыни важно анонимное приложение к руководству Проба (Appendīx Probī) неизвестного автора III века, который противопоставляет ряд неправильных форм формам, соответствующим нормам литературной латыни (см. практическое задание 2). Имеется издание с комментариями: Sprachlicher Kommentar zur vulgärlateinischen Appendix Probi, von W. A. Baehrens, Halle, 1921.

К IV в. относятся два словаря-справочника: Нонния Марцелла, который указывал этимологию, объяснял многозначные слова, грамматические особенности слов, проводил различие между синонимами, и Арусиана, в котором приводились возможные синтаксические конструкции для каждого слова на примерах из Вергилия, Саллюстия, Терренция и Цицерона.

Трактат римского грека Макробия «De differentiīs et societātibus graecī latīnīque verbī» появился на рубеже IV и V веков. Это, возможно, единственный специальный труд по сопоставительной грамматике в римском языкознании. В начале V в. Марциан Капелла дал описание произношения латинских звуков в третьей книге сочинения «Dē nuptiīs Philologiae et Mercuriī», озаглавленной «Dē arte grammaticā» (имеется издание «Die Hochzeit Merkurs und der Philologie» / H. Backes, Sigmaringen, 1982).

К V в. н. э. относится грамматический труд Консенция «Ars dē barbarismīs et metaplasmīs» (под метаплазмами понимали неправильные образования форм), в котором классифицируются речевые ошибки. Он издан в 1937 г. Нидерманом. В VI в. был написан обширный трактат Присциана, который работал в Константинополе, провозглашенном в 330 г. новой столицей тогда еще единой римской империи, а ко времени Присциана ставшем столицей Восточной римской империи. «Īnstitūtio dē arte

grammaticā» (в позднейшей традиции «Īnstitūtiōnes grammaticae») – самая значительная латинская грамматика древности, которая подвела итог достижениям античного языкознания. После Доната «Курс грамматики» Присциана был самым распространенным учебником латыни, оказывавшим влияние на разработку грамматических проблем вплоть до XVIII века.

2. **Данные других языков.** Этот вопрос уже затрагивался в лекциях, посвященных положению латинского языка среди других индоевропейских и неиндоевропейских языков, в первую очередь среди языков Италии. Поэтому сейчас только вкратце упомянем основные положения. Как мы уже видели, богатый материал для истории латинского языка дают языки, с которыми латинский язык контактировал. В ранний период это были языки италийские, этрусский, позднее греческий, германские и кельтские. Так, данные этрусского языка помогают, например, объяснить структуру римского имени, некоторые заимствования. Передача греческими буквами у поздних авторов (Плутарх, Диодор, Дионисий Галикарнасский и др.) и в надписях заимствованных из латыни имен собственных дает возможность делать выводы, как римляне произносили соответствующие слова. Этот вопрос обсуждается, в частности, в работах: Th. Eckinger. Die Orthographie lateinischer Wörter in griechischen Inschriften. München, 1892; B. Meinersmann. Die lateinischen Wörter und Namen in den griechischen Papyri, Leipzig, 1927.

Сравнительно-исторический метод при сопоставлении латинского языка с родственными языками индоевропейской семьи объясняет, как мы уже отмечали, многие факты его ранней истории. Двойственное значение латинского перфекта и некоторые способы образования основы перфекта латинского глагола становятся понятными при сопоставлении с языками, сохранившими наряду с перфектом аорист. Окончание родительного падежа единственного числа -ī в основах на -o получает объяснение при сравнении с кельтскими языками как элемент ранней общности, возможно, даже более широкой (ср. аналогичное окончание в венетском и мессапском).

Необыкновенно важными для истории латыни являются и данные романских языков, для которых латинский язык был языком-основой. Некоторые факты, не представленные в латинских памятниках, устанавливаются на основании сравнительно-исторического изучения романских языков. Эта тема будет обсуждаться еще в дальнейшем.

Контрольные вопросы

1. Какие области изучения латинского языка представлены в античных свидетельствах?

2. Данные каких языков важны для истории латинского языка?

Практические задания

1. Прочтите текст из пятой книги поэмы Лукреция «Dē rērum nātūrā» (V 1028 – 1029, 1041 – 1051), обратите внимание на отношение автора к вопросу о происхождении языка:

At varios linguae sonitus natura subegit
Mittere et utilitas expressit nomina rerum...
Proinde putare aliquem tum nomina distribuisse
Rebus et inde homines didicisse vocabula prima,
Desiperest. Nam cur hic posset cuncta notare
Vocibus et varios sonitus emittere linguae,
Tempore eodem alii facere id non quisse putentur?
Praeterea si non alii quoque vocibus usi
Inter se fuerant, unde insita notities est
Utilitatis et unde data est huic prima potestas,
Quid vellet facere ut sciret animoque videret?
Cogere item pluris unus victosque domare
Non poterat, rerum ut perdiscere nomina vellent.

2. Сравните представленные в приложении к руководству Проба («Appendīx Probī») примеры правильных и неправильных (встречавшихся в народной речи в нарушение литературной нормы) форм:

speculum non speclum
masculus non masclus

coquens non cocens
pauper mulier non paupera mulier
alveus non albeus
terebra non telebra
persica non pessica
nurus non nura
rivus non rius
vapulo non baplo
olim non oli
vobiscum non voscum
tymum non tumum
socrus non socra
myrta non murta
calidus non calda
ansa non asa

Распределите особенности разговорной речи на фонетические и морфологические, продумайте, какими именно процессами они объясняются (синкопа, отпадение или выпадение носовых, ассимиляция, диссимиляция, утрата огубленности, смешение близких по артикуляции гласных или согласных; редукция падежей, выравнивание родовых форм по более регулярной модели).

3. Подумайте над происхождением латинских слов bōs (ср. др. инд. gáuḥ «бык», нем. Kuh «корова», др. греч. βοῦς, русск. говядина, умбр. bum «быка») и vīvus (ср. греч. βίος, слав. живъ, лит. gyvas, скр. jīvaḥ). Проверьте свои соображения по материалам этимологических словарей.

Литература

1. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 46 – 48.
2. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 18 – 24.
3. С. А. Шубик. Языкознание древнего Рима. / История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 233 – 266.

ЛЕКЦИЯ 8

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА. ДОЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД

1. Периодизация истории латинского языка.
2. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (фонетика).
3. Памятники долитературной латыни.

1. **Периодизация истории латинского языка.** В истории латинского языка традиционно выделяют в рамках античной культуры периоды доклассический, классический, послеклассический, затем средневековый и новолатинский. В последнее время в связи с достижениями сравнительно-исторического языкознания появилась возможность не только говорить, но и судить о процессах, которые проходили в ***дописьменный*** период истории латинского языка.

В некоторых из этих периодов можно установить более дробное деление. Так, в ***доклассическом (архаическом)*** (конец VII – II вв. до н. э.) периоде выделяется ***долитературная*** латынь, представленная главным образом эпиграфическими памятниками или фрагментами в более поздней передаче (с конца VII до III в. до н. э.). С середины III в. до н. э., когда появляются произведения первых римских авторов и начинается становление литературного языка, архаическая латынь представлена уже и в литературной форме. Иногда архаическим периодом называют только долитературный период, а время становления литературного языка (середина III – II вв. до н. э.) называют доклассическим (ЛЭС).

Классический период, к которому относится творчество целой плеяды знаменитых поэтов и прозаиков, создавших литературный латинский язык, научно-философскую, политическую и техническую терминологию, занимает I в. до н. э. и начало I в. н. э. (до конца эпохи Августа в 14 г. н. э.). Именно этот период был назван в эпоху Возрождения ***«золотой латынью»***.

В ***послеклассическом*** периоде, известном по многочисленным сочинениям разнообразного характера как в

области художественной, так и научной литературы, выделяют I – начало II вв. (*«серебряная латынь»*), когда особенно резким становится отрыв литературного языка от разговорной речи, наметившийся еще в классическую эпоху, и II – V вв. (*поздняя латынь*), для которых важны появление христианской литературы на латинском языке и такие языковые изменения, которые подготовили переход к новым романским языкам.

Средневековая латынь сохраняла, благодаря своей роли в образовании и науке, характер живого языка и именно из-за этого она значительно отошла от классической литературной нормы, прежде всего в лексике. Впоследствии, особенно в эпоху Возрождения, усилилась ориентация на античные образцы, поэтому в латинском языке *нового времени* существенно стремление к нормам классической латыни.

2. **Наследие дописьменного периода в долитературной латыни.** Формирование системы латинского языка возможно проследить только с помощью сравнительно-исторического метода в сравнении с индоевропейским языковым состоянием в целом и италийским языковым состоянием в частности. Благодаря этому устанавливаются ведущие тенденции, линии развития и основные процессы, протекавшие в истории латинского языка в дописьменный период. Они находят подтверждение в самых ранних памятниках латинской письменности.

Фонетика. Вокализм. Латинский язык в начальной стадии своего развития сохранял в целом индоевропейскую систему долгих и кратких гласных (ā̆, ē̆, ō̆, ī̆, ū̆), а также долгих и кратких дифтонгов (ā̆i, ē̆i, ō̆i, ā̆u, ē̆u, ō̆u). Все краткие были открытыми, а долгие закрытыми, кроме *a*. Закрытость долгих – общеиталийская черта, известная из оскского. Система долгих и кратких гласных, а также долгих и кратких дифтонгов характерна и для общеиталийского периода (единственно, что долгие дифтонги сохранились не все и не во всех положениях). Изменения в системе вокализма связаны или с сокращением роли системы чередования гласных в корне, или с отражением индоевропейских сонантов.

Система *чередования гласных* в индоевропейских языках проводилась последовательно и играла большую роль в словообразовании и словоизменении. Ее возникновение, возможно, связано с различием в строении ударных и безударных слогов. Самым важным было качественное чередование е/о, характерное не только для корня, но и для суффиксов и окончаний. Кроме того, в корнях и суффиксах возможно количественное чередование кратких е и о с долгими. Гласный ĕ или ŏ в той или иной морфеме называется полной ступенью огласовки, долгий ē или ō – ступенью удлинения, отсутствие гласного – нулевой ступенью или ступенью редукции. Хорошо представлена эта система в некоторых греческих примерах: φρήν «диафрагма, разум», φρένα — вин. п. ед. ч., φρασί — дат. п. мн. ч. (а из *n̥), σώφρων «здравомыслящий», σώφρονα — вин. п. ед. ч.

Существовало также чередование совершенно иного происхождения, возникшее в связи с исчезновением т. н. «ларингальной» согласной. В индоевропеистике ларингалом называют неопределенный поствелярный звук, постулирование которого позволяет объяснить вокалическую огласовку корня. Наличие в праиндоевропейском ларингальных (или заднеязычных) согласных, которые потом исчезли, было установлено путем внутренней реконструкции. Основная идея была высказана в виде гипотезы Ф. де Соссюром (1878).

Существуют такие языковые факты, на основании которых некоторые индоевропеисты говорят о существовании нескольких ларингальных разного качества (от одного, например, у О.Семереньи, до десяти у А. Мартине). Есть и факты, которые дают основание думать, что это были не ларингальные, но заднеязычные согласные, и даже, что это различительный признак слогового акцента (Л. Г. Герценберг). Ларингальная теория находится в стадии разработки.

В латинском языке система чередования гласных сохранила лишь следы пережиточного характера, например: est : sunt; genus : gigno; deico (класс. dīco) : dictus; feido (класс. fīdo) : foiderātei (foederātī) : fidēs; tego : toga : tēgula; sēvi : satus; dōnum : dare; stāre : status; pedem : pēs : tripodāre; equos : eque; i-ens : e-untem (< *eiontem). По-видимому, еще в общеиталийский период система чередования гласных стало непродуктивной, ее наследие постепенно стиралось.

Италийские языки выравнивали словоизменение по одной основе. Так, в склонении genus (< genos), generis «род» еще представлены обе ступени чередования o/e, а в склонении tempus (< tempos), temporis «время» по всей парадигме проводится единая огласовка, при наличии однокоренной формы tempestās «время», «погода» и архаического локатива temperī «вовремя», представляющих древнее чередование.

Второй момент, изменивший систему гласных латинского языка по сравнению с индоевропейской уже в ранний период, это переход кратких слоговых сонантов r̥, l̥ в or, ol, m̥, n̥ в em, en, а долгих r̥̄, l̥̄, n̥̄ – в rā (или ar), lā, nā. Долгие слогообразующие сонорные вообще усматриваются в индоевропейском в тех случаях, где можно на основании чередований предполагать после них наличие ларингальной согласной. Например: лат. strātus «постланный», ср. др. греч. στόρνυμι и στρώννυμι «стелю», скр. stīrṇaḥ «рассыпанный», ст. слав. про-стрьтъ (*str̥-).

Консонантизм. В области консонантизма наблюдается тенденция к упрощению системы согласных и их сочетаний. Индоевропеистика восстанавливает следующие архетипы согласных фонем: смычные *t, *d, *dh, *p, *b, *bh, *k, *g, *gh, *k^u, *g^u, *gh^u, спирант *s, сонорные *r, *l, *n, *m, слоговые краткие *r̥, *l̥, *n̥,*m̥, и слоговые долгие, которые по всей вероятности образовались из сочетаний кратких слоговых сонорных с ларингальной. Большинство индоевропейских согласных сохранены италийскими языками, в том числе и латинским. Остановимся на тех случаях, в которых наблюдаются те или иные различия.

Прежде всего, гласные i, u в индоевропейском бывали слоговыми и неслоговыми. Неслоговые пополняли систему консонантизма конкретных индоевропейских языков (j, v). Высказывалось мнение (К. Бругман, Ф. Ф. Фортунатов), что в индоевропейском существовали также j, v, не связанные с гласными, но это доказать не удалось.

Неслоговое i̯ сохраняется в начале слова (iugum «ярмо», iam «уже»), но исчезает между гласными, что приводит к морфологическим чередованиям (eō <*ei̯o «иду» : i̯s «идешь» и i-ēns «идущий» : e-untis < *ei̯-ontes «идущего») и изменениям в морфологии: moneō < *monei̯o «напоминаю», cūrō < *coisāi̯ō «забочусь». Однако, где в результате ассимиляции

была группа двойного i, сохраняется написание i и между гласными: maiorem (собственно mai̯i̯orem < *magi̯ōsem, ср. magnus «большой»). Между согласным и гласным i вокализовалось: alius < *ali̯os «другой», ср. греч. ἄλλος «другой»). Неслоговое i̯, таким образом, не имело самостоятельного фонологического значения.

Неслоговое u̯ имело более самостоятельный фонологический характер, но противопоставления типа volui — volvi возникли сравнительно поздно. Более подробно об этом пойдет речь в связи с произношением классической латыни.

Древние лабиализованные q^u и g^u в латыни сохранились, в отличие от оскско-умбрского, где они перешли в губные p и b. Однако в некоторых случаях лабиализация утрачивается. Это касается звонкого g^u, который сохранился только в позиции между n и гласным: (unguis «ноготь»), перед согласным же он теряет огубление (gravis «тяжелый», ср. βαρύς «тяжелый»), а в прочих положениях дает u̯ (vīvus «живой», ср. оск. bivus, русск. жив). Глухой лабиовелярный q^u утрачивает лабиализацию перед согласным и перед u: relinquo «оставляю», но relictus «оставленный», sequor «следую», но secūtus «следующий», хорошо сохраняя ее только перед a, e, i (перед o тоже возможна утрата огубления, как и восстановление его по аналогии с другими формами: equos и ecos).

Как уже упоминалось, в италийских языках изменились звонкие аспираты: *bh, *dh, *gh, *g^uh. На общеиталийском этапе они перешли в глухие спиранты *f, * þ (англ. th), *χ, *$χ^u$. Далее развитие шло различно по отдельным ветвям италийских языков. В оскско-умбрском все глухие спиранты, кроме *χ, которое дало h, совпали в лабиодентальном f. В латинском языке такой же путь развития наблюдается только в начале слова, кроме χ, дающего h и в середине слова между гласными (fero «несу», ср. греч. φέρω «несу»; fūmus «дым», ср. греч. θυμός «дух»; formus «горячий», ср. греч. θερμός «горячий», др. инд. gharmáḥ «жар», русск. гореть; hiems «зима», ср. греч. χειμών «зима»; veho «везу», ср. греч. (ϝ)οχέομαι, русск. везу), а в середине слова глухие спиранты озвончились и слились со звонкими смычными: губной с b, переднеязычный с d (но рядом с r, перед l и после u

появляется b), заднеязычный с g, лабиовелярный с g^u: nebula «туман», «облако» (греч. νεφέλη), medius «средний» (др. инд. mádhyaḥ, оск. mefiai), ruber «красный» (греч. ἐρυθρός, др. инд. rudhiráḥ), ango «сжимаю» (греч. ἄγχω), ninguit «идет снег» (греч. νίφει).

Следовательно, на месте четырех древних придыхательных латинский язык имел спирант f, возможный в исконно латинском слове только в начальном положении, и придыхание h. Наличие f в середине слова или начального f- вместо ожидаемого h- свидетельствует о заимствовании. Таким образом, система согласных звуков в латинском языке стала следующей:

смычные: глухие — p, t, k, q^u
звонкие — b, d, g, g^u
сонанты: i, u, r, l, m, n
спиранты — f, s, h.

В 1972 году на конференции в Академии наук был прочитан доклад Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных» (Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы, М., 1972), в котором была пересмотрена традиционная система индоевропейских смычных, состоящая из трех серий: звонкие (b), d, g, придыхательные bh, dh, gh и глухие p, t, k. Серия звонких смычных считается дефектной из-за крайней редкости губной звонкой. Представленная реконструкция объясняется соответствием этой традиционной системы консонантизму языков с древнейшими литературными традициями, в первую очередь древнеиндийского языка и отчасти древнегреческого и латинского. С точки же зрения типологической, учитывающей огромный материал языков мира, в том числе северокавказских, африканских и американских индейских, она вызывает серьезные возражения, поскольку в ней отсутствует лабиальный звонкий смычный и серия глухих придыхательных при наличии звонких.

Чтобы система смычных согласных удовлетворяла требованиям универсальной типологии, ее нужно реинтерпретировать на основании частоты встречаемости: традиционные звонкие как глоттализованные (— , t, k) (то есть, в понимании авторов, смычно-гортанные), а глухие (p, t, k) как глухие придыхательные (ph, th, kh),

для которых сохраняются непридыхательные в качестве комбинаторных вариантов в зависимости от позиции в слове (p, t, k). В таком случае звонкие придыхательные (bh, dh, gh) сохраняют свою серию также в комбинации с непридыхательными вариантами (b, d, g).

Указанная реконструкция легла в основу выведения фонологических систем исторических индоевропейских диалектов в капитальном труде этих авторов «Индоевропейский язык и индоевропейцы». Тбилиси, 1984 (репринтное издание – Благовещенск, 1998). На с. 64 – 74 иное освещение получает и различное отражение звонких аспират в начале и середине латинского слова. Кроме того, получают объяснение и исключения из закона Лахмана (компенсаторное удлинение гласной, вызванное позиционным оглушением звонкой смычной: āctus – ago, rēctus – rego), а именно отсутствие такого удлинения в формах типа lectus – lego, vectus – veho. По Иванову и Гамкрелидзе, это удлинение вызвано утерей признака глоттализации.

Латинские глухие согласные были сильными, а звонкие слабыми. Этим можно объяснить озвончение конечных согласных в предлогах: ab «от» (ср. греч. ἀπό), sub «под» (ср. греч. ὑπό), ob «к», «против» (ср. греч. ἐπί), произошедшее после апокопы конечных гласных, а также в форме 3-го лица ед. ч. -d < -t.

Группы согласных -tt- и -dt- изменяются в ss: passus «претерпевший» < *pattos, с последующим упрощением ss > s после долгого гласного: vīsus «увиденный» < *vissos < *vidtos; упрощается группа -k/g-s + согласный: iouxmenta > iūmenta «вьючные животные», *louk-sna > lūna.

Ударение утратило подвижность и закрепилось на двух предпоследних слогах. Вопросы, связанные с ударением, мы будем рассматривать более подробно в следующем семестре. См. также: Т. А. Карасева. Историческая фонетика латинского языка. М., 1987, с. 103–105 и Т. А. Карасева. Изменение места ударения в многосложных латинских словах. Львов, 1985, с. 30 – 34.

3. Памятники долитературной латыни. Кроме уже рассмотренных первых латинских эпиграфических памятников (надпись на Пренестинской фибуле, надпись на Форуме, Дуэнова надпись), к периоду до середины III в. до н. э. относятся еще некоторые единичные надписи: надпись из

Сатрика конца VI в. до н. э., надпись на урне из Цере, осколки которой найдены в 1950 г. (датировка от последних десятилетий VII в. до н. э. до середины VI в. до н. э.), надпись из Мадоннетты, впервые опубликованная в 1959 г. (датируется концом VI – V в. до н. э.), надпись из Тибура (VI или V в. до н. э.), бронза Фуцинского озера конца IV в. до н. э., посвящение Энею из Лавиния на архаической стеле, найденной в конце 50-х гг. (датируется концом IV или самым началом III в. до н. э.). Анализ языка этих надписей имеется в пособии И. М. Тронского 1953 г., по результатам новых находок его дополняет пособие Т. А. Карасевой.

Особый интерес представляет относящийся к концу III в. до н. э., хорошо передающий архаические языковые черты элогий (надгробная надпись) Луция Корнелия Сципиона, сына Луция Корнелия Сципиона Бородатого, написанный сатурновым стихом (CIL I^2 8,9).

Дошедшие до нас в поздней модернизированной передаче (III в. н. э.) первые памятники устного народного творчества относят к VI в. до н. э. Они связаны с культом богов и обрядами. Это Арвальский гимн, ритуальный гимн коллегии «арвальских» (т. е. пашенных) братьев, и гимны коллегии салиев (т. е. прыгунов), жрецов бога Марса. Исполнялись молитвы и заклинания под музыку и сопровождались плясками, поэтому тексты ритмически организованы. Однако метрическая природа стиха арвальских и салийских гимнов практически не поддается реконструкции. Немалую роль в этих текстах играли аллитерации.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные периоды в истории латинского языка.

2. Как отразилась в латинском языке система индоевропейских гласных и дифтонгов?

3. Расскажите о судьбе индоевропейских аспират в истории латыни.

4. Какие письменные памятники долитературной латыни Вы знаете?

Практическое задание

Познакомьтесь с текстами арвальского и салийских гимнов, с нагробной надписью (элогием) Сципиона (ХРЛ, с. 14). Отметьте фонетические особенности, прежде всего обратите внимание на сохранение дифтонгов и отсутствие редукции гласных. При анализе текста воспользуйтесь комментариями на с. 267 – 268 и Справочником в указанной Хрестоматии. Желательно ознакомиться также с фотографиями текстов, помещенными в книге: Е. В. Федорова. Ранняя латинская письменность. М., 1991.

Литература

1. Т. А. Карасева. Учебное пособие по истории латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VI – I вв. до н. э. М., 1994.

2. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 14 – 26 (ХРЛ).

3. А.Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

4. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 37 – 45.

5. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.—Л., 1953, с. 91 – 102, 145 – 154.

ЛЕКЦИЯ 9

ДОЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД
(продолжение)

1. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (морфология имени).
2. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (морфология глагола).

1. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (морфология имени). Латинский язык сохранил именную структуру индоевропейского праязыка: дифференциацию существительного и прилагательного с общей системой склонения и иногда даже общими словообразовательными суффиксами, наличие категорий рода, числа и падежа.

Классификация имен существительных по ***родам*** унаследована латинским языком от общеиндоевропейского языкового состояния, для которого было характерно наличие трех родов, но со следами более раннего противопоставления среднего и несреднего (мужского и женского) рода, восходящего к древнему противопоставлению инактивности и активности, объектности и субъектности, в известной степени — неодушевленности и одушевленности. Это находит отражение в общем правиле среднего рода латинского и других индоевропейских языков, в отсутствии дифференциации склонения существительных мужского и женского рода в пределах общей основы (terra «земля» и nauta «моряк», lupus «волк» и humus «почва», pater «отец» и māter «мать», frūctus «плод» и manus «рука», diēs «день» и māteriēs «вещество»), в наличии большой группы прилагательных двух окончаний. Таким образом, двухчленная классификация, предшествовавшая трехчленной еще в раннюю эпо́ху индоевропейской общности, частично представлена и в истории латинского языка.

В общеиндоевропейский период противопоставлялись три ***числа***: единственное, двойственное и множественное. Однако уже италийские языки утратили двойственное число

(в латыни дуалис только в формах duo «два» и ambō «оба», возможно, также в долготе конечного гласного слов cornū «рог» и genū «колено» как обозначений парных предметов).

Сократилась и ***система падежей***. В общеиндоевропейский период функционировало восемь падежей, которые восстанавливают по индоиранской системе: именительный, винительный, инструментальный, дательный, отложительный, родительный, местный и звательный. Признаком падежа было окончание, присоединенное к основе имени и указывающее на падеж и число. Однако не все падежи имели особые формы для разных чисел: формы инструменталиса, отложительного и родительного падежей в хеттском языке во множественном числе одинаковы с соответствующими формами единственного числа, образования на -φι у Гомера и в крито-микенском появляются в функции отложительного, местного, дательного, инструментального и даже родительного падежей и в ед., и во мн. числе. Так появлялась омонимия падежных форм, особенно она характерна для дуалиса.

Восемь падежей не сохранились ни в одном из современных индоевропейских языков. Число падежей сокращалось повсеместно за счет слияния прежде самостоятельных падежей. Так, в старославянском функции родительного и отложительного падежей закрепились за родительным, в древнегреческом в родительном падеже совпали родительный и отложительный, а в дательном — творительный, местный и дательный.

В общеиталийский период, вместо восьми индоевропейских падежей, после слияния отложительного падежа с творительным в единый аблатив, их стало семь, а в латинском языке была утрачена и система местного падежа, сохранившегося только в реликтных формах немногих единичных существительных. Функции местного падежа в латыни перешли также аблативу, совместившему в себе три индоевропейских падежа. Указанная многозначность аблатива требовала уточнения его значений с помощью предлогов.

Рост употребления предлогов вообще является одним из важнейших факторов, сокращающих падежную систему.

При сочетании предлогов с падежной формой (прежде всего это произошло в падежах, обозначающих пространственно-временные отношения) смыслоразличительная функция переходит на предлоги, а специальное падежное окончание становится излишним.

Многообразие индоевропейских *основ* в латинском языке тоже упрощается (в первую очередь за счет дифтонгических основ). В индоевропеистике различаются основы на согласные и сонанты, на -ā- (ср. лат. I склонение) и на -o/e- (ср. лат. II склонение). Эти два последних типа все больше сближаются между собой, особенно под влиянием сложившейся системы прилагательных, в которой мужскому и среднему роду с основой на -o/e- соответствовал женский род на -a-. Они постоянно взаимодействовали и влияли друг на друга.

Так, исконное окончание аблатива основ на -o/e- -d (ср. древнеиндийский аблатив) распространилось по всем гласным основам. Окончание им. п. мн. ч. -ai (> ae) I склонения возникло по аналогии с окончанием -oi (> -ei > ī) II склонения. Окончание род. п. ед. ч. основ на -a -ās (familiās «семейства») было заменено окончанием -āī > -ae, источником которого, по-видимому, было окончание -ī II склонения. Во II склонении в род. п. мн. ч. исконным было окончание -om > -um (ср. deum «богов»), замененное по аналогии с -ārum I склонения на -ōrum. Окончание инструментального падежа мн. ч. (-ois > -īs) распространилось на дат. п. мн. ч. Отличительный признак самой основы исчез в результате слияния во многих формах конечного гласного основы с гласным окончания.

Основы на сонанты в латинском языке повели себя по-разному. Плавные и носовые основы совпали в склонении с согласными (III склонение), основы на -i/ei- тоже сблизились со склонением согласных основ, в результате чего появились многочисленные колебания и смешения, а основы на -u/eu- сформировали свой тип (IV склонение), сложившийся под влиянием как II, так и III склонения. В V склонении смешались основы разного происхождения и только два слова (rēs «вещь» и diēs «день») имели в нем полную парадигму. Окончания датива – аблатива –

инструменталиса -bus (из *-bhos) указывает на то, что окончание на *-bh- имело огласовку не только i (как в греч. -φι, скр. -bhiḥ), но и *o*.

Итак, можно сделать вывод, что в системе имени индоевропейская падежная система в дописьменный период истории латинского языка шла на убыль в связи с ростом роли предложных конструкций. Специальная падежная форма становится излишней и при особой интонации, как это произошло в случае со звательным падежом при обращении. Наряду с этим фактором действовала и падежная омонимия, переходящая по аналогии из одного числа в другое или из одного типа основ в другой.

2. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (морфология глагола). Глагольная система латинского языка – результат развития италийской глагольной системы, во многом отличающейся от греческой или древнеиндийской. В индоевропейской общности в центре глагольной системы не было одной основы. Это была система форм, хотя и образованных по преимуществу (но не всегда) от одного корня, однако независимых друг от друга. В италийских языках глагольная система развертывается вокруг двух основ: инфекта и перфекта, в котором слиты общеиндоевропейские аорист и перфект. Основы инфекта в оскско-умбрском распределяются по тем же четырем спряжениям, как и в латыни. Для образования перфекта были использованы старые средства, восходящие к индоевропейским: удвоение, чередование, суффикс -s.

Для индоевропейской общности была характерна древняя трехчленная ***видовая*** система, противопоставлявшая основы настоящего времени (указание на длительность действия или состояния без временного значения), аориста (указание на действие или состояние безотносительно к длительности) и перфекта (указание на завершенность действия, перешедшего в определенное состояние). В италийских языках, как и в некоторых других ветвях индоевропейской семьи, аорист и перфект слились в дописьменный период. Латинский перфект обобщил два древних вида – аорист и результативный перфект и стал противопоставляться инфекту по принципу завершенности

действия. Таким образом, древняя видовая характеристика действия по способу его протекания сменилась более отвлеченной характеристикой по степени завершенности действия. Система временных отношений в истории латинского языка наложилась на видовую систему, поэтому вид в латыни как грамматическая категория стерся. Он проявляется в имперфекте, где существенно значение начала действия.

Появляются новые пути для выражения вида лексического характера: префиксы с видовым значением: facio «делаю» – perficio, cōnficio «завершаю». Это явление позднее и не получившее широкого развития, потому что в период поздней латыни произошли другие изменения в глагольной системе, которые отодвинули это явление на задний план.

Латинский язык связал ***основы инфекта и перфекта*** в единую систему по продуктивному типу регулярных глаголов (amo, amāvi, amātus, amāre «любить»). Между подобными основами установились закономерные отношения, а основа инфекта стала базой для образования других основ. Перфект на -vi характерен из италийских языков только для латыни. Каждый италийский язык выработал свою систему спряжения. Но все расхождения, относяшиеся к эпохе долитературного языка, в значительной степени восходят к доисторическому, то есть не зафиксированному письменностью, времени. Латинский язык выработал в пределах каждой из основ свою систему спряжения, со своим настоящим, прошедшим и будущим.

В индоевропейском единстве были представлены изъявительное, повелительное ***наклонение*** и два наклонения, указывающие на возможность осуществления действия: конъюнктив со значением ожидания действия или побуждения к нему и оптатив со значением возможного или желательного действия. Латинский язык обобщил два древних наклонения: конъюнктив и оптатив, что характерно для большинства ветвей индоевропейской семьи языков еще до начала письменной традиции. Такое новое наклонение охватывает область возможного, предполагаемого, воображаемого, желательного, то есть всего того, что противопоставляется фактическому. Эта картина характерна и для

италийских языков вообще. И. М. Тронский, следуя античной грамматической традиции, называет это наклонение субъюнктивом. В нашей традиции за этим наклонением принято сохранять термин конъюнктив.

Для образования конъюнктива в латыни были использованы формы, содержащие суффиксы разного происхождения: оптативный суффикс -iē-/-ī-, представленный в лат. неправильных глаголах (siem/simus), в первом спряжении (*amāiēs > *amāēs> amēs, где i в интервокальной позиции исчезает, а ē ассимилирует ā) и в перфекте (fueritis < *fuu̯-is-i-tes); а также инъюнктивный суффикс -a- итало-кельтского происхождения (инъюнктив объединяет все, что нереально – конъюнктив, имперфект, плюсквамперфект, ср. dīcam «я сказал бы», eram «я был», fueram «я уже был»).

Индоевропейский показатель конъюнктива (в атематическом спряжении e/o, в тематическом ē/ō) в латинском языке будет использован при формировании будущего времени (eris < *es-e-s, dīxeris < *dīx-is-e-s), которое создавалось в латинском языке, как и во многих других индоевропейских языках, самостоятельно и относительно поздно, даже иным путем, чем в других италийских языках, например, в оскско-умбрском. Латинский язык избирает для выражения действия в будущем (тоже еще не реального, неосуществившегося), средства, известные в сфере конъюнктива, наклонения побуждения и ожидаемого действия. Первоначально будущее действие вообще выражалось с помощью наклонений, прежде всего сослагательного, лишь с развитием мышления возникла необходимость дифференцировать нюансы значений. Все эти процессы происходили тоже в доисторический и долитературный период.

К общеиндоевропейской эпохе восходит наличие двух ***залогов***: активного и среднего (медиального). Медиальный залог указывал на тесную связь действия с его субъектом (в русском языке древний медий был заменен «средне-возвратным» залогом на -ся). Эта связь могла выражаться в переходе действия на сам субъект (умываюсь), на предмет, находящийся в сфере субъекта (мою себе руки), в указании заинтересованности субъекта (пользуюсь), на взаимодействие субъекта с другими (общаюсь), на протекание

действия внутри себя (радуюсь). Если действие имеет источник вовне, то создается база для формирования пассива («дом строится» и «дом строится рабочими»). Однако формирование пассивного залога протекало не в общеиндоевропейскую эпоху, а значительно позднее и в разных группах индоевропейской семьи различно.

В системе образования латинских ***времен*** ведущую роль играет способ ***суффиксации***, ибо вторичные и первичные окончания совпали на базе вторичных (сохранились только следы прежнего различия в третьем лице единственного и множественного числа). Аугмент – явление не общеиндоевропейское, а новообразование греческое, индо-иранское и армянское. Так, в греческом языке он стал обязательным сравнительно поздно; у Гомера, как известно, он факультативен. В праиндоевропейском время выражалось только окончаниями. Противопоставление первичных и вторичных ***личных окончаний*** в истории латинского языка разрушилось, что характерно и вообще для италийских и кельтских языков, наблюдается в хеттском, тохарском, то есть в так называемых «периферийных» индоевропейских языках. Для латинского имперфекта был создан суффикс *-bhā-, а для футурума основ на ā и ē – суффикс *-bhe/o-, которые обычно понимают как образование от корня глагола *bhū- «быть».

Особое положение перфекта в индоевропейской системе глагола обусловило наличие перфектных окончаний, не совпадающих с обычными личными окончаниями. Еще в общеиндоевропейскую эпоху перфект имел специальный ряд личных окончаний. (Ср. в др. греч. языке окончание в форме οἶδα, в которой α не восходит к m̥ слоговому, как, например, в ἐπαίδευσα, а является собственно перфектным окончанием). В латинском глаголе в связи с двойственностью природы перфекта, сложившегося на базе индоевропейских перфекта и аориста, система личных окончаний содержит дублетные формы разного происхождения, следы новообразований и смешения разных форм.

Личные окончания медиопассива также имеют сборный характер. Они являются в основном результатом контаминации индоевропейских активных и медиальных окончаний с «итало-кельтским» -r (ср. -r в 1 лице ед. ч., а также окончания

-tur < *-tor, -mur < *-mor, ntur < *-ntor). Окончание -mini рассматривается как связанное с причастиями типа φερόμενοι, то есть имеет, по-видимому, именное происхождение.

Почти все латинские глаголы сведены в тематическое ***спряжение*** с основой на чередующийся гласный -e/o-. От атематического спряжения сохранились лишь реликты в неправильных глаголах. Все прочие глаголы перераспределились в новые классы, в которых слились тематическое и атематическое спряжения и сформировались новые типы. Большую роль в создании этих новых глагольных типов сыграл фонетический процесс выпадения i неслогового между гласными с последующим слиянием гласных. Особенно продуктивными оказались глаголы на ā и на ī, в которых была наиболее последовательно проведена зависимость образования перфекта от основ инфекта. Тем не менее прежние морфологические типы (особенно в III спряжении) оставались достаточно устойчивыми.

Индоевропейский перфект, выражавший состояние, наступившее в результате действия, не дифференцировал актива и медия, используя один ряд личных окончаний. Италийский перфект, расширив сферу своих значений за счет включения в нее обозначения законченного действия, уже нуждался в медиопассиве. В италийских и кельтских языках представлен описательный способ образования пассивного перфекта типа amātus est. Двухвидовая система «инфект – перфект» пополнилась еще одной основой прилагательных на -to-s, означавшего снабженность неким признаком (ср. barbātus «бородатый», dentātus «зубастый», aurītus «ушастый», cornūtus «рогатый»). Эта основа подверглась влиянию перфекта и стала с ней соотноситься.

В архаической латыни, кроме того, есть формы, не укладывающиеся в рамки обычных основ: будущего времени на -sō (faxō) или конъюнктива на -sim (faxim), а также amāssō, servāssint. Такие образования, характерные прежде всего для официального и сакрального стиля, считают сабинизмами культового языка, через который в латынь проникли формы оскско-умбрского типа будущего времени на -s-. Не соотносятся с общей системой также формы типа duam,

abstulās, tagam и некоторые другие. В классической латыни все эти отклонения были устранены.

Контрольные вопросы

1. Какие важнейшие преобразования индоевропейской системы имени произошли в дописьменную эпоху истории латинского языка?

2. Как латинский язык видоизменил систему индоевропейского глагола?

Практическое задание

Прочитайте и проанализируйте текст «Молитвы об охране полей» по ХРЛ, с. 18 – 20. Используя комментарии на с. 269 и материалы Справочника, выделите особенности архаического языка (нерегулярные образования форм конъюнктива, сигматические образования, стяженные формы в системе перфекта, особенности местоимений). Обратите внимание на характерные черты ритмической прозы (в центральной части текста, содержащей древнейшие италийские сакральные формулы): аллитерации, повторы, в том числе усилительной частицы -que, ряды синонимов, связанных между собою и ритмически, и в звуковом отношении.

Литература

1. Т. А. Карасева. Учебное пособие по истории латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VI – I вв. до н. э. М., 1994, с. 135 – 139.

2. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 14 – 25, 256 – 266.

3. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 135 – 139, 207 – 213.

4. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 103 – 113.

ЛЕКЦИЯ 10

ДОЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРИОД
(окончание)

1. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (лексика).

2. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (словообразование).

1. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (лексика). При изучении лексики любого языка, кроме толковых, описательных словарей, словарей языка отдельных авторов, неоценимую роль играют словари этимологические. Особенно велико их значение при исследовании лексики ранних этапов развития того или иного языка. Для латинского языка это словарь Вальде-Хофмана (Walde A., Hoffman J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I — II, Heidelberg, 1938[3]) и словарь Эрну-Мейе (Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1959[4]). Эти словари хорошо дополняют друг друга, поскольку у каждого из них своя специфика. Первый стремится исчерпывающе представить все предложенные этимологии, для второго важна история слова (см. подзаголовок в названии словаря).

В основном словарном фонде латинского языка, как и вообще италийской ветви индоевропейской семьи, представлены многочисленные общие корни и общие слова ***индоевропейского происхождения***. Это названия частей тела (os «кость», pēs «стопа», genu «колено», dens «зуб», cruor «кровь», oculus «глаз», cerebrum «головной мозг»), названия животных, скота (equus «конь», lupus «волк», ovis «овца», ursus «медведь», fiber «бобр», pecu «скот»), небесных тел, метеорологических явлений, времен года (diēs «день», nox «ночь», ventus «ветер», hiems «зима», mensis «месяц», ninguit «идет снег»), обозначения пищи, одежды (vestis «одежда», lana «шерсть», sal «соль», coquo «варю», edo «ем», bibo «пью», voro «пожираю», lingo «лижу»), жилища и его окружения (domus «дом», vīcus «деревня», ager «поле»), термины родства

(pater «отец», māter «мать», frāter «брат», socer «свекор», genus «род», vidua «вдова»).

Среди таких слов представлены глаголы, обозначающие первичные состояния, ощущения и действия (vīvo «живу», video «вижу», specio «смотрю», clueo «слышу», (g)nōsco «знаю», memini «помню»), глаголы движения и покоя (eo «иду», venio «прихожу», verto «поворачиваю», sedeo «сижу», fero «несу», sto «стою», no «плыву», ago «веду», scando «восхожу»), глаголы, связанные с хозяйственной деятельностью (tego «крою», rumpo «рву», tendo «тяну», sterno «стелю», mulgeo «дою», aro «пашу»), прилагательные (medius «средний», dexter «правый», novus «новый», ruber «красный», suāvis «сладкий», mollis «мягкий»), местоимения (tū «ты», quī «кто»), числительные до 10, 100 и др.

В современной лингвистической литературе эти группы слов неоднократно были предметом изучения и основой для выводов не только сугубо языкового характера.

Так, в капитальном исследовании В. В. Иванова и Т. В. Гамкрелидзе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984, переизд. Благовещенск, 1998) подтверждается «принцип изучения языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурой и на широком фоне истории носителей языка» (с. 459). Исследования такого характера, обращенные в глубокое прошлое, иногда называются «лингвистической палеонтологией».

Во второй части указанного труда, озаглавленной «Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры», собран богатейший материал по следующим главам: «Мир «живого». Боги, человек, животные»; «Индоевропейские представления о «диких животных» и их обозначения»; «Индоевропейские названия «домашних животных». Хозяйственные функции животных и их ритуально-культовая роль у древних индоевропейцев»; «Индоевропейские названия «растений». Хозяйственное использование растений и их ритуально-культовая роль у древних индоевропейцев»; «Окружающая географическая среда, климат. Индоевропейские названия небесных тел»; «Хозяйственная деятельность. Материальный быт. Ремесла и транспорт»; «Социальная организация, экономика и система родства древних индоевропейских племен»; «Связь древней

социальной организации со структурой духовных понятий и мифологической картиной мира»; «Реконструкция индоевропейских ритуалов. Правовые, медицинские представления. Идея загробного мира и погребальные обряды»; «Реконструкция фрагментов индоевропейского текста. Фрагменты поэтической речи и индоевропейские метрические схемы. Система счета и числовая символика».

Перечень привлеченных к исследованию латинских слов в указателе словоформ занимает почти восемь страниц большого формата (в три колонки). Например, по поводу слова rēx мы читаем: «Обращает на себя внимание полное совпадение целого комплекса ритуалов, связанных со «священным царем» (rēx sacrōrum) и царским святилищем Rēgia в Риме, с аналогичным древнеиндийским комплексом обрядов Ашвамедхи, совершавшимся при церемонии коронации «царя». То же самое можно сказать и об особом комплексе обрядов, совершаемых особым «жрецом-друидом» при древнекельтском царе ri. Такие совпадения ритуалов с одинаковыми наименованиями в разных исторических индоевропейских традициях позволяют реконструировать у древних индоевропейцев образ «священного царя» *rek'-, символизирующего единство и благополучие всего сообщества» (с. 751 – 752).

В «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста (Пер. с фр./ Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М., 1995) рассматривается значительная часть индоевропейской лексики, связанной с двумя областями: 1) хозяйство, семья, общество и 2) власть, право, религия. В исследовании немалое внимание уделено словам именно латинского языка, таким, например, как pecu «скот» и pecūnia «деньги», sūs «свинья» и porcus «поросенок», «свинья», rēx «царь», ius «право», cēnsor «цензор», quaestor «квестор», auctōritās «власть», prex «мольба», терминам родства, лексике предзнаменований и предсказаний и т. д. Указанный словарь относится к типу т. н. «идеографических» словарей, построен не по алфавитному принципу, но по принципу «от идей к словам». Он сформировался в результате циклов лекций Э. Бенвениста, прочитанных во Французском коллеже.

Сам автор так характеризует задачу своего «Словаря»: «Мы старались показать, как слова, первоначально с мало различающимися значениями, постепенно приобретали специализированные значения; так возникли группы слов, в которых отражены многовековая эволюция социальных институтов, становление новых видов деятельности, нового мировоззрения. В результате культурных контактов этот внутренний для того или иного отдельного языка процесс может оказать влияние и на другой язык. Так, лексические связи, установившиеся в греческом в результате внутреннего развития этого языка, послужили моделью, через перевод или прямое заимствование, для установления подобных же связей в латинском языке» (с. 28).

Словарь предваряет очень ценная вступительная статья Ю. С. Степанова «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре», оценивающая вклад работы Э. Бенвениста в развитие той области науки о культуре, в которой «смыкаются три исследовательские области – «история духовных ценностей (концептов культуры)», «история слов», «история вещей» (с. 11).

Каждая глава начинается с краткого резюме. Так, по поводу уже упоминавшегося слова rēx мы читаем: «Засвидетельствованное только в италийском, кельтском и индийском, то есть на западной и восточной окраинах индоевропейского ареала, слово rex принадлежит к очень древней группе религиозно-правовых терминов. Сопоставление лат. rego с гр. oregō (ὀρέγω) «простирать, протягивать» (начальное ὀ- объясняется фонетическими причинами) и изучение исконного значения reg- в латинском языке (например, в выражениях regere fines, e regione, rectus, rex sacrorum) заставляют думать, что rex — скорее жрец, чем царь в современном понимании, т. е. лицо, обладающее властью очертить расположение будущего города или определить черты правопорядка» (с. 249).

Многие слова, относящиеся к основному фонду латинского языка, не имеют соответствий в других индоевропейских языках. Иногда, конечно, слово может сохраниться только в одной ветви индоевропейской семьи, но чаще есть и дополнительные основания (например,

связанные со структурой корня) считать такие изолированные слова индоевропейским наследием (И. М. Тронский. Очерки, с. 114, см. также А. В. Грошева. Латинская лексика в трудах И. М. Тронского. // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященых 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 1998, с. 174 – 179). Это касается таких слов, как focus «очаг», mulier «женщина», cibus «пища», guttur «горло», plēbs «плебс», gracilis «тонкий», piger «медленный», famulus «слуга», pariēs «стена», amussis «плотничья линейка»; слов с дифтонгом au в корне: laus «хвала», fraus «обман», caussa «причина», laurus «лавр»; с начальным о-: orbis «круг», omnis «весь», opīmus «тучный», ōro «говорю», «прошу», opto «желаю», oportet «следует»; с начальным f-: frōns (-ntis) «лоб», frōns (-ndis) «листва», febris «лихорадка», fēlēs «кошка», fenestra «окно»; наименований растений и животных типа papāver «мак», passer «воробей», hirūdo «пиявка», hirundo «ласточка». Слова последней группы могут иметь соответствия в греческом языке, но это не обычные индоевропейские соответствия, что дает основания предполагать в них заимствования из общего ***средиземноморского*** источника, пришедшие и в греческий, и в латинский язык уже после переселения носителей этих языков на историческую территорию.

И археологические данные, и характер культов, сохранившихся на территории Рима, говорят за то, что первое поселение на Палатине (X – IX вв. до н. э.) имело латинское происхождение, а поселения на Эсквилине (IX – VIII вв. до н. э.) и Квиринале (VIII – VII вв. до н. э.) – сабинское. Римские предания тоже подчеркивали ***сабинский элемент*** в становлении своего государства: похищение сабинянок, совместное правление Ромула с сабинским царем Титом Татием, установление основ римской религии Нумой Помпилием, царем тоже сабинского происхождения.

Хотя от сабинского языка не осталось никаких текстов, а только глоссы, эти лексические сабинизмы и являются нашим основным материалом, поскольку в области грамматики влияние сабинского языка еще меньше (сигматическое будущее сакрально-юридических текстов, возможно,

окончание на -im в словах из области земледелия и морского дела). Засвидетельствовано сабинское происхождение таких слов, как curis «копье» – лат. hasta, dīrus «ужасный» – лат. malus, cascus «старинный» – лат. vetus, alpus «белый» – лат. albus, catus «звонкий», «ловкий», «остроумный» – лат. acūtus, fasēna «песок» – лат. harēna, terenus – лат. mollis «мягкий», имена собственные Nerio, Tarpeius.

Выделяют также слова, фонетический облик которых может быть объяснен на основе исторической фонетики оскской группы или засвидетельствованными собственно сабинскими фонетическими особенностями: f в срединной позиции (scrōfa «свинья», īnferus «нижний», ānfrāctus «излом», forfex «ножницы, клещи», в дублетах sībilāre «шипеть» – sīfilāre, būbalus «буйвол» – būfalus); лабиализация лабиовелярных (q^u > p): lupus «волк» (ср. греч. λύκος), popīna – coquīna «кухня», (g^u > b): bos «бык», (ср. др.инд. gauḥ); начальное f на месте латинского h < *gh (harēna «песок» – fasēna, haedus «козлик» – fedus, hordeum «ячмень» – fordeum; fel «желчь», flōrus «цветущий»); отсутствие ротацизма и некоторые другие. Специально диалектными элементами в латинском языке занимался А. Эрну (A. Ernout. Les éléments dialectaux du vocabulaire latin. Paris, 1909), который обнаружил свыше 250 слов, не вполне согласующихся с законами фонетики латинского языка. Он пришел к выводу, что диалектизмы принадлежат, как правило, к сельской лексике (названия растений, животных и их масти, работников при них, орудий, строений, почвы и др.), а также к словам культового и юридического характера, что вполне естественно, если учитывать значение сабинского элемента в культовой области латинской культуры.

Известна также роль культуры ***этрусков*** в Риме царского периода, а также и позднее, в IV в. до н. э., что не могло не отразиться и в языке. Прежде всего это антропонимы (см.: W. Schulze. Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen, 1904). Сама трехчастная структура римского имени (praenōmen, nōmen, cognōmen) близка к этрусской и распространилась в период этрусского политического и культурного влияния. Большая часть римских родовых имен (nōmen) имеет этрусские параллели: Atilius, Caelius, Larcius, Persius, Popilius,

Titinius, Velius, Vibius, Perperna, Sisenna. Латинские личные имена (praenōmen) Aulus, Marcus имеют соответствия в этрусских Aule, Marce. Есть общие наименования божеств: лат. Minerva, Silvanus и этр. Menerva, Selvans. Многие наименования божеств (и этрусские, и латинские) восходят к греческим.

Глоссы, представляющие собой этрусские слова с латинским или греческим переводом, мы находим или в сочинениях античных писателей, или в глоссариях (всего около 60 глосс): у Варрона (Dē linguā latinā), Веррия Флакка (Dē verbōrum sīgnificātū, дошедшем в сокращенной передаче Феста и Павла Диакона), у Исидора Севильского (Etymologicum) и в «Лексиконе» Гесихия. Упоминаются этрусские слова у Ливия, Страбона, Плутарха, Диона Кассия, Макробия, Сервия, Иоанна Лидийца.

По свидетельству Варрона, слова balteus «перевязь, сбруя», sūbulo «игрок на флейте» – этрусского происхождения; по сообщениям других авторов, этрускизмами являются также histrio «актер», mantissa «доход», favīsae «подземное хранилище», lanista «содержатель школы гладиаторов» и др. Этрусские заимствования представлены в основном в следующих областях: административной и культовой лексики, ремесла, торговли, театральных представлений и гладиаторских игр.

Предположительно, к этрусским заимствованиям относятся такие важные для латинского языка слова, как urbs (слово, применявшееся к городам, основанным по этрусскому ритуалу) и populus, напоминающее этрусское имя Pupli (лат. Pūblius). Этрускизмами считают слова persōna «маска» и ряд слов на -o: lēno «сводник», caupo «трактирщик», fullo «сукновал», āleo «азартный игрок», balatro «шут», latro «разбойник», tīro «новобранец», на -eus, -ea: clupeus «круглый щит из бронзы», malleus «молоток», pilleus «войлочная шапка», pluteus «осадный щит», ālea «игральная кость», galea «шлем», на -ra: littera «буква», saburra «песчаный балласт», acerra «кадильница, ларчик для благовоний».

Этрусскими элементами в латинском языке занимался А. Эрну (A. Ernout. Les éléments étrusques du vocabulaire latin. / «Bulletin de la Societé linguistique», XXX, 1930, p. 82 sqq.).

Особое внимание он уделял при их определении конечным элементам: -na, -rna, -mna, -sa, -nt, -nd, -o, -it. Возможно, что в некоторых случаях мы имеем дело с образованиями по аналогии, то есть с латинскими словами, использующими этрусские конечные элементы, а иногда даже с реликтовыми остатками доиндоевропейского субстрата в Италии, общего и для этрусского, и для италийских языков.

Сравнительно немногочисленны в древнейшую эпоху заимствования из галльского языка, относящиеся к области материальной культуры (gladius «меч», carrus «повозка»).

Основным же источником обогащения латинской лексики в течение ряда веков был язык ***греческий***. Первые культурные и языковые контакты с греками у римлян проходили, по-видимому, еще до начала II тысячелетия до н. э., в доиталийский период (как показывает итальянский лингвист Перуцци, см.: Т. А. Карасева. Древнейшие греко-италийские языковые контакты // Вопросы филологии и истории языка. Душанбе, 1984). Впоследствии они осуществлялись через этрусское посредничество. Некоторые слова попали в Рим в очень древней форме. Наименование «ахейцев» (с сохранением дигаммы — ʼΑχαιϝοί), засвидетельствованное у греков только кипрским диалектом, отразилось в латинском Achīvi, а название оливы (ἐλαίϝα) – в латинском olīva. В обоих случаях имело место развитие дифтонга ai > ei > ī, а во втором слове еще и веляризация гласного перед твердым l.

С IV в. до н. э. важен контакт с греками Южной Италии, а с III в. до н. э. уже с самой Грецией, когда началось более глубокое влияние греческой культуры на Рим и проникновение в латинский язык научной и философской лексики. В ранний же период заимствования проходят в области обозначений пищи, одежды, украшений, жилища, орудий, ремесел, торговли, транспорта, морского дела, а также в сфере мифологии. Греческие слова проникают в Рим устным путем и преимущественно из дорийских диалектов южноиталийских колоний. Они полностью ассимилируются, приобретая фонетико-морфологические черты латинского слова, и не воспринимаются как чужеродные элементы. Так, латинское слово māchina соотносится с дорийским μαχανά,

а не ионийским μηχανή, в отличие от позднейшего mēchanicus; название яблока mālum восходит к дорийскому μᾶλον, а не к ионийскому μῆλον. Позднее, с III в. до н. э., заимствования будут происходить в сфере духовной культуры, по преимуществу из ионийско-аттического диалекта и с сохранением греческого фонетического и даже морфологического колорита.

Итак, ранние греческие заимствования. В области морского дела, в которой греки были учителями римлян, это – названия моряков: nauta «матрос», prōrēta «вахтенный», «помощник рулевого», pīrāta «морской разбойник», обозначения видов судов (cumba или cymba «челнок», «лодка», lembus «легкое остроконечное быстроходное многовесельное судно», phasēlus «легкое быстроходное судно», scapha «челнок»), частей корабля (artemō «брамсель», carbasus «парус», prōra «передняя часть, нос корабля», remulcum «буксирный канат»), действий (gubernāre «управлять кораблем», campsāre «огибать на корабле»), названия самого моря (pontus, pelagus, Oceanus), ветров (Eurus, Notus, Boreās), утесов и скал (scopulus, petra), особенностей береговой линии (antrum «пещера, грот», isthmus «перешеек», spēlunca «грот»).

В области торговли: названия монет (talentum «талант», mina «мина», dracuma «драхма», obolus «обол»), иноземных товаров (olīva «олива», tūs «благовонная смола», «фимиам», purpura «пурпур», murra «мирра»). Распутный образ жизни суровые римляне отражали глаголом pergraecārī «вести себя по-гречески», заимствовали у греков лексику пиров (symposium «симпосий», cyathus «киаф»), театра и музыки (theātrum, scaena, chorus, mīmus), бань (balinea) и пр. Как уже упоминалось, некоторые греческие слова приходили в латинский язык через этрусское посредство. Такие известные нам черты этрусской фонетики, как неразличение o и u, долгих и кратких, наличие аспират и постановка ударения на первом слоге, позволяет видеть этрусское посредничество на пути греческого слова ἄγκῡρα к латинскому anc(h)ora. Через этрусков в Рим пришли некоторые имена греческой мифологии: Pollūx, Hercle.

Таким образом, греческие заимствования раннего периода относятся прежде всего к деловой сфере и к сфере отдыха и развлечений.

2. Наследие дописьменного периода в долитературной латыни (словообразование). В латинском языке индоевропейская система словообразования претерпела серьезные изменения: утратило значение чередование гласных, игравшее большую роль в общеиндоевропейском языке не только в корне, но и в суффиксах; появились новые словообразовательные модели. Латинский язык мало использовал ***словосложение***, широко распространенное в других индоевропейских языках, например, в греческом, древнеиндийском, славянских, балтийских. Тем не менее уже в ранних текстах, как «Заклинание против Плотия», сохранивших древние магические формулы, представлены и сложные слова.

Основным средством словообразования была суффиксация в системе имени и префиксация в системе глагола. ***Префиксы*** появились на базе наречий, которые тесно примкнули к глаголу. В гимне салиев префикс еще свободно может отделяться: sub vōs placo = supplico vōs. Это явление античные грамматики называли тмесисом (tmēsis – «разрез»).

Латинский язык имел довольно много ***суффиксов*** для выражения отвлеченных имен (-tās, -tūdo, -itia), однако в ранний период в отглагольных образованиях функции суффиксов нечеткие, так как совмещают активное (действие) и пассивное (результат действия) значения(-tio, -tūs, -ūra). Получивший позднее большое распространение суффикс отглагольных имен -tio в раннюю эпоху употреблялся сравнительно редко. В это время распространена ***субстантивация*** среднего рода прилагательных (honestum «честность», aequum «равнина»), а также соединение прилагательных и существительного широкого значения типа rēs (rēs familiāris, rēs dīvīnae, rēs secundae, rēs adversae).

Широко были распространены уменьшительные суффиксы с дополнительными характеристиками (ласкательность, сожаление, ирония и т. д.): frāterculus «братик», mātercula «матушка», sorōrcula «сестричка», uxorcula «женуш-

ка», homunculus «человечишко», corculum «сердечко». В сельской лексике эти суффиксы лишены экспрессивной окраски: asellus «осленок», canīcula «собачка», mūsculus «мышка», porculus «поросенок», gladiolus «шпажник», «гладиолус», radiolus «лучик» (разновидность маслины), flōsculus «цветок», pediculus «стебелек», «черенок» и т. д. Значение уменьшительности могло в результате частого употребления стираться и в обычной речи, как это произошло со словом puella, уменьшительным образованием от древнего puera «девушка» (ср. параллельное puer «мальчик»), которое вышло из употребления уже в архаическую эпоху. Уменьшительные суффиксы весьма часто используются и в системе прилагательных: breviculus «коротенький», commodulus «удобненький», dulciculus «сладенький» (засвидетельствованы у Плавта).

Некоторые суффиксы свидетельствуют о заимствовании данной лексики: этрускизмы с суффиксами -na, -ēna, -īna, -enna, -inna, -ēnus (dossēnus «горбун», catēna «цепь», culīna «кухня», harēna «песок»), по-видимому, и -erna, -mno, -mna (taberna «таверна», antemna «рея», autumnus «осень», columna «колонна», Camēnae «Камены»), обозначения групп растений с собирательными суффиксами неясного происхождения -tum, -ctum, -ētum (arbustum «роща», frutectum «кустарник», vīnētum «виноградник», dūmētum «терновник», olīvētum «масличная роща») и другие.

Контрольные вопросы

1. Лексику какого происхождения унаследовал латинский язык в долитературный период?

2. Какие способы словообразования можно отметить в ранний период развития латинского языка?

Практические задания

Прочитайте и проанализируйте текст «Заклинания против Плотия» (ХРЛ, с. 18 – 19), датируемый I в., но сохраняющий древнейшие магические формулы. Подберите в этом тексте примеры слов индоевропейского происхож-

дения. Подумайте, есть ли в нем заимствованные слова. Найдите в тексте сложные слова, префиксальные и суффиксальные формы. Обратите внимание на ритмическую организацию текста.

Литература

1. Т. А. Карасева. Учебное пособие по истории латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VI – I вв. до н. э. М., 1994, с. 141 – 149.

2. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 18 – 19, 268 – 269.

3. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 113 – 140.

ЛЕКЦИЯ 11

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (ФОНЕТИКА).

В истории литературного латинского языка архаический период (III в. до н. э. – II в. до н. э.) занимает особое место, ибо именно к этому времени произошли основные изменения и именно в это время многие процессы закреплялись окончательно. В период после появления первых памятников латинской письменности до начала собственно римской литературы радикально изменилась **фонетическая система.** Результат этого изменения стал достоянием всей истории языка, так как, раз закрепившись, эта система больше не изменялась.

Среди фонетических изменений первое место занимают процессы в системе латинского **вокализма**, которые связаны с положением слога в слове. В греческом языке изменялась в основном система согласных, а система гласных сохранилась, поскольку не было экспираторного ударения и интенсификации начального слога, а тем самым не было и редукции гласных. В латинском же языке изменения коснулись прежде всего системы вокализма, а согласные сохранились лучше (например, индоевропейское s, лабиализованные заднеязычные). Поэтому рассматриваемые ниже процессы будут касаться в основном гласных. Выделяются следующие основные фонетические процессы:

1. качественные изменения гласных в серединных и конечных слогах;
2. синкопа в серединных и конечных слогах, анаптикса;
3. количественные изменения гласных;
4. ротацизм.

Среди перечисленных процессов особо надо сказать о синкопе. Все прочие явления больше не повторялись в истории латинского языка и были специфически латинскими. Синкопа же проявлялась на всем протяжении истории латинского языка, будучи общеиталийским процессом, даже более интенсивным в оскском и умбрском

языках, чем в латинском. Кроме того, синкопа не укладывается полностью в фонетические закономерности латинского языка и проявляется здесь спорадически.

Этим фонетическим процессам будут посвящены две лекции, причем в данной лекции рассматриваются первые два, а последующие два будут обсуждаться в лекции 12.

1. **Качественные изменения гласных и дифтонгов в срединных и конечных слогах.** Качественные изменения коснулись только кратких гласных и не затронули долгих. Причем качественные изменения проходили как в обычных кратких гласных, так и в тех, которые входили в состав дифтонгов. Движение шло к гласным наибольшей узости. В латинском фонологическом треугольнике

a
e   o
i   u

развитие гласных в срединных и конечных слогах шло по линии движения к i или u, которые сами не изменялись. Причина такого явления заключается в особой интенсивности начального слога, которая и обусловила редукцию.

Редукция – это «изменение артикуляционных и акустических характеристик звука, вызванное сокращением его длительности или ослаблением напряженности» (ЛЭС). В латинском языке редукция как движение от гласного меньшей узости к гласному большей узости зависела от позиции гласного в слоге и от характера соседних фонем. Поэтому a, o, e могли измениться или в i, или в u, в зависимости от комбинаторных положений. Движение могло остановиться и в средней ступени на o или e. В конечном открытом слоге происходит, напротив, расширение звука: mare < mari. По результатам экспериментальных исследований в области фонетики академика Щербы, в конце слова -i требует больше времени для произнесения, чем -e. Таким образом, здесь происходит то же самое сокращение длительности гласного звука.

В архаическую эпоху ***в открытых срединных слогах*** перед согласными d, t, n, g, c, q и палатальным l всякий краткий гласный редуцируется в ĭ, перед велярным l и u неслоговым – в ŭ. Палатализация – это подъем средней части спинки языка к

твердому небу (palatum — «небо»). Веляризация — это дополнительная артикуляция, в результате которой задняя часть спинки языка сближается с мягким небом (vēlum – «завеса»). Перед губными b, p, f бывают колебания, перед r и гласным, после i и e сужение останавливается на средней ступени (e, o).

Итак, примеры редукции кратких гласных перед d, t, n, g, c, q и палатальным l. Редукция краткого a: cado – occido, ago – redigo, *uta (ср. ali-uta «иначе») – utique, facio – dēficio, cano – cecinī, satus – īnsitus, salio – dēsilio, ita – itidem. Аналогично протекает процесс и в заимствованиях: дор. μαχανά > māchina, греч. Μασσαλία > Massilia. При переходе к краткому i a краткое проходит среднюю ступень e краткое, исконное e краткое тоже изменяется в i краткое: flūmen – flūminis, mīles — mīlitis, teneo — contineo, Σικελία > Sicilia. Краткое o суживается в i, например, в таких словах, как indigena «туземец» < endogena, Calidōrus < Καλόδωρος, Dēmipho < Δημοφῶν. В глаголах же, как правило, происходит рекомпозиция, то есть восстановление вокализма простого глагола в сложном: voco — revoco, moneo — admoneo (ср. случаи с кратким a или e в аналогичных глагольных парах: maneo — remaneo, peto — repeto) и др.

Перед велярным l и неслоговым u a краткое перешло в u краткое (σκυτάλη – scutula «валик», κραιπάλη – crāpula «опьянение», pavio «утаптывать» – dēpuvio «поколотить», lavo «мыть» – ablu(v)o «смывать»); e краткое перешло в u краткое (Σικελός – Siculus, pello – pepūli < *pepelai с велярным l); o краткое перешло в u краткое (adolēscēns > adulēscēns, dē novō > dēnū(v)o «снова», ἐπιστολή > epistula).

Перед губными бывают колебания: a > i (capio – dēcipio) и a > u (capio – occupo), даже в вариантах одного слова (maximus – maxumus, mancipis – mancupis, род. пад. ед. ч. от manceps «скупщик»). Средняя ступень этого движения (o краткое) засвидетельствована, например, в архаической форме Hecoba > Hecuba (из Ἑκάβη).

В позиции перед r a перешло в e (dare – condere, pario – peperī, καμάρα – camera), а e краткое осталось без изменения (fero – refero, tero – contero).

В положении перед гласными, а также после i и e гласные выступают в средней ступени: o краткое перед велярным l

(fīliolus), в остальных случаях е краткое: aureus, habeo, hiemis, fīliola.

В закрытых серединных слогах е краткое не меняется, но а краткое переходит в е краткое, а о краткое в u краткое: castus – incestus, barba – imberbis, annus – biennium, τάλαντον – talentum.

Если краткий а входит в состав ***дифтонга*** ai (впоследствии ae) или au, то происходит то же сужение в направлении второго элемента дифтонга с последующей монофтонгизацией: ai > ei > ī (*caido > caedo «резать», но *concaido > *conceido > concīdo «разрубить», ἐλαίϝα > *elaiva > *olaiva >*oleiva > olīva (el > ol); au > eu > ou > ū (causa – accūso < *accouso < *acceuso < * adcauso, claudo – *inclaudo > *incloudo > inclūdo), o > u (endostruos > industrius «деятельный»).

Если в сложных словах не наблюдается указанных переходов, то это бывает результатом рекомпозиции или того, что слово образовалось после окончания действия процесса редукции: dare – reddere, но circumdare; habeo – prohibeo, но posthabeo, facio – cōnficio, но satisfacio.

В закрытых конечных слогах редукция идет теми же путями, что и в закрытых серединных слогах: a > e (*arti-fac-s > artifex, *rēm-ag-s > rēmex «гребец»), o > u (fīlios > fīlius, cōnsentiont > cōnsentiunt), e > i перед s, t (Cereres > Cereris, fēced > fēcit), в прочих положениях оставаясь неизменным (passer, nōmen, decem).

В исходе слова наблюдается обратное явление: сохраняются a, e (opera, ita, age, anime), a i > e (*anti > ante, *mari > mare). Кратких о или u в конце латинского слова не бывает, а если и были, то перешли в -e. В наречиях типа cito, modo конечное краткое о возникло из долгого в силу ямбического сокращения (см. материал следующей лекции). Дифтонги с первым кратким элементом в конечном слоге монофтонгизировались: ei > ī, oi > ei > ẹ̄ >ī, ai > ei > ī. Конечное -ae восходит к ai, образовавшемуся из āi или āī уже после завершения рассмотренных здесь процессов.

В результате указанных изменений в серединных и конечных слогах их строение стало гораздо более ограниченным по сравнению с начальным слогом, так что по звуковому облику слога можно установить, какое место он занимает в

слове. А именно, в начальном слоге возможны все комбинации. В серединном открытом слоге возможны, как правило, только краткие о, u, i, невозможны краткие а и е (кроме появившихся в результате рекомпозиции). В конечном слоге возможны краткие а и е, а невозможны краткие i, u, о.

Процесс редукции протекал в IV – III вв. до н. э., прекратился на рубеже III – II вв. до н. э. и более не возобновлялся.

2. **Синкопа.** Синкопа – это полное исчезновение краткого гласного в непервых слогах. Синкопа спорадически встречается на протяжении всей истории латинского языка и принадлежит не только архаическому периоду. Систематизировать это явление трудно.

Одна из причин синкопы в языках, для которых просодически важно различение долгих и кратких слогов, – это стремление к устранению большого скопления кратких гласных. Греческий язык в таком случае прибегает к удлинению (σοφός – σοφώτερος), а латинский – к выталкиванию: officīna «мастерская» < *opificīna. В том же ряду находятся случаи с образованием форм перфекта: repello – reppulī (< *repepulī, ср. pello – pepulī), refero – rettulī (< *retetulī), или форма настоящего времени audeo < *avideo (ср. avidus).

В серединном слоге синкопа происходит после l, r, m, n, если им предшествует долгий слог: pergo < *perrego, ср. perf. perrexī, surgo < *surrego, ср. perf. surrexī, prīnceps < *prīmocaps, ūndecim < *oinodecem, ārdeo < *ārideo (но āridus). Есть дублеты: calidus – caldus, positus – postus, balineum – balneum. Щерба считает это результатом реализации различных речевых стилей.

В конечном слоге синкопа (точнее **апокопа**) происходит еще менее регулярно. Часто отпадает конечное е в предлогах, союзах, частицах (atque — ac, neque — nec, deinde — deind — dein), иногда и i (et < *eti, ср. ἔτι – при сохранении ante, prope, sine); в глагольных формах (legont < *legonti; dīc, dūc, fac, inger, em «на!» из eme «возьми»); в именных формах (animal < *animāli, но mare < *mari, breve < *brevi, очевидно, в зависимости от количества слогов при начальном ударении).

В конечном закрытом слоге синкопа может проявляться после плавного: ācer < *ācris (*ācris > *ācrs > *ācrr > *ācr̥ > ācer) при сохранении формы женского рода ācris; нерегулярно образование и именительного падежа ед. ч. имен с основой на i: mēns < *mentis (ср. vestis, vestis), urbs < *urbis (ср. orbis, orbis). При -r-, восходящем к -s- в положении между гласными, синкопы не бывает (umerus < *omesos). Следовательно, синкопа древнее ротацизма (который, как увидим ниже, завершился к началу IV в. до н. э.).

Принято говорить, что в латинском языке есть явление синкопы, но нет законов синкопы. Это явление характерно для оскско-умбрской группы языков, где краткие o, e, i всегда синкопируются перед конечным s. Известно, что синкопа была и в этрусском языке. Такое языковое окружение оказало влияние и на фонетическую систему латинского языка, особенно в сельских говорах, что проявлялось прежде всего в т. н. «неполном стиле речи».

Хронологический ориентир находим и в надписях, ср. надпись на Форуме (около 500 г. до н. э.), в которой еще представлена форма sacros (класс. sacer). Следовательно, тогда синкопы еще не было. Начало процесса относят обычно к периоду между V и IV вв. до н. э.

Противоположно синкопе явление **анаптиксы** (от греч. ἀναπτύσσω «развертывать»), а именно, развитие краткого гласного внутри группы согласных, состоящих из смычного и сонанта. Анаптикса характерна и для оскского языка, в латыни же представлена прежде всего в заимствованиях при наличии непривычных сочетаний согласных.

Появляющийся гласный приобретает тот же тембр, который обычен в открытых серединных слогах перед соответствующим сонантом: i перед палатальным l и n, u перед велярным l и m, e перед r: dracuma < δράχμα, tecina < τέχνα, Aesculāpius < Αἰσκλάπιος, Herculēs < Ἡρακλῆς, через посредничество этрусского hercle, mina < μνᾶ (в начальном положении в латинском языке группы mn не бывает).

В исконно латинских словах анаптикса встречается только в группе «смычный + l», а именно, в суффиксах -blo- (<*-dhlo-), -clo- (*-tlo-), соответственно -bli-, -cli-: stabulum,

pōculum, amābilis, facilis. В суффиксе -clo- обычны дублеты: piāculum – piāclum «искупление», perīculum – perīclum. Иногда трудно установить, что было причиной дублета, синкопа или анаптикса (populus – poplus).

Контрольные вопросы

1. Приведите примеры качественных изменений кратких гласных и дифтонгов в открытых и закрытых срединных и конечных слогах.

2. В чем особенности латинской синкопы (апокопы)? Приведите примеры синкопы и анаптиксы.

Практическое задание

(см. задание к лекции 12)

Литература

1. Т. А. Карасева. Историческая фонетика латинского языка. М., 1987.

2. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 81 – 94.

3. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 154 – 174.

ЛЕКЦИЯ 12

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.
(ФОНЕТИКА. ПРОДОЛЖЕНИЕ).
ПЕРВЫЕ ПОЭТЫ (ЛИВИЙ АНДРОНИК)

В данной лекции продолжается рассмотрение вопросов, связанных с развитием фонетической системы латинского языка архаического периода. Практические задания по теме этой и последующих лекций касаются наследия первых латинских поэтов, о которых также будет сказано вкратце. Перечислим основные вопросы лекции.

1. Количественные изменения гласных.
2. Ротацизм.
3. Первые поэты (Ливий Андроник).

1. Количественные изменения гласных. С давних пор в латинском языке, как и в греческом, действовал закон, по которому долгий гласный сокращается перед группой «сонант + согласный»: amant, amantem, amandus (но amāre, amātis), ventus < и.-е. *u̯ēntos, ср. лит. vė́jas «ветер». В этом законе, называемом законом Остгофа, прослеживается тенденция к сокращению слогов со слишком длительной второй морой (ср. сокращение долгих дифтонгов во всех положениях, кроме конечного).

Во время появления первых литературных памятников уже действовал закон сокращения гласного перед гласным (vōcālis ante vōcālem brevis est). Однако поначалу его действию могли мешать переходные звуки (неслоговые i̯ и u̯). Так, в архаической латыни возможны долготы типа fūīt, fidēī, что в классический период воспринимается как архаизм, за исключением окончания родительного падежа ед. ч. местоимений и местоименных прилагательных на -īus (< *-īi̯os): istīus, illīus, unīus.

Для латинского языка, в первую очередь для поэзии, было характерно еще одно явление, называемое законом *«ямбического сокращения»* (brevis breviāns), которое заключается в воздействии предшествующего краткого на последующий долгий. Таким образом, сочетание слогов

«краткий» + «долгий» в ямбической последовательности переходит в стихе в два кратких (пиррихий). Это явление не обязательно и, хотя встречается часто (особенно в комедиях Плавта и Теренция, в гекзаметрах — у Энния), сохраняет факультативный характер. Обычно оно происходит в конечных слогах слов ямбической формы типа amās > amas, tacē > tace, manūs > manus.

Классическая поэзия ямбического сокращения не знает (за редкими исключениями у Катулла и Лукреция), однако в языке классического периода закрепились некоторые двусложные слова с сокращением конечного слога: bene, male, ego, mihi, nisi. В основе ямбического сокращения лежали, очевидно, особенности беглой речи, характерные для диалогических метров, в первую очередь особенности произношения двусложных слов ямбической формы. Тенденция, проявившаяся в ямбическом сокращении, представляет собой начало постепенного стирания различий между долготой и краткостью, которое впоследствии изменит фонетическую систему латинского языка.

2. Ротацизм. В системе консонантизма самое значительное явление в этот период – это изменение -s- > -r- в интервокальном положении. Ротацизм не чисто латинское явление, он характерен и для умбрского языка, в котором распространился и на конечное -s. В оскском языке ротацизм не представлен.

Для перехода s в r необходима промежуточная ступень – озвончение s: s > z > r. Как известно, диктатор 340 г. до н. э. из рода Папизиев стал называть себя, по свидетельству Цицерона (Epist., IX, 21, 2), Lūcius Papīrius Crassus. Поскольку, как правило, письменность отстает от произношения (тем более латинское канцелярское письмо, которое имело тенденцию к архаизации), надо думать, что действие закона ротацизма завершилось к началу IV в. до н. э. Пренестинская фибула (VI в. до н. э.) этого процесса не отражает.

При переходе s > z > r предшествующий согласному краткий i переходил в краткий e: Falizii > Falerii, cinizes > cineris. Ротацизму не подвергалось двойное s: caussa, cassus, которое впоследствии упростилось, но, в связи с окончанием

действия закона ротацизма, уже не озвончалось. В префиксальных образованиях конечное -s префикса подвергается ротацизму (dirimo «разъединять» < *dis-emo, diribeo «раздавать» < *dis-habeo). Начальное -s корня в результате рекомпозиции (dēsuper, positus, praesēns, dēsilio, nisi), было глухим и уже не подвергалось озвончению. Во всех прочих случаях сохранение интервокального -s- указывает на заимствование (pausa, philosophia, rosa, asinus, bāsium, casa) или позднее происхождение слова (Cisalpīnus).

Ослабление -s-, которое в интервокальном положении привело к ротацизму, наблюдается в этот период и в других позициях: ассимиляция с предшествующим плавным (velle < *velsi, ferre < *fersi), выпадение перед следующим звонким с компенсаторным удлинением предшествующего краткого (īdem < *isdem, ōmen < *osmen, dīvido < *disvido).

Есть отдельные данные об упрощении некоторых групп согласных в этот период: iūmenta < *iouxmenta (ср. надпись на Форуме), locus < *stlocus, longus < *dlongus (ср. длинный). Под влиянием тенденции к ослаблению конечных слогов происходило ослабление конечных согласных, прежде всего конечного -m, иногда и -s, отчасти -d, -t. Такое отпадение было характерно для диалектной латыни (параллельно с умбрским и в противовес оскскому), но проникало и в Рим.

Указанные фонетические процессы не могли не оказать влияния на морфологическую систему латинского языка, о чем мы будем говорить в следующий раз.

3. Первые поэты. Римская художественная литература началась в середине III в. до н. э. с перевода «Одиссеи» Гомера греком-вольноотпущенником ***Ливием Андроником*** (умер около 204 г.). Ливий Андроник был учителем, а поскольку у греков первым школьным текстом был Гомер, то пленный грек создает соответствующий латинский текст. В связи с расширением торговли и ремесел, для римлян, по-видимому, личность Одиссея, его странствия в западном Средиземноморье, его любовь к родине и семейным устоям представляли больший интерес, чем события «Илиады». Это и могло обусловить выбор для перевода на латинский язык именно «Одиссеи», которая и стала первой школьной книгой

и первым памятником римской художественной литературы, как и вообще первым художественным переводом в европейской литературе.

От этого перевода до нас дошли только фрагменты (около 40 строк, процитированных более поздними авторами). Выполнен он не гомеровским гекзаметром, а присущим италийским песням сатурновым стихом (versus Sāturnius), что имело следствием сжатость и большую динамичность ритмической структуры текста. Этот размер называется сатурновым по имени бога Сатурна, мифического покровителя древней Италии. В нем два полустишия с резкой цезурой. В первом полустишии обычно три слова (последнее трехсложное). В каждом из полустиший по 3–4 выделенных ударением слога. Например, первая строка поэмы:

Virum mihi, Camēna, | īnsece versūtum...

или о судьбе греков после взятия Трои:

Partim errant, nequinont | Graeciam redīre.

Варианты сатурнова стиха очень разнообразны. От приведенной схемы бывает много отклонений, которые почти невозможно систематизировать.

Вносил переводчик и другие изменения: сокращение и упрощение подлинника, пересказы, пояснения, изменение образов, переделывал имена греческих богов на римский лад. Для него, как и для последующих римских переводчиков, главным было не точное следование иноязычному памятнику, а приспособление его к особенностям культуры Рима и собственного литературного языка.

Ливий Андроник обрабатывал и переводил также греческие трагедии и комедии, которые ставили во время праздников. Так, в 240 г. до н. э. на «римских играх» в честь окончания первой Пунической войны постановка драмы греческого образца на латинском языке была поручена Ливию Андронику. Его трагедии имели, как правило, мифологические сюжеты, прежде всего из троянского цикла, в комедиях сохранялись бытовые греческие сюжеты по образцу «средней» и «новой» аттической комедии и персонажи, одетые в греческие костюмы (т. н. «комедия плаща» – cōmoedia palliāta, поскольку pallium – греческий плащ, в

отличие от cōmoedia togāta с римскими персонажами, одетыми в тогу). Таким образом, Ливий Андроник положил начало всем основным жанрам ранней римской литературы.

Контрольные вопросы

1. Приведите примеры количественного изменения гласных.
2. Расскажите о явлении ротацизма.

Практическое задание

Во фрагментах перевода Ливием Андроником «Одиссеи» Гомера, помещенных в ХРЛ, найдите примеры редуцированных и нередуцированных кратких гласных в серединных и конечных слогах. Используя Справочник, найдите также пример делабиализации заднеязычного и другие архаические черты текста. Обратите внимание на принципы «вольного перевода»: сокращение и упрощение оригинала, передачу имен греческих богов именами римских богов, изменение размера.

Литература

1. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 26 – 29, 270 – 272.
2. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 94 – 99, 104 – 105.
3. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 174 – 179.

ЛЕКЦИЯ 13

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ)

Особенности морфологической системы латинского языка архаического периода, как уже указывалось, во многом являются следствием кардинального изменения в этот период его фонетической системы. Мы уже обсуждали вопрос об особой интенсивности начального слога, которая обусловила редукцию гласных в начальных слогах, говорили о количественных и качественных изменениях гласных и дифтонгов в серединных и конечных слогах, о явлении синкопы, законе ротацизма. Надо отметить, что активизировались и собственно морфологические процессы, взаимовлияние отдельных подсистем по аналогии. Прежде всего это касается формирования падежных окончаний.

В системе именного склонения после того, как было утрачено сложное индоевропейское чередование и перемещение подвижного индоевропейского тона, основным показателем падежей стали окончания. Однако и в этой области картина не является прозрачной, ибо характер окончаний затемнен различными фонетическими изменениями: редукцией, сокращением количества гласного, отпадением согласных. Кроме того, конечный гласный основы сливается с гласным окончания, что делает невозможным в историческое время отделение основы от окончания. В архаический период можно наблюдать отдельные промежуточные этапы этого развития.

Латинский язык унаследовал от индоевропейского два основных типа склонения: 1) основы на -a- и на -o/e- (I и II склонения) и 2) основы на согласную, на -i- или на -u- (III и IV склонения). Основы на -ē- (V склонение) имеют смешанную флексию, элементы которой заимствованы у первых двух типов.

Индоевропейские основы на *a ***в именительном падеже единственного числа*** имели нулевое окончание. Латинский язык отличается от прочих италийских, как и от языков

других ветвей, тем, что имеет в конце основы а краткое: terra, ср. греч. χώρᾱ. В греческом языке ᾰ присутствует в типе на -ia (ср. лат. sapientia) – δόξα < *δόκτια, а в латинском языке а краткое распространилось на все склонение. Возможно, это произошло под влиянием звательного падежа, где а было кратким по природе. Возможно, что на этот процесс повлияло и сокращение конечного гласного в абсолютном исходе слова. Во всяком случае в латинском I склонении краткое а стало единственным.

Остальные типы склонения в этом падеже имели сигматическое окончание для мужского и женского рода (dominus < *dominos, в результате редукции, rēx < *rēg-s, puppi-s, frūctu-s, diē-s), за исключением основ на -l, -r, -n третьего склонения. В среднем же роде именительный падеж равен винительному, т. е. основы на -o/e- имеют окончание -m, прочие основы — нулевое окончание (caput, nōmen, mare, cornū).

В родительном падеже единственного числа индоевропейское окончание *-os/-es/-s (ср. греч. χώρας) в основах на -a проявляется в отдельных формах у поэтов III – II вв. до н. э. (Энний, Невий, Ливий Андроник) в качестве черты эпического стиля: -ās < *-ā(e)s (ср. Latonas у Ливия Андроника). В классическую эпоху продолжала существовать как архаизм юридического стиля только форма familias в словосочетаниях pater (māter) familias, fīlius familias и др.

Но те же поэты (Энний, Невий) в драмах используют новообразование на -āī, которое возникло по аналогии со вторым склонением и претерпело следующие изменения: -āī > -ai > -ae (ср. у Энния – Mēdēai, Peliae). Во втором склонении, как уже упоминалось, присутствует -ī, общее с кельтскими (галльским, древнеирландским), мессапским и венетским языками, которое не происходит из дифтонга ei или oi и присоединяется к усеченной основе (dominī).

Индоевропейское окончание родительного падежа основ на *-o/e- (ср. греч. гом. πολέμοιο, фалис. Evotenosio), восходящее к местоименному окончанию *-osio, было засвидетельствовано в латинской надписи из Сатрика, открытой в 1978 г. (см., например: Т. А. Карасева. Принципы реконструкции и толкования древнейших латинских надписей. // Классические языки и индоевро-

пейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященных 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 1998, с. 200 — 212). Разные точки зрения по поводу этого окончания представлены, в частности, в статьях: Ю. В. Откупщиков. Латинская флексия -osio в G. S. e/o-основ // Язык и стиль памятников античной литературы. Л., 1987; Т. А. Карасева. Две флексии родительного падежа -e/-o основ в италийских языках. // Вопросы филологии. N 1. 1999, с. 46 – 48.

В третьем склонении римским говором было усвоено окончание -es, которое впоследствии перешло в литературный язык и в результате редукции перешло в -is (rēgis). В некоторых других диалектах (например, в пренестинском говоре) закрепилось окончание -os > -us. В четвертом склонении в родительном падеже окончание *-s присоединялось к полной ступени основы *ou-s, что сохранялось и в архаической латыни: sēnatous > sēnatūs. В пятом склонении этот падеж имеет значительные колебания: засвидетельствовано не менее шести вариантов: -ēs, -ēī, -eī, -ei, -ē, -ī. Самое архаичное из них окончание -ēs, которое может восходить к и.-е. *-s (ср. diēs у Энния). Конечное -i пришло в пятое склонение из второго склонения через первое, которое было тесно связано с пятым.

Индоевропейское окончание ***дательного падежа единственного числа*** *-ei/-i в латыни реализовалось следующим образом: в основах на -а-, -o/e- и -ē- прибавлялось *-i к долгой ступени конечной гласной основы (terrā-i, Numasiō-i, diē-i); в остальных основах окончание *ei монофтонгизировалось в -ī через ступень долгого закрытого -ẹ̄ (duc-ī, class-ī, manu-ī). В латинском первом склонении āī > ai > ae, во втором — ōi > ō.

Окончание ***винительного падежа единственного числа*** всех основ латинского склонения восходит к индоевропейскому *-m и имеет предшествующий краткий гласный, поскольку конечный долгий гласный в латинском языке сокращался перед всеми согласными, кроме -s (в согласных основах окончание -em восходит к -m̥ слоговому): terra-m, dominu-m < *domino-m (в результате редукции), duc-em, turri-m, manu-m, die-m.

Отложительный падеж в индоевропейском языке имел специальное окончание *-d только в основах на -o/e-:

*lupō-d (ср. скр. vr̥kād). В латинском языке оно проникло в основы на -a- (terrād), а затем и в другие гласные основы, не имевшие специальной формы отложительного падежа: *classī-d, *manū-d, diē-d. В языке первых римских авторов конечное -d после долгой гласной отпало (ср. у Энния Troiād и Troiā). В основах на согласный в отложительном падеже окончание -e без конечного -d (которое сохранилось бы после краткого гласного): rēg-e. Это окончание, по-видимому, восходит к древнему окончанию *-e инструменталиса.

Во множественном числе латинской системы склонения противопоставлялись основы на -o/e- и на -a-, с одной стороны, и основы на согласный и сонант, с другой. В основах на -ē- множественное число засвидетельствовано только для слов diēs и rēs, которые исконно тоже являются основами на сонант.

Основы на -o/e- и на -a в ***именительном падеже*** имеют конечное i, заимствованное у указательных местоимений через посредство прилагательных. Вначале оно появилось в основах на -o/e- (*domino-i > dominī), затем по аналогии распространилось на основы на -a- (*terra-i > terrae). Прочие основы унаследовали индоевропейское окончание *-es (duces). Впоследствии окончание -es перешло в -ēs по аналогии с гласными основами, как считает большинство специалистов по истории латинского языка (см., например, в указанных пособиях И. М. Тронского и А. Эрну). По мнению Ю. В. Откупщикова, изменение -es > -ēs «произошло в рамках одной и той же парадигмы согласного типа. А именно — под влиянием окончания accusativus pluralis -es (< *-ens)» (Ю.В. Откупщиков. Из истории латинского склонения. // Классические языки и индоевропейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященых 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 1998, с. 134 — 138). Основы на *-i/ei- и *-ou/u- прибавляли это окончание -es к своей полной ступени: *-ei̯-es > ees > ēs (*classei̯-es > classēs) и *-ou̯-es (*manou̯es, которое впоследствии было заменено на manūs по аналогии с винительным падежом).

В среднем роде именительный, винительный и звательный падежи множественного числа везде оканчиваются на -a

краткое: templa, capita, cornua. С индоевропейской эпохи здесь использовалась собирательная форма с основой на *-a/ə > лат. -a/ă и с нулевым окончанием. Латинский язык, как и греческий, сохранил -ā (характерное, по-видимому, исконно для основ на -o/e-) только в некоторых застывших изолированных формах (trigintā, греч. τριάκοντα), а -ă (из *-ə), первоначально присущее согласным основам, обобщил во всех случаях.

В родительном падеже унаследованное окончание *-om представлено в редуцированном виде как -um в третьем и четвертом склонениях (rēg-um, classi-um, manu-um), а в первом, втором и пятом оно было заменено конечным элементом родительного падежа указательных местоимений: terrārum, dominōrum, diērum. Это новообразование было характерно и для других италийских, и для греческого языка (гом. θεᾱ́ων, τᾱ́ων) и появилось в первую очередь в первом склонении. Оттуда по аналогии оно распространилось на второе и пятое склонение. Тем не менее в основах на -o/e- еще долго существовали формы с конечным -um, особенно в терминах культового, канцелярского, торгового языка (deum, nummum, talentum), притяжательном местоимении (nostrum) и числительных разделительных (bīnum, ternum), многосложных словах (consanguineum), греческих именах (Danaum).

Для ***дательного и отложительного падежей множественного числа*** единого общеиндоевропейского окончания не было, оно было различным в отдельных ветвях. В италийских языках окончание этих падежей восходит к *-bhos > лат. -bus (в результате редукции: reg-i-bus), основы на -i- соответственно имеют конечный элемент *-i-bhos > лат. -ibus (classi-bus), основы на -u- — *u-bhos > лат. -ubus (manu-bus), в основах на -ē- — diē-bus.

Конечный индоевропейский элемент основ на -a- и на -o/e- (*-a-is, *-o-is) происходит из окончания инструменталиса и отражается в отдельных италийских языках. Причем, в первое склонение окончание *-a-is, проникло, очевидно, по аналогии со вторым склонением. В латыни же в результате редукции и монофтонгизации дифтонгов (во втором склонении: -ois > -eis > -ẹ̄s > -īs, в первом склонении:

*-āis > *-ais > -eis > -ẹs > īs) оба склонения получили в конечном итоге одинаковые окончания.

Винительный падеж множественного числа мужского и женского рода имеет окончания, восходящие к общеиндоевропейскому *-ns, в котором n перед -s отпало, в результате чего удлинилась предшествующая гласная: terrās < *terra-ns, dominōs, ducēs, classīs (впоследствии по аналогии с ducēs появилось и classēs), manūs, diēs.

В реликтах встречается ***местный падеж*** (только единственного числа). Окончание -i, унаследованное из индоевропейского, прибавляется к конечной гласной основы: Rōmae < *Rōmai, Tūsculī < *Tuscule-i, peregrī «вне дома» < *peregre-i, причем основы на -o/e- имеют огласовку e. Основы на согласный имеют окончание -ī, восходящее, очевидно, к -ei: Acheruntī, Carthāginī, lūcī, rūrī, temperī.

Что же касается локатива множественного числа, который в общеиндоевропейском имел окончание *-oisu или *-oisi, то его влияние некоторые исследователи видят в окончании дательного и аблатива множественного числа -ois (с апокопой конечного гласного).

Фонетические процессы архаического периода способствовали становлению новых соотношений в системе имени. Так, в результате ротацизма возникло новое морфологическое чередование s и r: genus – generis < *genesis, tempus – temporis < *temposis. Иногда оно имело следствием дальнейшее распространение r для выравнивания всей парадигмы: в словах на -ōs чередование honōs —honōris (ср. honestus), maiōs – maiōris (ср. maius < *maios) привело к проникновению r из косвенных падежей в именительный: honor, maior.

Синкопа способствовала выработке новых морфологических типов в III склонении существительных (mēns < *mentis) и прилагательных (ācris > ācer).

В архаический период становление категории грамматического рода еще не завершено, неоднократно встречаются дублеты, колебания в роде слова: dorsus —dorsum; caementum — caementa, ae; caelus — caelum и др. Имеются примеры смешения гласных и согласных основ III склонения, а также

смешения основ разных склонений (род. п. ед. ч. exercitī, frūctī). Параллельно существуют по-разному морфологически оформленные однокоренные слова: caro, carnis и carnis, carnis.

Контрольные вопросы

1. Какие основные изменения произошли в системе имени в течение архаического периода?

2. Расскажите об истории падежных окончаний в латинском языке.

Практические задания

(см. задания к лекции 14)

Литература

1. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 28— 54, 82 — 86, 168 — 170, 227, 268 — 269.

2. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 140 — 175.

3. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.-Л., 1953, с. 172— 179.

4. А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, с. 15 — 96.

ЛЕКЦИЯ 14

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (МОРФОЛОГИЯ ГЛАГОЛА). ПЕРВЫЕ ПОЭТЫ (НЕВИЙ, ЭННИЙ)

1. Морфология глагола архаического периода.
2. Первые поэты (Невий, Энний).

1. Морфология глагола архаического периода. Мы уже говорили, какое наследие осталось от индоевропейского и общеиталийского единства латинскому глаголу, говорили о формировании на месте древней видовой системы системы временных отношений, которая в истории латинского языка наложилась на видовую систему, об использовании суффиксов разного происхождения для образования отдельных времен, о модификации окончаний. Все эти преобразования завершились в основном в дописьменную эпоху. В архаический период наблюдаются процессы, свидетельствующие о дальнейшем развитии системы латинского глагола.

Перестает играть существенную роль противопоставление тематических и атематических основ. Времена образуются суффиксально. С начала литературного периода формируется Futurum I, у Плавта еще есть сигматические формы типа dixō, faxō (ср. греч. δείξω). Наряду с этим будущим наблюдаются формы и конъюнктивно-инъюнктивного происхождения. Существовавшие формы с аблаутом оптативного происхождения (siem, но sīmus, ср. siēd в Дуэновой надписи) в конце архаического периода выравниваются по слабой ступени корня: sim. Унаследованные ***личные окончания*** видоизменяются.

В индоевропейских языках различают первичные (характерные для презенса, конъюнктива, в некоторых языках также футурума) и вторичные (характерные для аориста, оптатива, в некоторых языках также и имперфекта) окончания (они неплохо сохранились, например, в древнегреческом глаголе). Установлено, что более ранними по происхождению были окончания вторичные, а первичные получились на их основе прибавлением гласного -i.

Поскольку к такому выводу индоевропеисты пришли уже после того, как сложилась традиция употребления терминов «первичные» и «вторичные» к определенным системам окончаний, то она сохраняется до сих пор (с осознанием ее условности). И среди первичных, и среди вторичных окончаний различаются тематические и атематические образования.

Классический латинский язык уже не знает противопоставления первичных и вторичных окончаний, а в долитературный период наблюдалось их смешение (siēd, fefaced, в эпитафиях Сципионов fuet и fuit). Формирование единой системы известных нам личных окончаний латинского глагола относится именно к архаическому периоду. В результате различных фонетических изменений, аналогических тенденций эти окончания проходят следующее развитие.

В первом лице единственного числа активного залога сохранилось унаследованное индоевропейское тематическое окончание -ō. Однако в ямбических словах архаические поэты иногда сокращали его в о краткое (у Плавта, например, scĭŏ и intellegō). По аналогии краткость распространялась позднее и на другие глаголы. Другое окончание первого лица индоевропейского происхождения — -m — восходит к первичному атематическому окончанию *-mi в глаголе esse: sum, а в прочих случаях оно восходит ко вторичному окончанию, соответствующему греческому -ν.

Окончание ***второго лица единственного числа*** -s может восходить как к первичному окончанию *-si, так и ко вторичному *-s.

Первичное и вторичное окончание ***третьего лица единственного числа*** первоначально различались: *-ti давало в латыни -t (*esti > est), а *-t — -d (*siēt > siēd). В оскском и умбрском это различие сохранилось. В латинском языке вторичное окончание быстро исчезло, и во II в. до н. э. общим стало окончание -t. (Трактовку окончания -d как сохранившегося окончания древнего инъюнктива см. в работе Б. Б. Ходорковской. К предыстории глагольной системы в италийских языках (вторичное окончание 3 лица единственного числа -d). // Классические языки и индо-

европейское языкознание. Сборник статей по материалам чтений, посвященых 100-летию со дня рождения профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб., 1998, с. 130 – 134).

В первом лице множественного числа окончание -mus, (ōrnāmus) получившееся в результате редукции (< *-mos), восходит к индоевропейскому *-mes/-mos (ср. греч. дор. φέρομες).

Второе лицо множественного числа имеет окончание -tis (ōrnātis), которое трактуют различно. Либо здесь использовано вторичное индоевропейское окончание *-te, сохранившееся в латыни в повелительном наклонении (ср. также греч. φέρετε), с прибавлением -s по аналогии со вторым лицом единственного числа или с первым лицом множественного числа. Либо это не сохранившееся в других ветвях индоевропейских языков первичное окончание *-tes, самым близким к которому является окончание 2 л. двойственного числа древнеиндийского языка -thaḥ. В любом случае -tis < *te-s путем редукции.

В третьем лице множественного числа в окончании -nt (ōrnant) отражается, по-видимому, первичное окончание *-nti, поскольку -i в конечном слоге отпало, а -nt распространилось на все глагольное спряжение. Предположительным отражением в латинском языке вторичного окончания *-nt было бы -ns, которое сохранилось в оскском fufans «erant», умбр. sins «sint», а в латинском языке не представлено.

Для окончаний ***медиопассивного залога*** в первом и третьем лице характерен конечный элемент -r, присутствующий также в кельтских, тохарском и хеттском языках. В качестве показателя медиальности он, очевидно, восходит к общеиндоевропейской эпохе. ***В первом лице единственного числа*** -r присоединяется или непосредственно к окончанию ō активного залога: -ōr, впоследствии сокращается в -ŏr (ōrnor, sequor), или ставится вместо -m: -ar (ōrnābar).

Во втором лице единственного числа окончание -re (sequere) восходит к вторичному окончанию среднего залога *-se/-so (ср. греч. λύου < *λύεσο), в котором -s- в положении между гласными перешло в -r-. Окончание -ris (sequeris) представляет собой контаминацию *-se и характерного для второго лица -s: *-ses > *-res > -ris. Возможно, оно

утвердилось для дифференциации этой формы от формы повелительного наклонения по образцу активного залога: ōrnā – ōrnās, lege – *leges > legis и sequere – *sequere-s > sequeris. В диалектных надписях встречается конечный элемент *-rus < *-so+s.

Окончание ***третьего лица единственного числа*** -tur (sequitur) образовалось вследствие редукции из -tor присоединением конечного элемента -r к вторичному медиальному окончанию *-te/-to (ср. греч. ἐλύε-το).

В первом лице множественного числа окончание -mur (sequimur) может восходить к первичному окончанию *-mos с заменой конечного -s на -r или ко вторичному окончанию *-mo с присоединением -r.

Во втором лице множественного числа самое неясное и изолированное окончание *-minī может быть сопоставлено с окончанием мн. ч. медиального причастия *-menoi (ср. греч. φερόμενοι). В таком случае эта форма возникла из описательного оборота, в котором множественное число причастия сочеталось с формой глагола esse. По другому предположению, это окончание сравнимо с инфинитивом на -μεναι греческого языка, который мог употребляться в функции императива, а затем распространиться на настоящее время и прочие времена.

Образование окончания ***третьего лица множественного числа*** -ntur < *-ntor (ōrnantur, sequuntur) вполне аналогично образованию окончания третьего лица единственного числа и состоит из вторичного окончания среднего залога *-nto (ср. греч. ἐλύο-ντο) с присоединением конечного элемента -r.

Указанные окончания используются в системе латинского глагола во всех временах, кроме перфекта. Перфект же в индоевропейских языках занимал особое положение, поскольку он был пережитком несколько иной грамматической системы древнейшей стадии развития праиндоевропейского языка. Мы уже упоминали, что особое положение перфекта в индоевропейской системе глагола обусловило наличие ***перфектных окончаний***, не совпадающих с обычными личными окончаниями. В латинском глаголе в связи с двойственностью природы перфекта, сложившегося на базе индоевропейских перфекта и аориста, система

личных окончаний содержит дублетные формы разного происхождения, следы новообразований и смешения разных форм.

В первом лице единственного числа окончание -ī < *-ei < *-ai, (vīdī < *u̯oidai), которое соответствует древнеиндийскому медиальному окончанию 1 л. ед. ч. перфекта -ē и ст. сл. вѣдѣ «я знаю». В активном залоге древнегреческого и древнеиндийского глагола в этом лице представлено окончание -a (др. инд. véd-a, греч. οἶδ-α).

В окончании ***второго лица единственного числа*** -isti (vīd-isti) присутствует характерный для перфектных форм элемент -is, принимающий перед гласным форму -er и восходящий, возможно, к суффиксу сигматического аориста или обусловленный чисто фонетическими причинами. Второй элемент этого окончания -ti восходит к индоевропейскому окончанию *-tha (ср. греч. οἶσθα), которое могло быть переоформлено по аналогии с -ai первого лица: *-tai > -tei > ti.

Окончание ***третьего лица единственного числа*** -it (vīd-it) имело двоякое происхождение: из *-ed и *-eit, которые совпали уже в архаическом языке. Окончание -ed встречается в древнейших латинских надписях (fhe:fhaced, feced) и образовано присоединением вторичного окончания в 3 л. ед. ч. -d (< *-t) к индоевропейскому окончанию 3 л. ед. ч. перфекта *e (ср. греч. οἶδε и др. инд. véda). В дальнейшем вторичное окончание -d было вытеснено первичным -t и -et > -it. С ним же совпало и засвидетельствованное, например, у Плавта окончание -īt (по-видимому, из *-eit или даже из *-ait по аналогии с 1 л. ед. ч. *-ai > *ei > -ī), которое, в свою очередь, сократилось в -it.

По сравнению с окончанием настоящего времени в окончании ***первого лица множественного числа перфекта*** -imus < *-imos (vīd-imus) присутствует гласный -i неясного происхождения. Возможно, в некоторых глаголах он относился к корню, а впоследствии проник в другие перфектные формы с основой на согласный.

Во втором лице множественного числа окончание содержит два элемента: уже известный показатель активного перфектного ряда -is и обычное окончание 2 л. мн. ч. -tis: -is-tis (vīd-istis).

Самым разнообразным было окончание ***третьего лица множественного числа***: -erunt, -ēre, -ērunt (где -unt < -ont). Первое из них, видимо, представляет собой соединение элемента -is и вторичного окончания -ont (< *is-ont). Окончание -ēre является самым древним, поскольку ему находят параллели в индоиранских, тохарском и хеттском языках. Окончание же -ērunt представляет собой контаминацию -erunt и -ēre. Именно оно и становится наиболее употребительным со времен Плавта. Окончание -ēre воспринимается как архаизм высокого стиля, а окончание -erunt сохранялось в народно-разговорной речи и перешло в романские языки.

Отметим также еще некоторые изменения и характерные черты глагольной системы архаического периода.

В результате действия закона ямбического сокращения в латинском языке, видимо, возник тип глаголов на -i- краткое: capis < *capīs, перешедших в III спряжение после перехода i > e перед ротацистическим r (capere) и в конце слова (cape).

Действие закона ротацизма изменило звуковой облик многих глагольных форм: появились инфинитивы на -re, формы имперфекта и футурума глагола esse (eram, ero), конечные элементы в системе перфекта -eram < -is-a-m, -ero < -is-o, -erim < -is-i-m.

Широко распространена была в архаический период форма инфинитива пассивного залога настоящего времени глаголов всех спряжений на -ier: raptārier, captārier, convestīrier). Употребительны стяженные формы в системе перфекта (sūmpse < sūmpsisse, sīris < sīveris, sīstis < sīvistis).

Ослабление конечных согласных коснулось конечного -m, -s, частично -d, -t, то есть тех согласных, которые играли существенную роль не только для различения падежей в системе имени, но и для дифференциации лиц глагола. Дальнейшее развитие этого процесса ставило под вопрос устойчивость морфологической системы. Перед латинским языком встала задача выработки норм литературного языка, которая была решена в последующую эпоху.

2. Первые поэты. Гней Невий (274 — 201 гг. до н. э.) был родом из Кампании, участвовал в Первой Пунической

войне, которую Рим вел с сильнейшей торговой державой западного Средиземноморья Карфагеном в 264 – 241 гг. до н. э. Этой войне Невий посвятил свою эпическую поэму «Песнь о Пунической войне», в которой обращается уже не к мифологии, как Ливий Андроник, а к недавней римской истории. Первая Пуническая война началась с осады Агригента в Сицилии. Невий в первых строках своей поэмы дает описание знаменитого храма Зевса в Агригенте, на фронтонах которого была изображена борьба богов и гигантов и разрушение Трои. Он рассказывает о бегстве из Трои будущего основателя римского государства Энея, о его скитаниях и прибытии в Италию, описывает эпизоды Пунической войны. Как и у Гомера, в «Песни» Невия есть божественный и человеческий план. Так, Юпитер и Венера обсуждают судьбы римского государства. Поэма написана сатурновым стихом.

Подобно Ливию Андронику, Невий писал комедии и трагедии. Он пользовался сюжетами греческой новоаттической комедии, но иногда затрагивал и местные темы (например, в комедии «Туника»). Перерабатывал Невий греческие драмы, однако его основной заслугой было создание трагедии на римскую тему, так называемой ***претекстаты,*** исполнители которой были одеты в торжественную одежду римских магистратов – претексту. Известны названия и отдельные фрагменты шести его трагедий (например, «Ифигения», «Троянский конь», «Ликург», сюжет последней подобен сюжету «Вакханок» Еврипида). Невию принадлежали две претекстаты: «Ромул» и «Кластидий», посвященный победе римского полководца Марцелла над галлами при городе Кластидии.

Таким образом, Невий в своем творчестве продолжает традиции греческой литературы, уже подхваченные Ливием Андроником, но все более переносит их на римскую почву.

Квинт Энний (239 – 169 гг. до н.э.) был родом из Калабрии, области осков на юге Италии со смешанной греко-италийской культурой, из аристократического рода мессапских царей. Впоследствии поэт писал, что в его груди бьются три сердца: оскское, греческое и латинское. В годы юности он,

по-видимому, познакомился с эллинистической литературой и философскими учениями, распространенными на юге Италии, в частности, с философией Пифагора, что впоследствии отразилось в его творчестве. Во время II Пунической войны он служил в римском войске; попав в Рим, сблизился с группировкой Сципиона Африканского и посвятил ему поэму «Сципион».

Энний хорошо знал оскский, греческий и латинский языки, переводил греческих авторов, писал трагедии и комедии по греческому образцу и стал создателем римского национального эпоса. Его основное произведение – эпическая поэма «Анналы» («Летопись») в 18 книгах, по фрагментам которой можно восстановить ее основное содержание.

Во вступлении Энний рассказывает о своем сне, в котором ему явилась тень Гомера, возвестившая, что душа греческого поэта переселилась в Энния. По пифагорейскому учению о переселении душ Энний становился новым римским Гомером, призванным воспеть героические подвиги римского народа. Далее Энний рассказывает о предыстории Рима, о бегстве Энея из горящей Трои, об основании Энеем нового государства в Италии, о Ромуле и Реме и основании Рима. После рассказа о царском периоде римской истории и войнах с италийскими племенами Энний переходит к центральным событиям своей поэмы — Второй Пунической войне. В конце дано описание Македонских и Истрийских войн.

Энний стал певцом деяний Сципиона и его сподвижников (Нобилиора, Фабия Максима Кунктатора), прославлял мужество и добродетели, «нравы предков» всего римского народа. Себя же он изобразил как советника и собеседника римских полководцев. В своей автоэпитафии (ХРЛ, с. 226) он написал о себе так:

Граждане, взор обратите на облик Энния старца,
Подвиги ваших отцов в песнях своих он воспел.
Слез пусть над прахом никто не роняет. Сдержите рыданья!
Буду по вашим устам вечно живой я летать.

(пер. Н. В. Вулих)

Впервые в римскую поэзию Энний ввел гекзаметр, отказываясь от италийской традиции сатурнова стиха, даже смеялся над его грубостью. Вслед за Гомером он использовал не только эпический размер, но и заимствовал у него отдельные образы, сравнения, выражения (см. с. 40 – 41 ХРЛ).

Трагедиями Энния восхищался Цицерон, упоминавший его трагедии «Андромаха», «Андромеда», «Гекуба», «Медея». Всего Энний создал 22 трагедии, среди них две трагедии претекстаты. Его последователями в этой области были Пакувий и Акций, а в области комедии – Теренций.

Контрольные вопросы

1. Какие изменения произошли в системе глагола в течение архаического периода?

2. Расскажите о происхождении личных окончаний латинского глагола.

Практические задания

1. В перечисленных ниже фрагментах произведений Невия и Энния, помещенных в ХРЛ, найдите и объясните с помощью комментариев и Справочника морфологические архаизмы: с. 28 (строка 29), с. 28–30 (44–46), с. 30 (5–10, 13–15, 59–62), с. 34 (72–74, 80–85), с. 36 (117–121, 174, 194–195), с. 40 (390, 409– 412, 448, 449), с. 42 (470, 478), с. 46 (264), с. 48 (91-93), с. 82 (1–3), с. 84 (94–96), с. 168 (22), с. 170 (32–33).

2. Обратите внимание на аллитерации как на стилистический прием у обоих авторов: с. 36 (109), с. 40 (24, 143, 499), с. 50 (306, 308), с. 54 (216), с. 86 (27).

Литература

1. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 28 – 54, 82 – 86, 168 – 170, 226 –227, 272 – 276, 279, 289 – 290, 296 (см. также библиографию изданий Ливия Андроника, Невия и Энния на с. 299).

2. И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960, с. 225 – 229, 265 – 268.

3. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 175 – 179.

4. А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, с. 147 – 153, 249 – 254.

ЛЕКЦИЯ 15

АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (СИНТАКСИС). НАРОДНАЯ ЛАТЫНЬ В АРХАИЧЕСКИЙ ПЕРИОД. ПЛАВТ

1. Синтаксис архаического периода.
2. Народная латынь в архаический период.
3. Тит Макций Плавт.

1. Синтаксис архаического периода. В архаический период в области синтаксиса намечается тенденция развития подчинения и грамматизации конъюнктива. Способ подчинения еще не всегда захвачен процессом грамматизации. У Плавта наблюдается сочинительная связь, например, в косвенном вопросе без конъюнктива: dīc mihi ubi is est homo – «скажи мне, где находится этот человек» (Curc. 65). Синтаксическая зависимость придаточного предложения ощущается без формального ее выражения. Все обстоятельственные оттенки передаются просто соединением предложений без союзов: amat, sapit – «если любит, то понимает» (условие у Плавта, Amph. 995), abī, Phaedria, eum requīre atque hūc addūce – «уходи, Федрия, чтобы разыскать его и привести сюда» (цель у Теренция, Phorm. 309).

Грамматизация наклонения выражается в сочинении двух независимых предложений, одно из которых ставится в конъюнктиве: huic imperat, quās possit, adeat cīvitātēs – «ему (Коммию) приказал посетить возможно большее количество племен» (Caes. Dē bellō Gallicō, IV, 21, 8, ср. III, 11, 2; VII, 71, 2). Формально подчинительная связь здесь еще не выражена. И только впоследствии конъюнктив становится признаком подчинения: tantās dīvitiās habet, nescit, quid faciat aurō – «он имеет такие богатства, что не знает, что делать с золотом» (следствие у Плавта, Bacch. 333). Выработка арсенала подчинительных слов и грамматизация конъюнктива, который становится средством выражения зависимости, относится к периоду становления литературного языка.

2. **Народная латынь в архаический период.** Прежде чем обратиться к этому вопросу, нужно понять, что же такое «народная латынь». Разные точки зрения по этому поводу, существовавшие в истории изучения латинского языка, подробно изложены в пособии А. Н. Дынникова и М. Г. Лопатиной «Народная латынь», изд. МГУ, 1998 (ср. также М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1952, с. 71 – 75). Как указывают его авторы, большинство исследователей согласны с определением Моля, что народная (или вульгарная) латынь «это просто историческое развитие латинского языка в разных областях римской империи в течение всей истории Рима до распада Империи, сначала вне литературного языка Лация, а потом под его влиянием и при его направляющей силе» (с. 7). Далее авторы указанного пособия в связи с этим определением отмечают, что в настоящее время оно развивается в направлении понимания народной латыни как разговорного народного языка, «на котором, конечно, с известными градациями, говорили все римляне от рабов и вольноотпущенников до таких образованных людей, как Цицерон и его друзья. Конечно, этот язык менялся в зависимости от того, к какой социальной группе принадлежал его носитель» (с. 8).

В разные периоды истории латинского языка соотношение между литературным и разговорным языком было различным. В архаическую эпоху большого разрыва между ними не было. С появлением первых литературных памятников только намечается расхождение, но разрыв между urbānitās и rūsticitās (= sermo vulgāris) происходит в процессе становления литературного языка в позднеархаический период. Изначально и у литературного, и у разговорного языка была одна общенародная основа.

Тем не менее можно определить некоторые особенности разговорного языка, которые представлены в отдельных памятниках. Среди этих памятников особенно важны: 1) надписи, которые передают городскую, но несколько стилизованную речь; 2) литературные тексты (прежде всего сакральные, юридические, а также жанрово предполагающие использование разговорного языка, как, например,

комедии Плавта, Теренция, сатиры, письма, трактаты, «Пир Тримальхиона» в «Сатириконе» Петрония, христианские тексты, исторические сочинения); 3) свидетельства римских грамматиков и писателей, схолии и глоссы.

В *фонетике* расхождения незначительны. Так, в разговорной речи монофтонгизировался дифтонг au > ō (Aulus > Ōlus, Claudius > Clōdius, caupo, caupōnis > cōpo, cōpōnis). В литературном языке он оставался без изменений. Больше расхождений в системе морфологии и словообразования.

Так, в области *морфологии* происходило смешение типов склонения на почве смешения основ на -o и на -u: родительный падеж единственного числа у Плавта в основах на -u мог иметь окончание основ на -o (tumultī вместо tumultūs, gemitī вместо gemitūs, quaestī вместо quaestūs).

Происходит выравнивание рода по естественному и переход существительных в другой тип склонения: nurus «сноха» > nura, socrus «теща» > socra. Это явление было общим и у литературного, и у разговорного языка. Колебания в роде наблюдаются у Плавта (неустойчивый средний род в третьем склонении: формы Acc. Sg. gutturem вместо guttur «горло», papāverem вместо papāver «мак»), в надписях (N. Sg. maris вместо mare «море»), у Лукреция (колебания типа N. Sg. caelus – caelum «небо»), у Варрона (Acc. Sg. cornum – cornū «рог»). N. Pl. среднего рода на -a иногда стал восприниматься как N. Sg. женского рода. Например, у Акция (Aen., 16): castra haec vestra est «этот лагерь ваш». В надписях встречается форма castram (CIL VIII 9725).

Ни архаический, ни классический латинский язык не выработали системы неопределенного и определенного артикля. Однако в архаический период в разговорном языке появляется тенденция грамматизации указательного местоимения hoc в атонической позиции, то есть перехода его в определенный артикль, так же как и ослабление значения числительного ūnus до значения неопределенного артикля (est huic ūnus servus violentissimus – Плавт).

Разрушилась система отложительных глаголов: у Плавта horto вместо hortor, lucto вместо luctor, у Катулла встречается форма nāsco вместо nāscor.

Под влиянием формы первого лица ед. ч. глаголы третьего спряжения на -io оформляются как глаголы четвертого спряжения. Это принадлежность разговорного языка: у Плавта morīre, у Лукреция – cupīre.

В области ***словообразования*** нужно отметить широкое употребление суффиксов с первоначальным деминутивным значением: у Плавта porculus «поросенок», porcellus «поросеночек», auricula «ушко», у Катулла misellus, bellus и т. д.

Для nomina agentis на протяжении всей истории sermo vulgāris и в поздней разговорной литературной латыни характерен суффикс -ārius (notārius, proletārius), а для обозначений места действия – суффикс -ārium (apiārium «улей»). В классическом языке употребляются соответственно суффиксы -tor, -sor и -ōrium.

В области ***синтаксиса*** важно обратить внимание на порядок слов в предложении. При резко обозначенной флективности его учитывать не обязательно. В классический период порядок слов относительно закрепленный. В архаический период этого закрепления определенного члена предложения за определенным местом во фразе не знали. Такой порядок слов, характерный для разговорного языка, был воспринят романскими языками.

Для архаического периода вообще и для народной латыни в большей степени свойствен аналитизм. Например, у Вергилия templum dē marmore (= marmoreum). То же в системе глагола. Можно сказать, что в архаический период наметились тенденции аналитизма, в классический – закономерности аналитизма, а в романских языках – уже законы аналитизма.

При общенародной основе сосуществовало как бы две разновидности латинского языка, разрыва между которыми в архаический период не было. Можно отметить только некоторые особенности, которые касаются фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса.

3. Тит Макций Плавт (род. ок. 250 – 184 гг. до н. э.) – первый комедиограф, произведения которого дошли до нас. Биографические данные весьма скудные. Известно, что он родился на севере Италии, в Умбрии, и, возможно, был актером. Этот факт косвенно подтверждается его именем

Макк (позднее – Макций), которое обозначало одну из масок ателланы, народной одноактной драмы с постоянными карикатурными масками, а именно, – маску обжорливого дурака. Прозвище Плавт, имеющее значение «плоскостопый», видимо, связано с названием жанра низовой комедии, в которой актеры выступали в обуви без каблука.

Плавту приписывали 120 комедий, из которых римский ученый Варрон выделил 21 как его бесспорное наследие. Из них до наших дней дошло 20 произведений (с некоторыми лакунами) и одна пьеса в фрагментах. Особенно популярны комедии «Амфитрион», «Ослы», «Пленники», «Куркулион», «Два Менехма», «Хвастливый воин», «Привидение», «Псевдол». Плавт писал комедии с греческим сюжетом («паллиаты»), приспосабливая образцы «новой» комедии Менандра, Филемона, Дифила для римской сцены. Он ослаблял серьезную сторону греческих образцов примитивным комизмом. В центре многих комедий («Вакхиды», «Привидение», «Псевдол», «Ослы» и др.) находится образ изворотливого раба.

Комедии Плавта трудно переводятся на другой язык, поскольку комический эффект у него создают не только остроумные повороты сюжета или обрисовка характеров, но и словесная игра. Особое мастерство Плавт проявляет в способах ведения диалога, имеющего буффонный характер, в нем обилие каламбуров, гипербол, вульгаризмов, грубых острот. Язык Плавта богат афоризмами, словотворчеством и звуковыми фигурами, в комедиях много аллитераций, исконно присущих италийскому народному стиху, например: animast amīca amanti (Bacch. 194), ex malīs multīs malum quod minimumst id minimumst malum (Stich. 120), optumō optumē optumam operam dās (Amph. 278). В комедии «Два Менехма» (263), например, обыгрывается созвучие названия города Эпидамн и латинского слова damnum «ущерб, убыток, вред». В той же комедии действует парасит по имени «Столовая щетка», и на вопрос, где он находится, Менехм отвечает: «Щетка? У меня в мешке лежит» (286, пер. С. Радлова).

Вообще многие имена у Плавта являются говорящими (имя хвастливого воина – Пиргополиник, «победитель городов и башен», его парасита зовут Артотрог «хлебогрыз»),

иногда даже с целью комического эффекта соединяются греческие и латинские слова (имя Псевдол создано из греческого ψεῦδος «ложь» и латинского dolus «хитрость»).

По словам И. М. Тронского (История античной литературы, М., 1988, с. 291), «среди комических ресурсов Плавта словесный комизм занимает одно из первых мест... Плавт черпает языковой материал отовсюду, начиная от архаически торжественных сакральных и правовых формул и языка высокой поэзии и кончая профессиональными говорами и словарем улицы». Отмечая, что в области ведения сюжета и изображения характеров Плавт уступает последующим авторам, римские критики считали непревзойденным его язык: «Если бы Музы пожелали говорить по-латыни, они говорили бы языком Плавта» (Элий Стилон, конец II в. до н. э. – у Квинтиллиана, X 1, 99). Это язык выразительный, образный, близкий к народному разговорному языку. В нем множество таких грамматических форм, слов и выражений, которые могли встретиться только в просторечии.

В комедиях Плавта диалог чередуется с речитативом и пением (т. н. кантики), в них большое метрическое разнообразие. Автор употребляет различные размеры в зависимости от настроения героев, меняет ритм, внезапно переходит от одного размера к другому.

Контрольные вопросы

1. Какая тенденция латинского синтаксиса наметилась в архаический период?
2. Назовите основные особенности разговорной архаической латыни.
3. Чем отличается язык комедий Плавта?

Практическое задание

Прочитайте по ХРЛ argumentum (краткое содержание) комедии Плавта «Asinaria» («Ослы»), составленное уже значительно позднее, чем сами комедии, в форме акростиха (с. 86) и фрагмент из III акта этой комедии (ст. 545 – 576) – словесное состязание рабов (с.106). Обратите внимание в этом фрагменте на черты языка и стиля, характерные для Плавта.

Литература

1. М. С. Гурычева. Народная латынь. М.: 1959, с. 5 – 26.

2. А. Н. Дынников, М. Г. Лопатина. Народная латынь. М., 1998, с. 3 – 35, 155 – 168.

3. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 86 – 118, 279 – 283 (см. также библиографию изданий Плавта на с. 299).

4. М. В. Сергиевский. Введение в романское языкознание. М., 1952, с. 71 – 75.

ЛЕКЦИЯ 16

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Общая характеристика периода, переходного от архаики к классике (II в. до н. э.).

2. Основные направления становления литературного языка:

1) упорядочение фонетики;

2) упорядочение морфологической системы.

3. Литературные памятники. Катон.

1. Общая характеристика периода становления литературного языка. Вторая половина III в. до н. э. и II век до н. э. — это период, в который латинский язык проходит путь от архаики к классической норме. Именно в это время шел процесс создания литературного языка, способного выразить нюансы отвлеченной мысли и оттенки душевных переживаний, пригодного и для научного анализа, и для художественного творчества.

К сожалению, письменных памятников, которые дали бы возможность проследить отдельные этапы формирования литературного языка, крайне мало. После комедий Плавта, творчество которого находится на границе архаического и классического периодов, в начале II в. до н. э. мы имеем целиком только трактат Катона «О земледелии» и шесть комедий Теренция. Далее представлены лишь фрагменты поэтов, историков, ораторов, отдельные эпиграфические памятники канцелярского характера. Темп фонетических и морфологических изменений в это время тоже не столь значителен, как это было ранее. Но именно II век до н. э., время резких социальных и идеологических сдвигов, стал веком становления литературного языка. После пробела в сохранившейся письменной традиции, падающего на вторую половину II в. до н. э., появляются «Реторика к Гереннию» (после 89 г. до н. э.) и первые речи Цицерона («Prō Sextō Rōsciō Amerīnō» – 81 г. до н. э.), в которых «классическая латынь» представлена уже в канонизированном виде.

В этот период в Риме проходят глубокие изменения в области хозяйства и социальных отношений, растет крупное землевладение на основе рабского труда, усиливается социальное расслоение граждан. Появляются новые формы идеологии, во многом под влиянием греческой философии и риторики. Литература становится средством идеологической пропаганды, а художественное слово – орудием политической борьбы (кружок Сципиона Старшего, Катон). При наличии уже упоминавшихся ранее непоследовательностей в фонетической и морфологической системах латинского языка поздней архаики, при разработке литературного языка на первый план выдвигается задача их стабилизации.

2. Основные направления становления литературного языка. ***1) Упорядочение фонетики,*** нормализация расшатанной к концу архаического периода фонетической системы опирались на говор города Рима. Римское произношение становится нормой литературного языка.

В первую очередь это коснулось ***дифтонгов***, среди которых долгие уже давно были устранены, а краткие начали монофтонгизироваться с III в. до н. э. Литературный латинский язык сохранил только дифтонги максимального расстояния между элементами: ai и au. С начала II в. до н. э. ai > ae, и такое дифтонгическое произношение сохранилось в течение всей классической эпохи. Дифтонг au оказался еще более стойким, его монофтонгизация в разговорной речи (au > ō) была возможна лишь на отдельных территориях и прежде всего коснулась сельскохозяйственной лексики, проявилась в народных поговорках. Прочие дифтонги были монофтонгизированы: ei > ī, ou > ū, oi > ū. Последний дифтонг иногда сохраняется в форме oe: foedus, poena, Poenus, Cloelius, proelium и др. словах, как правило, архаизмах официального языка, сакрально-юридического характера или высокого стиля (попытки обосновать этот факт чисто фонетически оказались неудачными).

Уходит в прошлое ***специфика первого слога***, повлиявшая кардинально на вокализм срединных и конечных слогов. Новые сложения не изменяют краткого коренного гласного (posthabeo, patefacio), а в старых действует рекомпозиция (pertaesum est, вместо pertīsum est).

Прекращается действие ***закона ямбического сокращения***, бывшего чертой беглого стиля речи (allegro-формы). В результате этого закона дифференцировались флексии ямбических (hăbĕ) и неямбических (spondē) слов, что разрушало целостность системы. Для облегчения черезмерно долгих слогов из языка устраняются закрытые слоги с долгими гласными. Конечное d в такой позиции отпадает около 200 г. до н. э. в abl. sg.; praidā(d), meritō(d), magistratū(d), diē(d), в императивах: suntō(d), violatō(d), а затем и в односложных местоименных формах: mē(d), tē(d), sē(d). Перед прочими согласными, кроме -s, ямбическое сокращение распространяется на все аналогичные формы: ămŏr — laudŏr, ămăt — laudăt.

Закрепляется долгота конечного гласного ямбических слов, как, например, в Abl. Sg. II склонения: lupō — ursō (кроме конечного -о в им. п. III склонения и 1 лица ед. ч. глаголов, в котором краткость гласного распространилась и на слова неямбической формы в эпоху Августа). Таким образом, единство флексии было сохранено. В тех же случаях, когда ямбическое сокращение не грозило такому единству, а именно, в изолированных формах типа ego, mihi, tibi, bene, выпавших из парадигмы или застывших, как modo, cito, ямбическое сокращение вошло в литературный язык.

Процесс ***упрощения группы удвоенных согласных***, призванный также облегчить сверхдвухморный слог, проследить трудно, поскольку удвоенные согласные (геминаты) начинают систематически обозначаться на письме лишь с конца II в. до н. э. Однако метрика Плавта свидетельствует, что конечные слоги в некоторых словах у него произносились долго, то есть с конечной геминатой (miless < milet+s, hocc < hod+c, terr < ter+s < *tris), а в классическую эпоху такие геминаты были уже сокращены.

Большую угрозу для строя латинского языка представляло ***ослабление конечных -m и -s***, поскольку они играли значительную роль в системе флексий и имени, и глагола. Архаический период характеризовался нерегулярным написанием и произношением конечных -m и -s, что подтверждается элизией.

Гекзаметрическая поэзия в ранний период допускала отпадение не только -m, но и -s. Последний автор, пользовавшийся этим метрическим приемом, был Лукреций (omnibust). Впоследствии от этого отказались совсем. Конечное же -m редуцировалось еще в долитературный период до носового оттенка предшествующего гласного с незначительной губной артикуляцией. Такое назализованное сочетание перед гласным следующего слова элидировалось. В классическую эпоху была отрегулирована орфография с обязательным написанием конечного -m.

В конце II в. до н. э. распространилась мода произносить *греческие слова на греческий манер*. Греческие звуки, не имевшие латинских соответствий, ранее передавались латинскими буквами: υ = u, ζ = s или ss, φ = p, χ = c, θ = t. С распространением греческого образования произношение было эллинизировано. Для произношения придыхательных звуков появились аспираты ph, th, ch, rh, причем сначала в словах греческого (Carthāgo, māchina) или этрусского (Cethēgus) происхождения, но затем они стали проникать и в латинские имена собственные (Gracchus) и нарицательные (pulcher, chorōna). Появление гласного y, артикуляционно находящегося между u и i, изменило фонологическую картину латинского языка: с точки зрения огубленности u не отличалось от y, и существенной стороной u стала его отнесенность к заднему ряду. Имевшийся в латинском языке свой «средний звук» между u и i, как, например, в форме превосходной степени (-ŭ/ĭ-mus), очевидно, огубленный гласный переднего ряда, в старой латыни выражавшийся через u, стал обозначаться через i (систематически со времен Цезаря).

2) В области *упорядочения морфологической системы* во II в. до н. э. происходит устранение колебаний и дублетов. В *I склонении* отмирает архаическое окончание Gen. Sg. -ās, заменившее его -āī допускается иногда как архаизм, а наиболее употребительным становится окончание -ae < ai. *II склонение* все более сближается с I (особенно благодаря единой системе прилагательных). Стяженное окончание Gen. Sg. II склонения -ī у основ на -io- в результате заменяется окончанием -iī сначала у прилагательных, а затем

и у существительных. В Gen. Pl. окончание -um уступает место окончанию -ōrum, воспринимаясь уже как архаизм и сохраняясь только в терминах сакрального, юридического характера или в длинных сложных словах. В *III склонении* синкопированные формы N. Sg. гласных основ (pars) помогают дифференцировать этот падеж от Gen. Sg., но создают почву для тяготения этого типа к согласному склонению. Происходит перегруппировка типов склонения: два основных и одно смешанное, в которых значимой становится дифференциация не столько по основам, сколько по частям речи и по родам.

В *склонении греческих имен* проявилась тенденция сохранить исконное греческое склонение по нормам ионийско-аттического диалекта. В результате получилось искусственное склонение с чередованием греческих и латинизированных форм и многочисленными дублетами. В *IV склонении* были устранены дублетные формы Gen. Sg. на -uis, -ī. По поводу сохранившихся дублетов Gen. Sg. *V склонения* римские грамматики вели продолжительные споры.

Дублетные формы были устранены в *склонении местоимений* (mīs, tīs, im, quēs, quom и т.п.), которое, хотя и не окончательно, но все же нормализовалось с сохранением ряда отличий от именного склонения.

В *глагольной системе* формы распределились по основам инфекта и перфекта, удалив остатки иных образований типа attigam. Были вытеснены сигматический футурум, имперфект и футурум IV спряжения по типу I и II (scībam, scībo), окончание 2 л. ед. ч. медио-пассивного залога -rus, пассивного инфинитива -ier, дублетные образования герундива на -undus, формы 3 л. мн. ч. типа danunt, совпали в едином окончании -it дублетные окончания 3 л. ед. ч. перфекта -et и -eit, в 3 л. мн. ч. которого преобладающим стало окончание -ērunt. Из элементов живой речи сохранилось употребление стяженных форм в системе перфекта: amāssem рядом с amāvissem. Укрепилась система отложительных глаголов, которые в языке Плавта могли переходить в категорию активных. Было отсеяно все, что не соответствовало речевому обиходу при общей ориентации на возвышенный стиль.

3. Литературные памятники. В виде целостных произведений от этого периода сохранились только сельскохозяйственный трактат Катона «О земледелии» и шесть комедий Теренция. Кратко скажем об этих авторах.

Марк Порций Катон Старший (Cato Maior, 234 – 149 гг. до н. э.) был родом из Тускул (около Рима) и принадлежал к плебейскому роду, в Риме он был homo novus. Тем не менее он прошел все должности, обязательные для государственного деятеля, был консулом, цензором, боролся с переменами в римском обществе, с новыми методами в политике, с роскошью, эллинизацией быта. Поклонник римской старины, лидер консервативной группировки, он был антагонистом группировки эллинофилов Сципионов, сыгравшей значительную роль в культурной жизни Рима, однако в конце жизни сблизился с ними на почве поддержки мелких италийских собственников. Будучи цензором, он привлек к суду несколько лиц сенатского сословия за неподобающий римлянину образ жизни. В памяти потомства Катон остался как идеальный гражданин римской республики, воплощение «римских доблестей», хотя, по-видимому, образ его был сильно приукрашен.

Сложившимся под влиянием греческой литературы

и гроша»; «Rem tenē, verba sequentur» – «Держись сути, слова приложатся» (пер. М. Л. Гаспарова). На основании моральных сентенций Катона впоследствии был составлен сборник правил практической мудрости «Disticha Catōnis».

Контрольные вопросы

1. Какие процессы характерны для нормализации фонетической и морфологической системы латинского языка во II в. до н. э.?

2. Что Вы знаете о литературном наследии Катона?

Практическое задание

Прочитайте по ХРЛ фрагмент из книги Катона «Dē agricultūrā» CLII «Vilicae officia» (с. 204). Обратите внимание на морфологические и синтаксические архаизмы.

Литература

1. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 202 – 212, 294 (см. также библиографию изданий Катона на с. 299 – 300).

2. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 180 – 190, 193 – 206, 210 – 214.

ЛЕКЦИЯ 17

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (продолжение)

1. Основные направления становления литературного языка (продолжение):

1) формирование словарного фонда;

2) очищение от грецизмов, диалектизмов и элементов разговорного языка;

3) синтаксическое развитие.

2. Литературные памятники. Теренций.

1. Основные направления становления литературного языка. 1) В области ***формирования словарного фонда*** большое значение имело не только ***значительное увеличение словарного состава***, но и ***семантическое обогащение лексики,*** появление отвлеченных, более углубленных значений, расширение круга лексических и синтаксических сочетаний. Язык все больше приобретал способность передавать философские понятия, душевные переживания, нюансы мысли. Так, прилагательное inānis у Плавта имеет значение «пустой», «неимущий», а у Вергилия осложняется еще и значением «тщетный». Глагол ārdēre «пылать» у Плавта применяется к факелам, зданиям, голове, глазам, можно даже «пылать от стыда», в классической поэзии (у Катулла, Горация) основным значением этого глагола становится «пылать от любовного жара».

При формировании научной и философской терминологии основным приемом было образование нового латинского слова по греческому образцу: либо с точки зрения словообразования (quālitās – ποιότης, prōvidentia — πρόνοια), либо с точки зрения семантики, то есть сообщение латинскому слову специальных значений, имевшихся у греческого (ars – τέχνη, cāsus – πτῶσις).

Для латинского литературного языка актуальной проблемой был вопрос ***«отбора слов»*** (dēlēctus verbōrum, ἐκλογὴ ὀνομάτων). Вокруг него впоследствии шла литературная борьба, к которой мы еще вернемся. Но уже в конце

II в. до н. э. с распространением в Риме риторического учения, теории стиля, появилось внимание к теории художественной речи, что было не менее важно для развития классической латыни, чем упорядочение грамматики. Наряду с принципами лексического отбора разрабатывались и синтаксические возможности словосочетания (σύνθεσις ὀνομάτων). При этом не только учитывались образцы греческой литературы, но и удачно использовались ресурсы родной речи.

2) Параллельно шло ***очищение от фонетических, лексических и грамматических грецизмов, диалектизмов и элементов разговорного языка.*** Этот процесс носил сознательный характер. Охрана чистоты латинской речи встречала сопротивление и со стороны образованной верхушки, и снизу из-за постоянного притока грекоязычных переселенцев и рабов. Греческие слова легко проникали в бытовой язык с названиями предметов материальной культуры, а также и в поэтический язык (aethēr, pontus). В нем большую роль играло калькирование, развивавшее те типы словосложения, которые имели опору в римской традиции (например, составные слова с глагольной основой во второй части: -fer, -ger, -ficus, -loquus и т. д.).

В произношении важным было устранение характерных для архаической латыни, в частности, для ее официального канцелярского стиля, диалектизмов, например, были устранены диалектные формы G. Sg. III склонения на os > us (nōminus), употребительные в языке римской канцелярии, и сведены до минимума формы Acc. Sg. на -im III склонения, характерные для оскских говоров.

Кроме того, в области произношения сказывалось влияние греческих придыхательных звуков. Уже давно исчезнувшее латинское начальное h- < *gh-, сохранявшееся лишь архаизирующей орфографией, было поддержано в связи с модой на аспирацию. Греческое влияние шло параллельно с воздействием италийских языков, сохранивших h- как полноценный согласный звук (фалисский) или имевших соответствие ему в виде начального f- (сабинский).

3) В области ***синтаксического развития*** процессы были аналогичны морфологическим: устранение архаических

черт, выпадающих из системы языка, как, например, употребления Acc. Sg. при отглагольных существительных на -tio, как при герундии (quid tibi hanc cūrātio (e)st rem – Amph., 519, вместо huius reī). Из литературного языка удаляются тенденции живой речи, в частности, стремление к управлению с помощью предлогов рядом с беспредложным: у Плавта nūntiāre ad patrem = nūntiāre patrī «сообщить отцу». Классическая латынь отказывается от этой тенденции в пользу усложнения падежных функций.

На место паратактических (паратаксис — сочинительная связь) сочетаний, встречающихся, например, у Катона (Vīlicae quae sunt officia, cūrāto faciat – «Позаботься, пусть ключница выполняет все свои обязанности»), классическая латынь поставит целостные синтаксические единства с подчинительной связью – гипотаксисом (придаточное с ut obiectīvum).

В связи с разложением латинской видовой системы и развитием относительно-временных отношений в сфере глагола, во II в. до н. э. создается почва для развития сложных структур сложно-подчиненного предложения, становления системы cōnsecūtio temporum. Архаическая латынь не знает cum historicum, а у Цицерона этот вид тесной грамматической зависимости подчиненного предложения от подчиняющего представлен в совершенно развитом виде.

2. Литературные памятники. Публий Теренций Афр (Terentius, ок. 190 – 159 гг. до н. э.) был родом из Карфагена и поэтому получил прозвище Африканец – Āfer. Сенатор Теренций Лукан, в доме которого он был рабом, дал ему образование и отпустил на свободу. Теренцию принадлежит шесть комедий, которые все дошли до нашего времени: «Девушка с Андроса», «Самоистязатель», «Евнух», «Формион», «Свекровь», «Братья». Четыре из них основаны на произведениях Менандра, а «Свекровь» и «Формион» являются переделками пьес одного из последователей Менандра. Как и Энний, Теренций был близок к кружку Сципиона.

Будучи далеким от народного италийского театра и получивший образование в духе греческих философских учений, Теренций в своих пьесах использует традиционные

маски паллиаты, но без грубого комизма, а в «благородном» варианте. В диалогах он избегает шутовства и грубости. Уже в античности отмечали, что Теренцию присуще замечательное чувство меры. Язык его вполне чист, изящен, свободен от архаизмов и крайностей, присущих языку героев Плавта. Это язык образованных кругов римского общества, становящийся нормой латинской речи.

Несмотря на то, что Теренций, в отличие от Плавта, весьма умеренно пользуется стилистическими фигурами: повторениями, игрой слов, аллитерациями, – он пишет очень живо и энергично. Как отмечает В. Н. Ярхо («Античная драма. Технология мастерства», М., 1990, с. 135 – 138), для Теренция характерно накопление вопросов, как прямых, так и риторических («Братья», 670 – 672), вплоть до перестрелки вопросами в диалоге («Евнух», 696 – 698, 850 – 858); лексические скрепы между репликами в диалогах (ср. у Грибоедова: «Нельзя не пожалеть, что с этаким умом... — Нельзя ли пожалеть о ком-нибудь другом?»).

Использует Теренций и известный нам по Плавту прием «говорящих имен», имея в виду знание публикой греческого языка. Так, в комедии «Братья» действуют Демея (от греч. δῆμος «дем», обозначение административной единицы в Аттике, т. е. Демея – житель Афин), Памфила («всеми любимая»), Сострата («охраняющая» дом) и т. д. Некоторые высказывания из комедий Теренция стали пословицами: Homo sum: hūmānī nihil ā mē aliēnum puto – «Я человек: считаю, что ничто человеческое мне не чуждо» («Самоистязатель», 77).

Интерес к Теренцию именно как к стилисту со стороны римской школы помог сбережению и его собственных произведений, и ряда античных комментариев к ним. Почти непрерывная рукописная традиция текста Теренция прослеживается с IV – V вв. н. э. Его комедии переводили, комментировали, перерабатывали в новое время, учились у него приемам и умению создавать интригу, характеры, строить монологи и диалоги. По справедливому замечанию В. Н. Ярхо (ук. соч., с. 138), Теренций «хорошо сумел воспользоваться наследием, которое попало в его руки, и еще лучше – передать последующим поколениям».

Контрольные вопросы

1. Какие процессы характерны для нормализации лексики и синтаксиса латинского языка во II в. до н. э.?

2. Что вы знаете об охране чистоты латинской речи?

Практическое задание

Прочитайте по ХРЛ диалог Демеи и Микиона из комедии «Братья» (с.132 – 134). Обратите внимание на синтаксические особенности текста и приемы построения диалога, сопоставьте язык и стиль фрагментов Теренция и Плавта.

Литература

1. К. П. Полонская, Л. П. Поняева. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 2000, с. 127 – 143, 285 – 287 (см. также библиографию изданий Теренция на с. 300).

2. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. М.–Л., 1953, с. 188 – 193, 206 – 210, 214 – 217.

Содержание